

КРИМИНАЛИСТИКА.

Проблемы и мнения (1962-2002гг).

Киев - 2002

Бахин В.П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962-2002).-Киев, 2002-268С.

ББК 629.4
УДК.
343.977 Б
301

В монографии представлены основные публикации автора по проблемам изучения и совершенствования практики борьбы с преступностью. Рассчитана на всех интересующихся развитием и функциональной ролью криминалистики.

СОДЕРЖАНИЕ

I раздел. Общие проблемы криминалистики	6
1. Задачи криминалистики	6
2. Преступная деятельность как объект криминалистики	22
3. Принципы преступной деятельности	37
4. Потребности практики	45
5. Соотношение средств защиты прав личности и средств борьбы с преступностью	63
6. Дезинформация и побуждение к действиям как средство противодействия преступной деятельности	75
7. Научно-методическое обеспечение следственной практики	87
8. Наукометрические исследования в криминалистике	94
9. Эксперимент как средство совершенствования следственной деятельности	101
II раздел. Криминалистическая тактика	110
1. Понятие, сущность и содержание криминалистической тактики	ПО
1.1. Понятие криминалистической тактики	110
1.2. Тактика и правила следственной деятельности	116
1.3. Тактика преступной деятельности	119
1.4. Средства криминалистической тактики	122
1.5. Критерии допустимости тактических средств	133
2. Внезапность в следственной деятельности	141
2.1. Понятие и сущность внезапности	141
2.2. Тактические приемы обеспечения внезапности	152
3. Тактика повторного следствия	168

III раздел. Криминалистическая методика	176
1. Криминалистическая характеристика преступлений	176
2. Вневидовые методики расследования	185
3. Понятие и значение следственных ситуаций	189
4. Способ совершения преступления	197
5. Противодействие расследованию	202
6. Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью	211
7. Проблемы защиты участников уголовного судопроизводства	226
Библиографические ссылки	235
Основные публикации автора	263

Предисловие

Криминалистика, как наука, вступила во второе столетие своего развития, что позволяет говорить о ее сформированности и зрелости. Однако она, естественно, не может рассматриваться как нечто завершенное, поскольку ее прикладной характер требует постоянного учета и удовлетворения потребностей практики борьбы с преступностью, которая как любое явление объективного мира находится в непрерывном развитии.

Коренное изменение преступности, начавшееся в конце прошлого столетия и продолжающееся сегодня, ставит перед криминалистикой новые и гораздо более сложные, чем прежде, проблемы. Но развитие криминалистики и создаваемых ею (и с ее помощью) средств и методов раскрытия и расследования преступлений заключается не только в рождении нового, но и в совершенствовании, приспособлении к новым условиям того, что появилось и успешно использовалось прежде. Поэтому исключительно важно отслеживание того, как появлялось и использовалось то, что было создано ранее, какие потребности практики и обусловленные этим задачи криминалистики вели к созданию новых средств и методов деятельности, почему отвергались жизнью отдельные из них.

На протяжении 40 лет служения криминалистике я участвовал в обсуждении наиболее актуальных ее проблем, высказывал свои соображения и предложения. Причем по ряду проблем и вопросов происходило изменение первоначальных мнений, что с позиций сегодняшнего дня расценивается не просто как смена, а как развитие взглядов с учетом новелл практики раскрытия и расследования преступлений (например, в отношении обмана, «провокации», гипноза и т.д.). С учетом этого я решил представить на суд интересующихся криминалистикой отдельные из публикаций, отражающие мои взгляды на криминалистику и ее проблемы.

Благодарю моих учителей, коллег и учеников, в содружестве с которыми рождались и реализовывались идеи, представленные в данном издании.

Раздел I. Общие проблемы криминалистики

Современные криминалисты, прекрасно оперирующие с уголовным законодательством и вполне опытные в соблюдении всех мелочных формальностей судебной процедуры на столько же не приспособлены к борьбе с современными преступниками, насколько великолепная коллекция доисторических орудий не пригодна к промышленной жизни двадцатого века.

Ничефоро

1. Задачи криминалистики

Характерной особенностью развития нашего общества на современном этапе является сосуществование старых и новых форм его жизнедеятельности, которое охватывает все стороны - экономику, политику, культуру, социальную сферу. Это порождает не только сложности функционирования государственных структур и общественных формирований, но и задачи поиска наиболее рациональных путей преобразований, оптимальных форм и методов деятельности. С учетом этого раскрытие и расследование преступлений в современных условиях приобретают существенные особенности, обусловленные организованным характером преступных формирований, наличием коррумпированных связей (в том числе в правоохранительных органах), осведомленностью преступников о средствах и методах работы правоохранительных органов. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что значительное количество тяжких преступлений совершается лицами, имеющими соответствующую подготовку, достаточно хорошо технически оснащенными, снабженными средствами конспиративной связи, оружием, владеющими приемами и средствами наблюдения и контрнаблюдения. Все это дает преступникам возможность тщательно скрывать следы своих преступлений и активно противодействовать усилиям правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

В этих условиях требуется конкретизация задач криминалистики для наиболее полного и качественного удовлетворения возросших потребностей практики. Общей (главной) задачей криминалистики считают способствование борьбе с преступностью (1,4-5; 2 5;3,5). Однако в таком общем виде это задача всех наук, изучающих преступность. Поэтому задача криминалистики должна выражаться через то сущностное, что отличает вклад криминалистики в борьбу с преступностью. Таковым является разработка средств, приемов и методов собирания доказательственной информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В связи с этим главную задачу криминалистики можно сформулировать как **обеспечение борьбы с преступностью соответствующими потребностям практики средствами, приемами и методами получения доказательственной информации.**

Специальные (частные) задачи криминалистики трактуют по-разному на различных этапах развития криминалистики в зависимости от формирующихся потребностей следственной практики и объема относимого к ним содержания (4,223-231).

К специальным задачам криминалистики относятся:

- а) изучение закономерностей слеодообразования, сбора и использования доказательственной информации,
- б) изучение практики раскрытия и расследования преступлений, включая опыт и данные зарубежных стран,
- в) разработка теоретических основ деятельности по обнаружению, собиранию, исследованию и использованию доказательственной информации,
- г) разработка практических рекомендаций технического, тактического и методического характера,
- д) разработка средств и мер предупреждения преступлений.

Эти задачи, в принципе, всегда стояли перед криминалистикой, как только она сформировалась в качестве самостоятельной науки. Однако современные условия борьбы с преступностью требуют совершенно другого подхода к этим задачам, уточнения их сущностной содержательности, поскольку традиционный взгляд и подходы, а также прежние средства и методы деятельности не позволяют качественно и рационально решать главную задачу криминалиста-

ки - обеспечение борьбы с преступностью соответствующими потребностям практики средствами, приемами и методами.

Задача изучения закономерностей слепообразования и получения информации из материальных следов и иных источников обычно сужается до группы следов, которые может оставить преступник. Но сегодня этого мало. В условиях борьбы с организованной преступностью, когда реальному разоблачению преступников (особенно из верхнего эшелона преступных структур) должна предшествовать оперативно-розыскная работа, целью которой является создание «базы» для подтверждения собранной информации доказательствами, изучать только процессы того, как оставляются следы недостаточно. Необходимо разрабатывать средства и меры, призванные обеспечить неоставление следов (например, при работе оперативного работника с документами, при иных средствах контроля за действиями преступников), а также способствующие дополнительному слепообразованию при действиях преступников.

Применительно к специфике деятельности служб безопасности в связи с этим писали о «контркриминалистике», т.е. о том, что необходимо разрабатывать средства и методы, которые позволяли бы не оставлять следы, на выявление которых направлены рекомендации криминалистики (Савельев Ю.И., 1977г., Митричев В.С., 1980г.). Но здесь не может идти речь о чем-то ином (противоположном криминалистике), ибо в основе и одного (обнаружить), и другого (не оставить, замаскировать, видоизменить и т.п.) лежат единые закономерности слепообразования, которые изучает криминалистика. А вот цели и задачи использования этих результатов могут быть различными, в том числе противоположными.

В связи с этим возникает еще один важный вопрос: кто (криминалистика или другая наука) должен заниматься разработкой технических средств и приемов, которые предназначены для использования в оперативно-розыскной деятельности?

Б.Л.Зотов отмечал, что вне уголовного процесса не может быть криминалистики (5,11). А.Н.Васильев считал, что задачей криминалистики является реализация ее средств и методов в регламентированной процессуальным законом деятельности по расследованию (5,40). Другие авторы определяют сутью криминалистики разра-

ботку специальных средств и методов, обеспечивающих решение задач правосудия, на основе исследования последствий и механизма преступления.

В процессе уголовно-процессуальной деятельности решаются задачи раскрытия и расследования преступлений, в ходе оперативно-розыскной - задачи выявления, раскрытия, пресечения и предупреждения преступлений. Специфика задач порождает специфику сил и средств, используемых для их решения в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

Между следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями есть сходство по целям и содержанию, но нередко есть весьма существенные различия по приемам и методам осуществления. При этом и следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия являются способами получения фактических данных о событии преступления. Поскольку эти данные содержатся в следах, оставленных событием (на материальных предметах или в памяти людей), то способы сбора фактических данных, в какой бы сфере борьбы с преступностью они ни применялись, всегда содержат одни и те же пригодные для отображения следов познавательные операции. С учетом этого криминалистика должна обеспечивать своими средствами и методами решение задач, связанных с получением информации из материальных и идеальных источников, во всех сферах и формах правоохранительной деятельности.

Но что значит обеспечивать? Просто разрабатывать то, что сегодня бесспорно относится к предмету криминалистики и может быть при необходимости использовано в любой сфере правоохранительной деятельности или вести целенаправленную заказную разработку основ и выходных из них результатов (средств, приемов, методов) для решения частных практических задач, в том числе в сфере оперативно-розыскной деятельности? Р.С. Белкин пишет: «Неверным представляется мнение о том, что криминалистика «обслуживает» оперативно-розыскную деятельность. Теория оперативно-розыскной деятельности использует данные криминалистики, как и данные других наук... Здесь нет «обслуживания», а налицо обычный процесс использования одной наукой данных другой ..., обычный процесс взаимопроникновения наук. Если же го-

ворить о практической деятельности, то ее всегда «обслуживают» многие науки, и криминалистика не является монополистом в «обслуживании» оперативно-розыскной, как, кстати, и уголовно-процессуальной деятельности» (4,110). По нашему мнению, раньше с такой постановкой можно было согласиться, но сегодня это звучит не совсем актуально и правильно. Если оставаться на этой позиции, то возникает вопрос: кто будет заниматься разработкой теоретических основ следоведения и практических средств и методов деятельности, которые еще не стали предметной задачей криминалистики, потребностью следственной деятельности, но настоятельно необходимы в иных сферах? Другие науки, предмет которых не охватывает следоведения (например, теория ОРД) или специально формируемые для этого новые науки? Ответ, на наш взгляд, очевиден: это бессмысленно и с теоретической и с практической точки зрения. Другое дело, как «заказ» на подобные разработки должен поступить в науку криминалистику. Этот вопрос требует организационной проработки, но ограничение функций криминалистики разработкой средств и методов, предназначенных только для деятельности по расследованию преступлений представляется необоснованным.

Криминалистика не должна в прямом смысле «работать» на ОРД, но исследование проблем слеодообразования должно осуществляться в гораздо более широком объеме, чем ранее, чтобы имелась возможность обеспечения борьбы с преступностью арсеналом всех средств, необходимых и достаточных для решения современных специфических задач во всех сферах правоохранительной деятельности.

Изучение следственной практики является базой для всех теоретических разработок криминалистики, для обобщения опыта их реализации в практической деятельности. С определенной долей условности можно сказать, что криминалистика - обобщенный опыт раскрытия и расследования преступлений.

Укрепление правопорядка, совершенствование деятельности правоохранительных органов предполагает всестороннее изучение их деятельности. Анализ практики свидетельствует о систематической повторяемости устанавливаемых недостатков. Объясняется

это, на наш взгляд, тем, что в системе мер борьбы с преступностью не учитываются должным образом ее основные причины, а недостатки в деятельности правоохранительных органов связываются главным образом с недобросовестностью отдельных работников. Недооценка объективных причин неудовлетворительной деятельности правоохранительных органов повлекла дальнейшее снижение результатов и качества их работы, негативное отношение к возможностям решения стоящих перед ними задач и совершенствования их деятельности.

Следственная деятельность является частью практики борьбы с преступностью, в свою очередь, последняя представляет звено более общей системы - общества в целом. Поэтому всестороннее и полное познание части (деятельности по расследованию) может быть обеспечено только во взаимосвязи с элементами всей общественной системы, поскольку состояние следствия, в том числе его недостатки и их причины, лишь отчасти определяются непосредственно сферой расследования. В основном же они обуславливаются уровнем развития социально-экономической системы и характером задач, решаемых обществом на данном этапе. Например, недостаточность и некачественность научно-технических средств, используемых при расследовании преступлений, определяется в первую очередь общим уровнем научно-технического прогресса и теми возможностями, которые могут быть предоставлены обществом для борьбы с преступностью. Поэтому для исправления существующего положения с техникой вопрос должен решаться на общегосударственном уровне, а не констатацией частных - нехватки чего-либо в каком-нибудь регионе, органе. В последнем случае возможно лишь перераспределение, разовая помощь, а не принципиальное изменение положения в целом. Следовательно, выявление частных причин недостатков деятельности может способствовать устранению отдельных из них временно либо на ограниченном участке, но не приведет к коренным изменениям.

Отсутствие экстенсивных путей устранения противоречия между потребностями и возможностями правоохранительных органов требует поиска и реализации новых подходов и средств. К ним следует отнести те, которые уже неоднократно предлагались, но не бы-

ли осуществлены (дифференциация и рационализация предварительного расследования, освобождение следователей от технической работы и т.д.) и экстраординарные, например, введение материального вознаграждения за розыск похищенного, установление определенной нижней границы стоимости похищенного в качестве признака и основания к возбуждению уголовного преследования и т.п. При этом важно не просто механическое сокращение количества возбуждаемых уголовных дел, а четкая дифференциация правонарушений на малозначительные и представляющие повышенную общественную опасность. Такой подход означает не отказ от борьбы с преступностью, а выделение в данной деятельности главного и реального для практического осуществления.

Отмеченное обуславливает необходимость всестороннего изучения природы и закономерностей следственной практики, т.е. не поверхностной констатации недостатков, а вскрытия причин их возникновения (7, 36-37).

К «узким местам» изучения следственной практики следует также отнести отсутствие часто провозглашаемого, но редко реализуемого системного подхода. Вследствие этого вне поля зрения авторов нередко остаются существенные аспекты предмета исследования, обоснование репрезентативности исследуемых материалов. Иногда отсутствует сравнительный анализ полученных результатов с данными аналогичных ранее проведенных исследований, что не позволяет раскрывать тенденции происходящих изменений, их характер, масштаб и т.д. В большинстве публикаций, тематика которых предполагает изучение следственной практики в конкретном плане, основное внимание уделяется теоретическим положениям, анализу высказанных точек зрения, а данные изучения собственно практики весьма ограничены по объему и далеко не всегда могут быть базой для выводов и предложений.

Что включает в себя содержательно изучение следственной практики? Схематически действия преступника и их последствия, с одной стороны, и приемы работы по выполнению этих следов в целях решения задач уголовного судопроизводства, с другой стороны. Применительно к первому аспекту речь чаще всего идет об изучении способа совершения преступления, личности преступника,

способов сокрытия преступлений. По мере развития представлений о предмете криминалистики в этом вопросе происходили существенные изменения. Так Г.Ю.Манне в 1921 г. указывал, что криминалистика изучает способы совершения преступлений, профессиональные особенности и быт преступников (8, 147), И.Н.Якимов в 1925 г. отмечал изучение «физической и моральной личности преступника» (9, 3), Б.М.Шавер в 1938 г. писал об изучении приемов и методов совершения преступлений и остающихся следов (10, 66). В последующем этот аспект изучения не упоминается в определениях предмета криминалистики. И это вполне понятно, ибо практика - объект, а не предмет изучения криминалистики. Но вопрос о том, какая практика и что именно в этой практике должно интересовать криминалистику весьма актуален и принципиален. Отдельные авторы пишут о необходимости изучения следов преступной деятельности (11, 17), криминальной практики (12, 18-20) и т.д.

Изучение преступной деятельности через образуемые и оставляемые в процессе совершения преступлений следы теперь является недостаточным. Для успешной борьбы с преступностью необходимо изучение всех аспектов возникновения и функционирования преступной деятельности как самостоятельного явления в целом, так и на уровне осуществления конкретной преступной деятельности (13, 19).

Иными словами, изучение преступной деятельности выходит за рамки преступления и переходит на уровень преступности. При этом опять-таки возникает вопрос о том, кто должен заниматься таким изучением - криминалистика или какая-то другая наука? Мы не собираемся уже сейчас дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, но считаем, что криминалистика (и только криминалистика!) должна изучать в преступной деятельности все то, что отражает и характеризует функционирование преступных сообществ, групп и отдельных преступников в качестве любых следов преступной деятельности, способствующих решению задачи продвижения от конкретного преступления и преступника к выявлению и разоблачению всей преступной структуры, стоящей за этим фактом, за этим лицом. То есть, как конкретно (через какие следы в самом широком смысле этого слова) выявлять и устанавливать вышестоящие звенья

преступной системы (кроме боевиков-исполнителей), как выяснять взаимосвязь различных по характеру проявлений преступных акций и их направленность из единого руководящего центра и т.д.

С учетом отмеченного мы считаем, что самостоятельной задачей криминалистики должно быть изучение криминалистических аспектов преступной деятельности (14,28).

Цели криминалистического изучения следственной практики обычно ограничивают предметом науки криминалистики. Между тем пограничные вопросы профессиональной подготовки следователей, научной организации их труда и другие также с необходимостью должны включаться и охватываться целями изучения следственной практики.

Изложенное позволяет сформулировать вывод о том, что без четкой конкретизации целей изучения следственной практики и определения соответствующих им средств и методов исследования невозможно обеспечить подлинно научное, отвечающее требованиям времени изучение практики и использование полученных результатов для ее совершенствования. При этом необходимо учитывать, что «могут быть реализованы не любые цели, но лишь такие, которые соотносятся с объективными условиями, закономерностями, возможностями» (15, 33).

В 1950г. А.И.Винберг предложил дополнить предмет криминалистики «изысканием способов предупреждения преступлений» (16,4). Это было крупным шагом в уточнении служебных функций криминалистики. Однако в последующем вопросы предупреждения преступлений стали в основном сводить к деятельности следователя по установлению обстоятельств, способствовавших совершению конкретных преступлений, и предложению мер по их устранению. Это важное направление деятельности, но в таком виде она в основном проявляется в следовании за преступником и преступлением: преступник, например, изобрел новый способ совершения преступления, мы его изучили и только после этого думаем и предлагаем, как исключить или ограничить возможности совершения преступлений таким способом. Но это неполноценное и в определенной мере пассивное предупреждение, а оно должно носить характер упреждения: принимать меры не тогда, когда что-то уже произошло,

что-то стало использоваться преступниками, а прогнозировать возможное развитие явлений и условий, которые могут быть использованы для совершения преступлений.

В отношении расследования нередко говорят - это работа по следам преступника. В узком смысле слова это отражает суть криминалистики - обеспечение работы по оставленным преступником следам, которая должна привести к его установлению, к раскрытию преступления, а в широком - означает необходимость реагировать на то новое, что рождено преступностью, стало реальностью. Последнее характеризует и отражает наше отставание от преступности. В силу этого наука и практика оказались не готовы к работе в условиях качественно изменившейся преступности. Так, например, до сегодняшнего дня практически нет методик расследования заказных убийств, преступлений в финансово-кредитной сфере, криминальных взрывов, компьютерных преступлений и т.д. Следствием этого является то, что нет реальных уголовных дел, полноценно раскрывающих преступную деятельность организованных преступных сообществ, почти в четыре раза ниже процент раскрываемости заказных убийств по сравнению с общей раскрываемостью убийств, а также иные показатели качественных недостатков в деятельности правоохранительных органов.

Так будет практически с каждой «новеллой», преподносимой нам преступниками, если не будет прогностического анализа в целях определения новых возможных вариантов преступных действий и разработки и реализации упреждающих мер. Следовательно, криминалистика в своих теоретических разработках и практических рекомендациях должна стать прогностической, т.е. работать на прогнозирование и упреждение того, что может стать реальностью в ближайшем будущем. В связи с этим весьма своевременно ставится задача разработки основ теории криминалистического прогнозирования (17,34-37).

В связи с задачами криминалистики особую актуальность вновь приобрел вопрос о природе и сущности криминалистики. Споры о том, является ли криминалистика естественно-технической, правовой, самостоятельной, вспомогательной, прикладной наукой, продолжались на протяжении всего ее развития. Достаточно

подробный анализ точек зрения и аргументов по данному вопросу дан Р.С.Белкиным в ряде его работ (18,5-13; 19,105-112), на основе которых он пришел к выводу о синтетическом характере криминалистики, которая не является чисто технической или чисто правовой дисциплиной (20,43). Она синтезирует в себе самые различные разновидности знаний, необходимые для решения проблем практической деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. То есть по природе криминалистика - синтетическая наука, а по предназначенности - прикладная. Однако последний период ее развития (не менее 20 лет) свидетельствует о том, что криминалистика ушла в саморазвитие и беспредметное теоретизирование. Примерами этого могут служить «теория распознавания» (21), учение о криминалистической характеристике преступлений (КХП), «криминалистическая эйдология, феноменология» (22,19) и др. Об этом пишут Р.С.Белкин (20), В.Я.Колдин (23, 20-23), В.Ф.Статкус (24,130-132), Т.А.Седова (25,10) и другие авторы, критикующие отдельные из этих «учений». Р.С.Белкин отмечает, что наряду с отсутствием ответа на вопрос, «почему некоторые явно актуальные и значимые для практики достижения и рекомендации криминалистики не привлекают внимания практиков и не используются ими в своей деятельности», существует еще проблема того, что «в криминалистической науке к настоящему времени накопилось значительное число различных умозрительных конструкций и «открытий», которые не имеют ни теоретических, ни практических обоснований» (20,7).

В.Я.Колдин указывает, что «общепризнанным является прикладной характер криминалистики», а «наиболее интенсивное развитие получают атрибуты науковедения и фундаментальной науки», «предложены многочисленные теоретические конструкции и структурные модели криминалистики, не подкрепленные обоснованием их практической необходимости и вносящее разноречивую путаницу в систему подготовки кадров»(23,10). Причину отмеченного В.Я. Колдин связывает с определением криминалистики как науки «о закономерностях механизма преступления», данного Р.С.Белкиным. Несомненно, это может влиять на развитие криминалистики, но основная причина, на наш взгляд, в другом. В усло-

виях бурного научно-технического прогресса синтетический характер криминалистики требует для рождения новых идей и разработок (средств, приемов, методов) объединения глубоких знаний из различных областей (например, экономических, кибернетических, криминалистических и пр. - для разработки методики расследования экономических преступлений; филологических, физических, криминалистических и др. - для разработки методики идентификации личности по голосу и т.д.). Возможность создания таких разработок появляется в двух ситуациях: а) когда исследователь обладает совокупностью необходимых знаний и б) когда специалисты различных областей знания объединяют свои усилия для решения конкретной задачи. Примеров первого рода не так уж много и они в основном связаны с тем, что специалист определенного профиля приходит на работу в правоохранительную систему и проявляет свой творческий исследовательский характер. Варианты второго рода вроде имеют над собой определенную базу - существование научно-исследовательских подразделений и центров, но их работники, как правило, чрезмерно загружены практической работой (производство предварительных исследований и экспертиз, выезды на места происшествий, реализация различных видов криминалистического обеспечения деятельности практических подразделений и т.п.) либо «аналитической работой» по подготовке докладов, отчетов и справок для руководства в результате чего у них практически не остается времени и желания на выполнение собственно научно-исследовательской работы. И в силу этого наукой в основном занимаются диссертанты и преподаватели. Но поскольку у них нет необходимого единения знаний в различных областях, нет материально-технических возможностей для проведения собственно исследований, прежде всего экспериментального характера, большинство «исследователей» начинают «творить» то, что им под силу и не требует больших временных затрат. Применительно к КХП такой подход Р.С.Белкин характеризует так: «Легче описывать элементы характеристики, да еще по собственной схеме, чем заниматься весьма трудоемким процессом выявления корреляционных зависимостей между ними» (20, 221)

Говоря о вкладе Р.С.Белкина в развитие криминалистики, Ю.Г.Корухов подчеркивает, что он подсказывает «будущим исследователям правильный подход к поискам нового - на стыке наук, в иных областях знаний, за счет интеграции знаний, путем перетекания идей» (26,15).

Т.А.Седова пишет: «Увлечение ученых-криминалистов в последнее время теоретическими изысканиями отчасти можно объяснить более коротким путем к публикациям, поскольку здесь не требуется вложения трудоемких затрат на экспериментальные исследования, изучение обширных массивов уголовных дел и т.д.» (25,10).

В.Я.Колдин совершенно правильно подчеркивает, что «большинство диссертационных работ по криминалистике также в значительной части посвящены науковедческим и теоретическим проблемам, непосредственно не связанным с решением конкретных практических задач» (23,10). Мы по собственному опыту работы в ученых советах можем дополнить, что в последние годы не только «мельчает» тематика диссертационных работ, но и снижается их качество. С учетом отмеченного мы неоднократно выступали и писали о необходимости изменения порядка подготовки диссертационных работ.

Одна из тенденций развития науки на современном этапе - консолидация научных сил, кооперация научного труда. Однако в практике подготовки научных кадров вьющей квалификации преобладает ориентация на индивидуально выполненные работы. В результате большинство диссертантов-юристов проводят одиночные исследования, в которых нередко повторяются общие теоретические положения. Так, к настоящему времени защищено 15 диссертаций по методике расследования краж. В 10 из них (66,7%) имеются главы о криминалистической характеристике этого вида преступлений. Текстуально они отличаются, но в каждой из них содержится анализ высказанных точек зрения о понятии криминалистической характеристики преступлений, ее значении для теории и практики расследования, рассматривается перечень составных

элементов и прочие повторяющиеся вопросы. Непосредственное изучение практики нередко ограничивается незначительным объемом и небольшим количеством новелл. С.И.Коновалов отмечает: «Заявляемая «новизна» подхода к исследованию..., как правило, выражается в признании неполноты и несостоятельности предшествующих исследований, однако собственные исследования авторов ведутся по схеме, аналогичной критикуемой, а получаемые при этом результаты не противоречат уже имеющемуся знанию, но и не дают нового содержания» (319,17).

Если бы целью подобных исследований было не «научное открытие», а изучение конкретных сторон практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, то тогда, во-первых, не затрачивались бы усилия на описание уже известного, во-вторых, возросла бы возможность исследования реальных потребностей практики, в-третьих, стало бы доступным объединение усилий нескольких исследователей для изучения широких и объемных вопросов.

Практически в каждой диссертации по методике расследования отмечаются несвоевременность реагирования на сообщения о совершенных преступлениях, недостаточный уровень расследования, неполнота использования научно-технических достижений, констатируются одни и те же, в основном субъективные, лежащие на поверхности причины такого положения. Но в них нет ответа на вопрос: чем обусловлены причины того, что предлагаемые меры по совершенствованию следственной деятельности не приносят желаемых результатов либо вообще не реализуются. Для проведения подобных исследований нужны комплексные программы и привлечение больших коллективов исследователей. При их осуществлении в рамках коллективных диссертационных исследований каждый начинающий исследователь приобрел бы не меньший набор навыков научной работы, чем при индивидуальной подготовке диссертации в ее нынешнем виде, а его реальный вклад в науку и практику был бы более эффективным.

Но поскольку поощряется (степени, звания, продвижение по

службе и т.п.) в основном индивидуально выполненная работа, большинство исследователей-юристов и, в частности, каждый диссертант, стремится найти и обработать свой «кусочек», вместо того, чтобы, объединив усилия нескольких научных работников, широко и глубоко изучить какой-либо практически значимый вопрос, недоступный по силам и времени одному ученому.

ВАК требует, чтобы каждая диссертация была «научным открытием», но это совершенно нереально, ибо подлинные открытия случаются редко. Поэтому диссертанты стремятся придумать свои «открытия», родить свою «теорию», новое «учение». Мы, в частности, предлагали разрешить объединение 3-5 диссертантов для исследования какой-либо практически значимой темы под руководством одного научного руководителя (13,27-28). Но звучат возмущенные голоса: а как определить вклад каждого? Следовательно, и дальше будут рождаться «трактаты», не представляющие интереса ни для практики, ни для науки.

Еще одной болезнью криминалистики является «введение» в ее язык терминов, которые не несут никакой содержательной нагрузки, кроме желания авторов «оставить свой след в криминалистике» (20,219). Всегда перед предложением ввести новый термин необходимо ответить на вопрос: что дает эта замена? Расширение и углубление теоретических положений науки? Повышение эффективности расследования? Без положительного ответа на эти вопросы подобные новеллы не должны иметь права на существование.

Другой крайностью тенденции развития криминалистики по пути «исследования» проблем абстрактного теоретического плана, далеких от потребностей практики, удовлетворять которые призвана криминалистика, представляется утверждение В.Я.Колдина, что «криминалистическая теория вытекает из криминалистической практики и не имеет иных целей (подч. нами), кроме обслуживания этой практики» (23,14). В любой науке прикладного характера имеются положения (теории), как направленные на непосредственное решение задач практики, так и служащие развитию самой науки и призванные выступать базой для успешного развития первого направления. Другое дело, что в прикладной науке не должно быть

«перекоса» в сторону исследований второго плана, «творения» науки ради самой науки, только ради «непосредственных задач своих авторов» (23,17).

Принципиально важным является вопрос о внедрении криминалистических рекомендаций в практику, поскольку, во-первых, оно связано с функцией криминалистики, а, во-вторых, последние десятилетия характеризуются тем, что многие из рекомендаций не реализованы в практике. Причиной последнего может быть как явная непрактичность (надуманность) рекомендаций, так и отсутствие условий для использования реальных рекомендаций. В связи с этим нужно уточниться с понятием и содержанием криминалистического обеспечения следственной практики, о чем много пишут в последнее время (27-28). На наш взгляд, в данном явлении нужно четко разграничивать два аспекта: а) научное обеспечение, т.е. разработка необходимых практике средств, приемов и методов деятельности и б) организация обеспечения, т.е. создание условий для восприятия и использования практикой этих рекомендаций.

По мнению В.Я.Колдина «Научная разработка любой криминалистической рекомендации, средства, метода, технологии обязательно (подч. нами) включает этап внедрения» (23,19). Согласиться с этим трудно, поскольку, во-первых, внедрение - достаточно самостоятельный этап второго уровня криминалистического обеспечения практики, во-вторых, ученые-разработчики крайне редко сами участвуют во внедрении. Разумеется, участие самого разработчика во внедрении его рекомендаций в практику имеет ряд преимуществ, ибо никто лучше него не знает и не представляет что именно нужно, чтобы это средство заработало, но организационно это в абсолютном большинстве случаев невозможно. Внедрение - это сложный технологический процесс реализации научных разработок, а не абстрактное «органические единство криминалистической науки и практики» (23,19). Поэтому внедрение разработанных рекомендаций в практику осуществляется прежде всего криминалистическими научно-практическими подразделениями (центры, лаборатории и т.п.), сотрудники которых, как правило, загружены другой работой и не имеют личных стимулов во внедрении чужих идей и трудов.

2. Преступная деятельность как объект криминалистики.

Преступность является порождением социально-экономических условий жизни общества и отражением его характера на каждом конкретном историческом этапе развития. Преступность никогда не была простой совокупностью совершаемых преступлений, а выступала закономерным социальным явлением. Поэтому преступность должна рассматриваться и изучаться не просто как «криминальная болезнь» общества, а в качестве социального явления, которое по мере своего «возмужания» оказывает все большее влияние на судьбы государств и народов.

Борьба с преступностью путем реагирования на конкретные преступные акты никогда не подрывала устои самой преступности - это были лишь отдельные и разрозненные «уколы» в ее постоянно развивающийся организм. Таким путем можно лишь определенным образом «обуздать» преступность, но устранить, ликвидировать и даже существенно ограничить ее без целевого и непосредственного воздействия на социальные корни и условия ее существования и развития невозможно. В связи с этим высказываются мнения, что следует говорить не о борьбе с преступностью, а о «противодействии», «сдерживании», «нейтрализации» преступности (29,7-8). За последние годы размах преступности достиг размеров, угрожающих нормальному функционированию государства, стал опасным для жизнедеятельности общества (30,6). Американский профессор Г.Албанис считает, что организованную преступность не удастся искоренить, «не обеспечив удовлетворение спроса на товары и услуги, монополизированные преступным миром» (31,9).

Коренное качественное изменение преступности, превращение ее в профессиональную и организованную ставит перед правоохранительной практикой и наукой задачу разработки и реализации новых подходов к борьбе с преступностью, адекватных ее новому характеру, содержанию и причинам. В связи с этим необходимо заметить, что обвинение в том, что «милиция плохо борется с преступностью» в значительной мере лишено оснований: правоохранительные органы нередко заслуживают упрека за «недоработки», не-

...

качественное решение своих конкретных задач, но основное - это **нежелание** или **неумение государства** вести борьбу с преступностью всеми необходимыми мерами, в первую очередь, социально-экономическими (32,110; 33,116). Специалисты США и Великобритании отмечают, что степень активности полиции не оказывает значительного влияния на уровень преступности, поскольку правопорядок нельзя рассматривать как результат ее деятельности - в обществе действуют другие факторы, регулирующие поведение людей и сдерживающие рост преступности (34,7).

«Преступление, взятое в собственно криминалистическом плане, выступает не только как юридический факт, но и как предметная деятельность (иногда ее фрагмент: действие, совокупность действий) человека» (35,3), поэтому нельзя познать закономерности деятельности по расследованию, не изучив тот объект, на который она направлена, т.е. преступную деятельность (36,28). Для повышения эффективности борьбы с преступностью требуется изучение преступной деятельности как социального феномена, как одной из разновидностей социально-значимой человеческой деятельности.

На заре отечественной криминалистики Г.Ю. Манне, И.Н.Якимов, С.А.Голунский, Г.К.Рогинский и др. указывали на два полюса в объекте изучения криминалистики - преступную деятельность и деятельность по расследованию преступлений. Необходимость изучения преступной деятельности отмечают в настоящее время многие ученые (37,8; 38,5; 39,57). О преступной деятельности идет речь в уголовно-правовой и криминологической литературе (40,9-10). Однако содержание этого понятия многие авторы существенно ограничивают, сводя его практически к единичным актам преступлений. Так, В.Я.Колдин пишет, что преступная деятельность составляет основное содержание расследуемого события (41,66). В.В.Тищенко, давая в целом достаточно широкое определение преступной деятельности: «В криминалистическом аспекте преступная деятельность представляет собой систему объединенных общими мотивами и целями преступных действий, операций и эпизодов, рассчитанную на относительно длительный период и включающую в себя подготовку, планирование, осуществление, маскировку и проти-

водействие ее разоблачению», в дальнейшем сводит ее к конкретному преступлению (42,103). К.Е.Игошев пишет: «Преступление представляет собой один из специфических видов сознательной человеческой деятельности» (43,58).

П.К.Кривошей определяет преступную деятельность как «систематическое, одновременное совершение лицом на протяжении более или менее длительного промежутка времени юридически тождественных, однородных или разнородных общественно опасных деяний, являющихся самостоятельными преступлениями, объединенных единой мотивацией, общностью цели», т.е. характеризует правовой аспект совершения неединичного преступления, но не саму деятельность преступников (44,26). Смещение понятий «преступление» и «преступная деятельность» имело место и в прошлом. Так, Н.С.Таганцев ставил знак равенства между преступным деянием и преступной деятельностью (45,265).

«Преступление как объект криминалистического научного и практического познания, - пишут В.В.Клочков и В.А.Образцов, - представляет собой специфическую разновидность человеческой деятельности - процесс взаимодействия преступника и окружающей его среды... Немаловажный интерес представляют связи преступления с другими видами деятельности, информативными в криминалистическом отношении, которые реализуются в периоды до, в процессе и после совершения преступления... Преступления не возникают из ничего. Они имеют свою предисторию. Далеко не все элементы системы преступления исчерпывают свое содержание, прекращают реальное функционирование и в послекриминальный период. Сказанное прежде всего касается преступника и криминалистического аспекта тех видов деятельности в до- и послекриминальные периоды его жизнедеятельности, участником которых он являлся (как в сфере выполнения профессиональных функций, так и в быту, в сфере досуга)» (46,48-49, 51)!

В.Г.Гаенко и С.А.Софронов тоже пишут о допреступной и постпреступной деятельности, но связывают это только с совершаемым преступлением (его подготовкой и сокрытием), считая, что в криминалистическом смысле под преступными действиями должны пониматься «только та деятельность или поступки, которые

предусмотрены правовой нормой УК Украины» (47,182). Разумеется, инкриминировать виновному можно лишь то, что прямо рассматривается законом как преступное, но для установления виновности необходимо изучать и выявлять все то, что позволяет установить конкретику уголовно наказуемых деяний лица. Поэтому Т.Э.Караев совершенно правильно уточняет, что преступную деятельность составляют и действия не преступного характера (48,11-13). Это, по нашему мнению, очень правильно подчеркнуто в законе Республики Беларусь «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией» от 26 июня 1997г., в котором к преступной деятельности отнесено «создание условий для ее поддержания и развития».

А.Ф.Зелинский первоначально отрицал самостоятельность существования преступной деятельности, а затем признал таковую в качестве отдельного вида человеческой деятельности, но считает, что «преступная деятельность может состоять из одного преступления, если оно подготовлено несколькими действиями» (49,121,125). В данном случае опять деятельность, как система и способ существования и взаимодействия человека с окружающим миром, сводится к единичным операциям и действиям, которые как отдельные «кирпичики» характеризуют преступную деятельность, но не являются ею. В связи с этим представляется правильным замечание Н.И.Панова, что между понятием «деятельность», употребляемым в уголовном праве, и одноименным понятием в философии и психологии «сходство сугубо терминологическое» (50,14). В одной из последних работ А.Ф.Зелинский пишет: «Преступная деятельность - это особая разновидность человеческой деятельности. Она обладает всеми ее общими социально-психологическими свойствами» (51,178).

А.В.Дулов, подчеркнув, что изучение преступления не тождественно изучению преступной деятельности, пишет: «Появились предложения положить в основу криминалистического изучения преступления общую теорию деятельности и исследовать этот объект, выделяя в нем: 1) мотив, цель, установку; 2) способы деятельности; 3) орудия и средства деятельности; 4) результат деятельности... Чтобы изучить преступную деятельность, первоначально надо выявить и исследовать совокупность материальных следов,

объектов (элементов), характеризующих преступление как явление, событие. Только на такой основе ... могут строиться предположения о сущности преступной деятельности» (38,73).

Таким образом, используя весьма широкий по своему содержанию термин, многие авторы значительно сужают характеризуемое им. Р.С.Белкин в связи с этим подчеркивает: «Если уж называть в определении преступную деятельность как предмет познания (криминалистики - авт.), то следует говорить не столько о способе преступления, сколько о механизме преступления, т.е. о системе преступной деятельности, в которой способ преступления - лишь одно из звеньев» (14,103). Но следует отметить, что нельзя ставить знак равенства между «механизмом преступления» и «системой преступной деятельности», поскольку первое включает в себя достаточно полную характеристику того, как совершается конкретное преступление, а второе должно охватывать раскрытие того, как существует и действует преступность в обществе на определенном историческом этапе его развития. Однако, В.Я.Колдин считает, что «механизм расследуемого события» имеет более широкий объем, чем понятие «преступная деятельность», поскольку «им охватываются не только все явления, причинно связанные с действиями субъекта преступления, но также все имеющие значение при расследовании объективные данные. В качестве последних могут использоваться любые акты деятельности как преступника, так и всех связанных с ним лиц, например потерпевших, свидетелей и др.» (41,65).

Разумеется, например виктимологическое поведение жертвы, не является непосредственным элементом преступной деятельности, ее прямым содержанием, но входит в понятие условий осуществления преступной деятельности. Преступная деятельность, как и любой другой вид деятельности, соприкасается с множеством объектов и явлений окружающей действительности, иными видами деятельности, поэтому ее познание будет требовать изучения не только «чистых элементов» самой преступной деятельности, но и многих «стыковых моментов» (46,51).

Констатируя, что криминалистика изучает два вида человеческой деятельности - преступную и по раскрытию и расследованию преступлений, А.М.Кустов отмечает, что «преступная деятель-

ность как совокупность последовательных и взаимосвязанных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, направленных на достижение преступного результата, является одним из основных элементов механизма преступления», т.е. существенно ограничивает содержание категории «преступная деятельность» (52,4,13). Анализируя соотношение категорий «механизм преступления», «преступное поведение» и «преступная деятельность», он отмечает, что первые две - шире последней (53,18,98). На наш взгляд, такая мысль может объясняться отождествлением преступления и преступной деятельности, при трактовке последней лишь как совокупности «действий и движений лица, направленных на реализацию или удовлетворение извращенных потребностей» (53,20). Но преступная деятельность - это способ существования, процедура его жизнеобеспечения, а не только конкретные акты по достижению конкретных (отдельных) преступных целей, поэтому категория «преступная деятельность» содержательно шире понятий «преступление», «преступное поведение», «механизм преступления» и включает их в качестве отдельных составляющих.

В связи с этим необходимо уточнить соотношение категорий и понятий «преступление», «преступность», «преступная деятельность». Преступление - это комплекс действий по достижению ставящихся лицом целей противоправным путем. Набор и характер этих действий могут быть весьма разнообразны в зависимости от условий и средств достижения конкретных целей (54,54). Правильным представляется замечание, что для характеристики действий преступника не подходит термин «поведение» в силу ограниченности его содержания (55,95). Преступность - это совокупность совершенных преступлений, характеризующая их качественную и количественную распространенность (хотя встречается и такое определение преступности как «свойство общества порождать преступления» лишь «внешне выражающееся в совокупности преступлений» (56,155). Преступная деятельность - это пути и способы существования и развития преступной части общества. Таким образом, преступление - это единичное явление, преступность - общее, а преступная деятельность - проявление и отражение социальной сущности преступлений и преступности в качестве социального элемента жизнедеятельности общества.

Преступление и преступная деятельность не равнозначны, во-первых, потому, что явление (преступление) специфично и своеобразно, но нередко весьма ограничено в своих признаках и проявлениях, а их совокупность (множественность) имеет массу характеризующих признаков, которые не присущи всем единичным составляющим, во-вторых, по той причине, что преступление может быть единичным эпизодом и даже при неоднократности совершения преступлений определенным лицом или группой оно не всегда приобретает характер преступной деятельности, отражающей способ и образ жизни. Это проявляется лишь на уровне обобщения, характеризующего жизнедеятельность преступной среды, всех ее составляющих как разновидности человеческой деятельности.

Поскольку ставится задача изучения преступной деятельности, необходимо уточниться с понятием «деятельность», его содержанием. В философии деятельность трактуют как специфическую форму активного отношения человека к окружающему миру (57,38; 58,39) и как способ существования человека, обеспечение условий его жизнедеятельности (59,57;60,64;61,45). При этом подчеркивается созидательный, общественно полезный характер деятельности (59,57,63). В связи с этим правомерен вопрос: является ли преступная деятельность, антиобщественная по своей сути, видом человеческой деятельности? Ответ, на наш взгляд, однозначен - да, является, поскольку любые действия и операции, направленные на обеспечение существования человека, приспособление его к окружающим условиям жизни, представляют собой разновидности человеческой деятельности (62,78-81).

«Сколько бы мы ни делили деятельность как способ человеческого бытия на различные ее «структурные» единицы по предмету, способу деятельности и конкретному субъекту-исполнителю, такое деление в общественно-исторической перспективе может быть бесконечным, но в итоге всегда окажется, что любая единица будет по своей природе деятельностью, коль скоро она есть обнаружение человеческого бытия» (60,66). «Даже паразитический образ жизни, - отмечает Л.П.Буева,- строго говоря, не есть бездеятельность, поскольку как биологически так и социально человек не бездействует» (59,65). А.Ф.Зелинский считает, что преступная деятельность

«представляет собой либо извращение нормальной деятельности, либо осуществление ее с нарушением правовых норм» (49,9К). Здесь, на наш взгляд, дана не оценка самой деятельности, не содержания, как отношения человека к окружающему миру, а лишь характеристика с позиции ее полезности. Но многие иные виды деятельности иногда могут быть отнесены к «извращениям нормальной деятельности», например военная деятельность в период агрессивной захватнической войны.

«С экономической точки зрения «преступная деятельность» - такая же профессия, которой люди посвящают время, как и столярное дело, инженерия или преподавание» (63,33-34). А «преступная организация есть разновидность трудового коллектива» (64,62).

В результате своей деятельности преступники, как правило, не создают ничего общественно полезного, но для своего существования они вынуждены активно действовать. Правда, У.Лишман отмечал, что «в отличие от обычной преступности, которая носит полностью грабительский характер, организованная преступность связана с предоставлением определенных услуг и товаров» (65,220). В настоящее время преступная деятельность приобрела такие масштабы вмешательства в социально-экономические условия жизни общества, когда может угрожать устоям государственной жизни. Иными словами, преступная деятельность - это не только объективный социальный фактор, но и такое явление, с которым, особенно в условиях появления организованной преступности, государство не может не считаться. Разумеется, преступность и преступная деятельность формируются и определяются условиями окружающей среды (речь идет об их приспособлении к этим условиям, «уживчивости» с обществом, ибо оно ничего не делает целенаправленно для их существования и развития, 56,155), но и в свою очередь оказывают влияние на атмосферу жизнедеятельности общества. Можно условно сказать, что преступная деятельность является своеобразным «стимулом» развития общества, поскольку заставляет искать и внедрять новые формы и средства его существования в условиях борьбы с преступностью (66,458-460).

Любой вид человеческой деятельности происходит в условиях противодействия сил природы, государственного регулирования

(ограничения). Применительно к преступной деятельности государство и общество целенаправленно принимают меры против развития и самого существования преступности, что, в свою очередь, вынуждает преступников совершенствовать свое «ремесло» - приемы, средства, методы, организацию преступной деятельности. Причем в плане используемых средств деятельности преступники, как правило, опережают правоохранительные органы.

Различными авторами выделяются разные по названию и количеству элементы деятельности, что определяется не различием позиций в характеристике данной категории, а подходами и целями ее анализа (67,189; 68,268; 69,27).

Любой вид деятельности характеризуется определенной структурой, т.е. специфическим набором действий и последовательностью их осуществления (70,107). Последовательность и характер действий зависят от объективных условий деятельности, причем в разных условиях достижение одной и той же цели может складываться из различных операций. Поэтому набор действий становится деятельностью только тогда, когда эти действия подчинены единой цели. Если общая цель отсутствует, то нет и деятельности, а совершение действий становится бессмысленным.

В наиболее общем плане **целью** преступной деятельности является обеспечение условий существования лиц, занимающихся ею. Конкретными целями занятия преступной деятельностью и совершения преступлений могут быть самые различные - и обогащение, и месть, и желание прославиться, и социальный протест и т.п., т.е. практически все те цели, которые перед собою может ставить человек. Следовательно, по данному элементу преступная деятельность отвечает социальной характеристике деятельности.

Объектом деятельности выступает то, на что направлена эта деятельность для реализации ее целей. В наиболее общем плане - это объективная действительность (природа и социальная среда, 71,42; 72,32). В зависимости от конкретного вида деятельности ее объектом могут быть природная среда, продукты предшествующей деятельности человека, система общественных отношений, люди и т.д. **Объект** преступной деятельности составляют предметы материаль-

ного мира, люди и правовые отношения, поскольку **преступление** всегда направлено на преобразование материальных объектов (разрушение, уничтожение, изменение), воздействие на человека (от элементарного обмана до убийства), изменение характера правовых отношений (лишение прав собственности, переадресовка их другим субъектам и т.д.). Таким образом, и объект преступной деятельности соответствует понятию данного элемента человеческой деятельности.

Без субъекта вообще нет деятельности (хотя говорят, например, о «вулканической деятельности», отмечая элемент активности). **Субъект** преступной деятельности деятелен, как и любой другой человек в процессе труда, но он весьма специфичен по ряду своих характеристик. Во-первых, его отличает четкая антиобщественная направленность личности и ее поступков. Во-вторых, связанный с этим противоправный и во многих случаях скрытный характер действий.

Для совершения преступлений субъект преступной деятельности должен обладать определенными знаниями, умениями, навыками, а нередко и чертами характера, позволяющими идти **на** жестокие и дерзкие действия. Как и при любом ином виде деятельности, преступники используют в своей преступной деятельности накопленный опыт предшественников и свой собственный преступный опыт, что позволяет им, добиваясь поставленных целей, нередко оставаться безнаказанными и совершенствовать способы преступной деятельности. Индивидуальный опыт, отражающийся в способах совершения преступлений, имеет исключительно важное значение для борьбы с преступностью, поскольку представляет возможность по признакам предшествующих действий (ранее совершенных преступлений) устанавливать исполнителей новых преступных акций.

Каждому виду деятельности присущ свой специфический набор средств и способов их использования. Характер средств преступной деятельности определяется ее целями, условиями осуществления, конкретными видами совершаемых преступлений и иными обстоятельствами «Цель деятельности всегда соотносится со средством ее реализации, а средство служит цели, выполняет то **назначе-**

ние, те функции, которые предписаны целью» (69,68). С учетом этого средства совершения преступлений могут быть разграничены на две основные группы:

а) материальные предметы, предназначенные (используемые) для достижения определенного результата воздействия на конкретный объект (орудия и инструменты, оружие, транспорт и т.д.),

б) меры психологического и иного характера, призванные обеспечить достижение цели без применения непосредственных орудий труда (обман, внушение, угроза, 72,7-8).

Нередко при совершении преступлений эти средства могут сочетаться, например, при фальшивомонетничестве, контрабанде, использовании поддельных документов и пр.

Средства деятельности не ограничиваются лишь теми предметами, с помощью которых осуществляется воздействие на предмет труда, «в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться» (67,191). В этом плане к средствам преступной деятельности могут быть отнесены способы совершения преступлений и организация преступных сообществ. Способ совершения преступлений представляет собой комбинацию всех необходимых средств (включая поведенческие акты) для достижения планируемого результата. Формы организации преступных групп обусловлены потребностями количественного и качественного состава группы для осуществления преступного замысла, например, когда единичное преступление не может быть совершено в одиночку или длительная деятельность требует объединения усилий нескольких лиц, когда для совершения преступлений необходимы конкретные исполнители-соучастники (в рамках организованной преступности такими будут, например, коррумпированные чиновники) и т.д. (73,25).

Наиболее характерным отличием различных видов деятельности является сам процесс труда - процесс получения требуемого результата деятельности. **Процесс преступной деятельности** весьма специфичен и своеобразен. О «работе» вора, грабителя, убийцы говорить в общеупотребительном смысле непривычно и тем не менее

это активная деятельность субъекта. Она включает в себя не только конкретный акт совершения преступления, но и более широкий круг действий по обеспечению жизни преступника, а нередко и его близких: создание условий для осуществления преступной деятельности (формирование преступных групп, подготовка «кадров», решение проблем «специализации» и распределения «сфер влияния», организация разведки и контрразведки и т.д.), подготовку и совершение преступлений (акты конкретного преступного поведения), маскировку преступного поведения и сокрытие следов совершенных преступлений, реализацию (сбыт и использование) приобретенного в результате преступной деятельности, меры по обеспечению жизнеспособности преступных организаций (противодействие расследованию, создание фондов помощи «пострадавшим» в процессе преступной деятельности и т.п.) (74,35-37). Таким образом, необходимо разграничивать преступление, как единичный (нередко случайный или эмоциональный) акт, и преступную деятельность, как целенаправленное осуществление действий для обеспечения своего существования. Первое - это элемент (частица) второго - преступной деятельности.

Деятельность связана не только с созданием продуктов труда, но и с потреблением, разрушением результатов предшествующей деятельности. Преступная деятельность в основном относится к разрушительному образцу деятельности, хотя для нее характерны и отдельные элементы созидания (наркобизнес, игорный бизнес, теневая экономика, 75,394). Как отмечается, «деятельность по разрушению может обособиться от целей и задач общественно полезного труда и, противопоставленная им, может угрожать существованию общества» (59,66). Это и характерно для современной преступности.

Специфическим элементом преступной деятельности является противодействие ее выявлению и пресечению. Это всегда было присуще действиям преступников. Но если ранее действия преступников чаще всего сводились к единичным актам совершения преступлений (даже если их было несколько), то для преступника было главным - не оставить следов, по которым его могли бы установить и изобличить. В связи с этим основными мерами были сокры-

тие и уничтожение следов преступления (76,373-377). В настоящее время, когда преступность вышла на уровень организованной, когда она проявляется не в отдельных актах преступлений, а в системе преступной деятельности, преступники вынуждены заботиться о своей безопасности не только в период осуществления преступных акций, а в процессе всей их «трудовой деятельности», в целом - существования. «Противодействие, - отмечает О.И.Криводед, - является для организованных преступных групп жизненно важным фактором безопасного существования. В ходе всего процесса формирования, существования и деятельности организованных преступных групп, по мере накопления преступного опыта, финансовых и организационных возможностей возрастает и активность противодействия, причем оно становится более систематичным, целенаправленным» (77,148).

Теперь преступники не просто принимают меры для уничтожения материализованных следов, но и «покупают» либо «убирают» не только свидетелей, а и лиц, осуществляющих правосудие, лоббируют свои интересы в государственных органах, используют международные связи для совершения преступлений (казачных убийств, финансовых афер и т.п.) и укрывательства «засветившихся» членов преступных группировок. Наиболее показательным в этом плане является коррумпирование государственных чиновников, позволяющее преступникам получать информацию, необходимую для их «хозяйственной» деятельности, а также для выявления планов и намерений правоохранительных органов и воспрепятствования им как собственными мерами, так и посредством действий коррумпированных лиц. То есть здесь мы имеем дело с мерами жизнеобеспечения, а не только с разрозненными преступными акциями.

Одной из характерных сторон организованной преступности является борьба за сферы «влияния», их распределение. В качестве средства решения этих проблем часто выступает так называемая «разборка», но есть и иные пути - обращение в специфический «третейский суд», когда спор разрешает «авторитет», которому доверяют обе соперничающие стороны. «Разборки» в основном свойственны для начального этапа формирования организованной

преступности, а затем они становятся нежелательными, так как «в целом такая манера действий вредит, поскольку навлекает на него общественное возмущение и вызывает повышение активности полиции» (78,46).

Институт «третейского суда» в преступной деятельности характеризует уровень ее организованности и «цивилизованности», когда на смену кулаку и пистолету приходят расчет и продуманность действий. Так, например, на начальном этапе формирования итальянской и американской мафии было чрезвычайно много «впечатляющих» разборок, а затем наступила пора исчезновений, несчастных случаев и сердечных приступов. В связи с этим необходимо отметить следующее. Характеризуя работу правоохранительных органов, у нас подразделяют регионы на хорошие, где за отчетный период не было ни одной «разборки» (или число их весьма ограничено), и плохие, где произошло много «разборок». Но такой подход не является объективным и не отражает состояния преступной деятельности, поскольку отсутствие «разборок» может свидетельствовать как о временном «нейтралитете» во взаимоотношении преступных группировок, так и о переходе к иным способам решения проблем своего функционирования. Следовательно, отсутствие «разборок» не повод для бездумной радости, а основание для более глубокого изучения и анализа деятельности преступных сообществ, выявления изменений, происходящих в их жизнедеятельности. Поэтому изучение преступной деятельности, познание ее сути и форм требует не поверхностных «срезов» и суждений, а всестороннего и глубокого исследования данного специфического и сложного социального явления.

Философы, рассматривая виды человеческой деятельности, не указывают в качестве самостоятельного вида преступную деятельность. Ими лишь отмечаются такие характеристики деятельности как негативная, антиобщественная, незаконная, аморальная (79,13). Поскольку существуют категории лиц, постоянно совершающих преступления, их поведение следует рассматривать как преступную деятельность, которая «представляет собой совокупность действий, объединенных общностью мотивов и целей и запрещенных уголовным законом» (41,13). В связи с этим подчеркивается,

что понятие «преступная деятельность» в отличие от «преступного поведения» отражает не только проявление системы определенных преступных действий, а и целенаправленный поиск лицом социальной позиции, условий для реализации преступных замыслов, приобретения качеств, необходимых именно для преступной деятельности (55,98).

Г.Беккер - основатель экономического подхода к изучению преступности, который необычен, но весьма оригинален и интересен, указывает, что он «основан на обычном для экономистов анализе выбора и предполагает, что индивид совершает правонарушение, если ожидаемая для него выгода превосходит выгоду, которую он мог бы получить, используя свое время и свои ресурсы на другого рода деятельность. Некоторые лица становятся преступниками не потому, что их основные мотивации отличаются от мотивации других лиц, но потому, что различаются их выгоды и издержки» (80,9). При данном подходе исследование преступного поведения выступает частным случаем более общей экономической теории человеческого поведения как такового.

С учетом рассмотренного можно отметить, что *преступная деятельность* в полной мере соответствует определению деятельности как активного воздействия социального субъекта на объект, осуществляемого с помощью определенных средств (методов, приемов, орудий) для достижения ставящихся субъектом целей. Поэтому борьба с преступностью требует изучения именно преступной деятельности как социального явления и фактора **жизнедеятельности** преступности, а не только отдельных составляющих ее частей - преступных актов. Это важно не только для обеспечения всестороннего анализа данного явления в целях определения конкретных и реальных мер борьбы с преступностью, но и в силу того, что неполнота познания его природы и законов развития привела к углублению профессионализма преступности, появлению организованной преступности, а главное - к резкому снижению результативности качества борьбы с преступностью.

По данным нашего опроса необходимость изучения преступной деятельности отметили: **100%** начальников **ГО-РОВД (1001 чел.)**, **98%** следователей (3972 чел.), **96,6%** оперуполномоченных (3477 чел.) и **97,8%** научных сотрудников и преподавателей (1628 чел.).

«Введение категории «деятельность» в криминалистику, широкое, творческое ее изучение и использование могут в значительной мере изменить понятийный строй ее теоретических знаний, привести их к коррективке и углублению, дать импульс к определению путей продуктивного решения как новых, так и традиционных проблем» (81,33).

3. Принципы преступной деятельности

Для борьбы с преступной деятельностью, представляющей собой самостоятельный и весьма жизнестойкий социальный организм, сознательно и целенаправленно противопоставляющий себя обществу и государству, требуется изучать весь механизм, всю структуру, все закономерности проявления данного социального явления, без чего любые попытки борьбы с ним будут обречены на провал. В.В.Лунеев пишет: «Человечество в конце XX в. оказалось в сжимающемся криминальном капкане, выбраться из которого без критического пересмотра прежних утопий, традиционных стратегий борьбы с преступностью... не удастся» (82,48).

Профессиональная, организованная (нередко на транснациональном уровне) преступность выступает сейчас монолитом, которому отдельные «уколы» в виде раскрытия и расследования единичных преступлений совершенно не страшны: это просто мелкий «брак» их мощного производства. Следовательно, только всестороннее и глубокое познание феномена преступной деятельности, раскрывающее его истоки, природу, содержание и причины, позволит определить реальные пути и средства противодействия ему.

Каждый вид человеческой деятельности строится и осуществляется в соответствии с определенными законами, принципами и правилами. К законам деятельности относятся объективные закономерности, обуславливающие возможность осуществления определенного вида деятельности, достижения ставящихся целей, ее характер и содержание. Например, красть можно лишь там, где есть что-либо пользующееся спросом. Этим определяется появление нарко и автобизнеса, торговли оружием, «живым товаром» и т.п.

В качестве принципов деятельности выступают основополагаю-

щие положения, определяющие ее сущность, формы и методы, отличительные особенности (83;84). Иными словами, принципы - это то, что регламентирует деятельность, чему подчиняется ее осуществление. Игнорирование таких определяющих положений, как правило, делает деятельность неэффективной (с позиции ставящихся целей) либо вообще невозможной. Так, например, сегодня является не реальной открытая скупка органов человека для трансплантации, поэтому данный «бизнес» должен тщательно маскироваться.

Правила деятельности представляют собой конкретизацию принципов применительно к непосредственному осуществлению операций, составляющих содержание конкретной деятельности. Например, правило не выдавать своего.

Принципам следственной деятельности, направленной на борьбу с преступной деятельностью, в литературе уделяется большое внимание (85-90). Постановка вопроса о принципах преступной деятельности является не только новой, но и необычной, поскольку, во-первых, само это явление лишь начинает отражаться в научной литературе, а, во-вторых, пока представляется странным вести речь о принципах того, что по своей сути беспринципно, аморально и вроде бы аморфно. Поэтому мы не намерены давать полный перечень и характеристику принципов преступной деятельности, а стремимся представить данную проблему и необходимость ее разработки для более глубокого познания преступности и определения наиболее рациональных мер борьбы с нею.

Прежде всего обратимся к тем принципам, которые «лежат на поверхности». Любая деятельность строится в соответствии с принципами целесообразности, экономичности, научной обоснованности, организованности, специализации. Не является в этом плане исключением и преступная деятельность.

Целесообразность применительно к данному виду деятельности выражается в выборе тех ее направлений, которые наиболее рациональны в существующих условиях и соответствуют возможностям и способностям действующих лиц. В соответствии с этим принципом преступник или группа лиц выбирают наиболее прибыльный и реальный для осуществления вид и способ деятельности.

Экономичность проявляется в первую очередь в том, чтобы затраты на подготовку и совершение преступления, а также расходы на случай разоблачения, были существенно ниже, чем полученная в результате выгода. Экономичность также заключается и в том, чтобы использовались наиболее экономичные в материальном плане «технологии».

Принцип обычно характеризует какую-либо из сторон явления (в данном случае - деятельности), которое весьма многогранно и не всегда «укладывается» в те или иные выделяемые признаки. Поэтому нередко одна и та же сторона явления может отражаться (характеризоваться) различными принципами. Такое «переплетение» наблюдается во взаимосвязи принципов целесообразности и экономичности, целесообразности и безопасности и т.д. Так, как правило, целесообразно то, что экономично, но не все, что экономично, целесообразно. Например, высокий уровень организации разведки обычно целесообразен и необходим для осуществления преступной деятельности, но экономичность может определять и ограничивать ее масштабы и затраты. Эта взаимосвязь пронизывает практически все принципы и должна учитываться при их изучении и оценке.

Необычно применительно к преступной деятельности звучит принцип научной обоснованности, но любой вид деятельности в условиях научно-технического прогресса не может развиваться без учета научных достижений. Так, внедрение охранной сигнализации и иных средств защиты объектов (имущества) вынуждает преступников искать способы и средства их преодоления. Например, вместо подкупа и вооруженного нападения на банк - хищение денег путем компьютерного проникновения. Научная обоснованность (или обеспеченность) преступной деятельности проявляется в использовании для подготовки и совершения преступлений самых современных технических средств. Вся история соперничества правоохранительных органов и преступников свидетельствует о том, что последние были всегда оснащены значительно лучше. Использование новой и чаще всего дорогой техники влечет существенные затраты, но обеспечивает большую результативность и экономичность достигаемого. Однако, применение нового дорогого - это не только благо, но иногда и минус. Так, киллеры-профессионалы начинали

с использования специального и редкого оружия (его большую цену оплачивал заказчик), но вскоре обнаружилась опасность и нецелесообразность этого, так как подобное оружие нередко предоставляло возможность отследить его путь от изготовителя до заказчика и иногда самого исполнителя. Поэтому сейчас киллеры уже ориентируются на массовое, трудно контролируемое оружие. Более того, появился рынок «засвеченного оружия», которое после использования уголовником попадает к киллеру-профессионалу, чтобы после его применения направить следствие по ложному пути (91,137).

Принцип специализации лежит не только в основе любого вида человеческой деятельности, но и выступает фактором их разграничения, т.е. он проявляется внутри и вне каждого вида деятельности. Преступная деятельность в целом включает в себя большинство операций, которые характерны для социально полезных видов деятельности. Так, компьютерное мошенничество - это использование возможностей компьютерной техники на высочайшем уровне; получение данных для совершения кражи - процесс сбора информации, характерный практически для всех видов деятельности; применение приемов «психологической обработки» жертвы - приемы психологического воздействия и т.д. Не случайно, например, отмечается, что организованная преступность не только причиняет ущерб обществу и государству, но и создает полезное - туристические центры, гостиничные комплексы, игорный бизнес и т.п. Преступный характер выполняемых операций определяется прежде всего их антиобщественной направленностью и игнорированием общечеловеческих ценностей (жизнь и здоровье людей, судьба человечества) по принципу: цель оправдывает все.

В структуре преступной деятельности специализация имеет два среза: а) специализация в рамках различных видов преступлений и б) специализация внутри преступной группы, сообщества. Оба вида специализации призваны обеспечивать наибольшую продуктивность и эффективность выполняемой «работы». Так, для многих категорий преступников (мошенников, карманных воров, киллеров) требуется наличие специфических признаков и характеристик личности, без которых данное «ремесло» становится опасным и неэффективным. Внутригрупповая специализация заключается в том,

чтобы каждый участник делал то, что он может выполнить лучше других. Например, в группе фальшивомонетчиков один может заниматься обеспечением всеми необходимыми средствами и материалами, другой - непосредственным изготовлением «продукции», третий - ее сбытом и т.д. Среди квартирных воров появилась новая специализация - сбор информации о потенциальных объектах кражи и «сбыт» ее за определенный процент от украденного.

В рамках организованной преступности подобная специализация достигает особо глубокого и целесообразного уровня. Со специализацией связано, в частности, комплектование преступных групп. Здесь есть два основных варианта. Первый - сложившаяся по принципу землячества или иных интересов группа определяет какой вид преступлений им «по профилю», т.е. исходят из своих наличных возможностей. Второй - у инициаторов появляется идея совершения конкретных преступлений, под которую затем подбираются соответствующие исполнители.

Специфическим проявлением принципа специализации в преступной деятельности выступает так называемый «третейский суд», задачей которого является разрешение споров, возникающих во взаимоотношениях различных преступных групп.

Принцип совершенствования деятельности или постоянного обновления средств и методов деятельности предполагает не только использование научно-технических достижений, а и сам подход к осуществлению деятельности - смену исчерпавшего себя, приспособление к новым условиям, поиск новых сфер «приложения сил» (92,45). Всем памятна финансовая пирамида 90-х годов, которые «вытянули» из доверчивых вкладчиков миллионы, если не миллиарды долларов. Казалось бы граждан и научили и проучили. Но и сейчас «пирамиды» не исчезли, просто их создатели принципиально изменили методы своей деятельности. На смену широкой и громкой рекламе пришла тайна «бизнес-клубов для деловых людей», куда можно попасть только через знакомых, т.е. опять-таки действует четкий расчет на доверчивость и самообольщение: это не для всех, это для избранных. И снова обманывают на десятки миллионов.

Для успешного осуществления отдельных видов деятельности

требуется специальное информационное обеспечение - получение «помощи из стана врага». В армейских условиях - это разведка и контрразведка, в оперативно-розыскной деятельности - агентура и т.п. В преступной деятельности - это и первое, и второе, а главным образом - «привлечение на свою сторону» чиновников, работников правоохранительных органов, которые не только обеспечивают информацией, необходимой для осуществления преступной деятельности, но и предупреждают о возможной опасности, способствуют уходу от уголовной ответственности (например, «купленный судья»).

Принцип конспирации или маскировки также является непременным атрибутом преступной деятельности. Он распространяется на подготовку и совершение большинства преступлений: сокрытие подлинных намерений и целей действий, придание осуществляемым операциям видимости законных или носящих иной характер, обеспечение условий скрытности выполняемых действий, маскировка поведения и образа жизни и т.д. (93,22).

В тех случаях, когда преступление не может быть осуществлено скрытно, преступники обычно принимают меры по маскировке или уничтожению следов своего участия в данном событии. Иногда в действиях преступников проявляется явная демонстративность, когда помимо конкретной цели - убийства конкурента, уничтожения имущества - преследуется цель угрозы и «нравоучения» в адрес других. Тогда обычно принимаются меры по максимальному сокращению оставляемой следовой информации. Но основной закономерностью характера преступных акций является маскировка, например, убийства под несчастный случай, сердечный приступ, безвестное исчезновение. Специфику подхода и обеспечения конспирации деятельности мафии Р.Нинна характеризует следующим образом: «Неизменным остается старое правило - все решения принимаются лично и только устно, они не регистрируются ни в каких документах, а если регистрируются, то лишь в сокращенной и символической форме, недоступной для понимания непосвященных» (94,265). Высшей формой обеспечения конспирации и в целом жизнедеятельности преступных сообществ является устранение лиц, обладающих секретной информацией, в том числе из своих.

Принцип корпоративного (профессионального) единства (взаимопомощь, «общак», законы «братства» и т.п.) является одним из стержневых в характеристике преступной деятельности, поскольку отражает главное в социальной сущности преступной среды - ее противопоставленность обществу. А каждая социальная «ячейка» обычно живет по своим внутренним законам и принципам, отличающим ее от иных социальных групп. Это характеризует их мировоззрение, систему социальных ценностей, нормы поведения, внутреннюю субординацию, меры ответственности и т.д. В преступном мире это находит свое выражение и в таких деталях как жаргон, клички, татуировки, используемых для маскировки целей и обстоятельств деятельности, общения.

Отмеченный перечень принципов преступной деятельности, разумеется, не является исчерпывающим и бесспорным. Каждый принцип можно характеризовать (раскрывать) более широко, во всей практически значимой полноте. Но наша цель - обосновать наличие принципов преступной деятельности и необходимость их изучения. Каждый принцип имеет свои проявляющиеся во внешней среде признаки - следы, которые нужно знать и использовать в борьбе с преступностью.

Исследование принципов преступной деятельности позволит, на наш взгляд, решить следующие задачи:

- раскрыть содержание и особенности преступной деятельности,
- уяснить влияние принципов на характер преступной деятельности,
- выявить взаимосвязь принципов преступной деятельности с целями и условиями осуществления,
- определить значение и место принципов преступной деятельности в системе ее средств и методов,
- обеспечить разработку эффективных средств и методов противодействия преступной деятельности.

Требует специального исследования и вопрос о взаимоотношении принципов следственной и преступной деятельности, проявляющихся прежде всего через объект и цели деятельности - правовые отношения и социальные ценности, которые преступность стремится использовать в своих корыстных целях, а следственная - защитить от посягательств. Здесь, может быть, точнее говорить не

о взаимосвязи и взаимоотношении принципов, сколько об их конкуренции.

Взаимовлияние принципов следственной и преступной деятельности обусловлено тем, что изменение подходов, средств и методов преступной деятельности требует соответствующих изменений в деятельности правоохранительных органов, в свою очередь, меры и способы их обновленных действий влекут приспособление преступников к новым условиям. Так, конспиративность этих видов деятельности - это взаимопознание, взаимоучет, взаимопреодоление. Конспирация преступной деятельности порождает, в частности, приемы и способы выявления противодействующих лиц (оперативных работников, агентов, конкурентов и т.п.) и осуществляемых против них мероприятий, что в свою очередь, необходимо знать и учитывать при подготовке и проведении соответствующих мероприятий правоохранительными органами.

Одним из основополагающих принципов деятельности по раскрытию и расследованию преступлений является оперативность, призванная обеспечивать решение задач уголовного судопроизводства, которой со стороны преступника противостоит противодействие расследованию, направленное на препятствие обнаружению факта, затяжку установления его обстоятельств и действующих лиц, на сокрытие и уничтожение доказательств. Это своего рода закон постоянного развития и «взаимодействия» преступной и правоохранительной сфер. Причем принципы этих взаимоотношений могут иногда выходить на уровень явного соглашения, взаимоуступок. Например, «делка с правосудием» в США, допускаемая государством открытость мафии в Японии под условием исключения из ее «бизнеса» наркотиков и оружия и т.д.

Принципы любой деятельности, в том числе преступной, объективны по своей природе, поскольку являются концентрированным выражением ее сущности. Однако, они субъективны в той мере, в какой достигают глубины объективного в нашем научном познании. Признание принципов преступной деятельности и их целенаправленное изучение будет способствовать полному раскрытию объективной реальности этого вида деятельности (95,119).

4. Потребности практики

Потребности практики - это выразитель ее насущных проблем, решение которых необходимо для качественного выполнения стоящих перед правоохранительными органами задач. Поэтому знание и учет потребностей практики, т.е. того, в чем она нуждается для своего развития, без чего тормозится ее совершенствование, того, что должно быть познано и использовано для повышения ее уровня и качества, является важным условием оптимизации правоохранительной деятельности.

Потребность практики правоохранительной деятельности - это объективное явление, отражающее сложившуюся (либо складывающуюся) тенденцию ее развития, и обусловленную этим необходимость внесения изменений в организацию и методы деятельности. Познание и разрешение потребностей практики представляет постоянный процесс ее развития. Однако проявление потребностей не всегда характеризуется определенностью. Их восприятие и формулирование отличается субъективизмом, поэтому потребности практики не всегда своевременно выявляют, адекватно и в полной мере оценивают, что отражается на правильности выбора средств и методов разрешения объективно возникших потребностей. Конкретные задачи борьбы с преступностью на определенном этапе развития общества обуславливают необходимость разработки и внедрения в практику новых средств и методов, изменения организационной структуры, повышения уровня материально-технического обеспечения и т.д. Однако все это реализуется лишь в том виде, в каком позволяют возможности и ресурсы общества, уровень научно-методического и кадрового обеспечения деятельности правоохранительных органов. «Стихийно возникшую потребность, - отмечает В.Т.Томин, - никто не формулирует как задачу, однако она реально существует, ибо реально существует противоречие между возможностями следственных аппаратов и потребностями общества в силах и средствах, необходимых для качественного расследования уголовных дел» (96,5).

При отсутствии новой постановки задач и существенного изменения условий деятельности потребности обычно зарождаются и формируются как постепенное накопление сведений о том, что необходимо для дальнейшего функционирования и совершенствования

ния практики. В этих случаях потребность проявляется лишь на определенном этапе, когда она становится доступной для осознания. Поэтому познание потребностей практики, как правило, является сложным процессом и требует специального и систематического их изучения (97).

Изучение потребностей практики является неперенным условием проведения научных исследований. Оно позволяет «определить потребности практики, и следовательно, перспективы развития криминалистической теории, которая должна удовлетворять эти потребности,... составить представление об ошибках практики для установления их причин, разработки в теории путей преодоления ошибок, а также выработки новых методов повышения эффективности практики» (98,38-39).

Категория «потребность» широко представлена в работах философов, экономистов, психологов, юристов (99,148; 100,175; 101,14).

Потребности в зависимости от сферы их проявления рассматриваются с различных позиций и на разных уровнях, но единым является их характеристика как побудительного мотива к деятельности (действиям) и нужды в чем-либо.

Анализ имеющихся определений позволяет отметить ряд существенных признаков категории «потребность»: а) объективный характер, отражающий закономерности развития социальной системы и индивидуума; б) побудительный мотив (движущая сила, источник) и насущная необходимость функционирования любой саморазвивающейся системы; в) бесконечность процесса возникновения и разрешения потребностей как условие развития и совершенствования.

В юридической литературе термин «потребности» употребляется, как правило, без расшифровки и пояснений, как однозначный и предельно понятный. Однако всеобъемлющее и предметное использование категории «потребность» в совершенствовании следственной деятельности требует уточнения этого понятия и полного раскрытия его сущности. Наиболее конкретно потребности следственной практики определяют различным образом выраженную

необходимость в решении определенных вопросов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В этом определении подчеркнута главное: потребность - это сигнал о необходимости изменений. Но этого, на наш взгляд, недостаточно. Во-первых, требуется обосновать объективный характер их возникновения и формирования, во-вторых, обусловленность целевого изучения потребностей для обеспечения функционирования соответствующих систем.

С учетом отмеченного потребность может быть определена как объективно сложившаяся необходимость в изменении условий функционирования, целевое выявление и исследование которых является основой для определения мер по обеспечению дальнейшего развития и совершенствования конкретной сферы деятельности.

Данное определение, безусловно, не отражает исчерпывающую характеристику рассматриваемого явления, но подчеркивает наиболее существенные моменты: а) обеспечивающий характер потребностей следственной практики - направленность на создание условий повышения эффективности практической деятельности; б) целевой учет объективных закономерностей развития следственной практики на основе познания и реализации ее потребностей.

Потребности следственной практики связаны, во-первых, с реализацией задач, которые выдвигаются обществом перед правоохранительными органами, во-вторых, с объективными условиями осуществления деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, в-третьих, с недостатками и ошибками практики, обусловленными несоответствием реальных возможностей требуемому уровню обеспечения деятельности. С учетом этого потребности общества в правоохранительной сфере преобразуются в конкретные задачи, необходимость разрешения которых порождают соответствующие потребности функционирования правоохранительных органов.

По уровню и степени определенности и выраженности эти потребности можно условно разделить на формирующиеся (зарождающиеся) и сформировавшиеся, проявившиеся с достаточной степенью ясности. Формирование потребностей не всегда связано с длительностью временной характеристики процесса. Так, при постановке новой задачи определенные потребности как условия ее ре-

лизации могут быть сформулированы одновременно в достаточно конкретной форме.

В настоящее время исследование потребностей следственной практики осуществляется обычно в связи с решением конкретных задач: а) при анализе практической деятельности, обусловленном наличием конкретных недостатков либо в связи с изучением передового опыта; б) при оценке эффективности законодательства, регламентирующего следственную деятельность; в) при разработке и внедрении новых средств, приемов и методов следственной практики г) при определении и обосновании тематики научных исследований и т.д.

Изучение потребностей следственной практики в целях ее развития и совершенствования осуществляется недостаточно. Отсутствуют обоснованность и целеустремленность в определении необходимых для этого мер. В связи с этим, как указывает В.Н.Кудрявцев, при выборе основных направлений научных исследований «... необходимо преодолеть значительную долю стихийности, отсутствие достаточной увязки с потребностями практики» (102,110).

По данным нашего опроса научные сотрудники и преподаватели отметили, что потребности практики удовлетворяются с отставанием во времени - в 93,8%, а по объему не в полной мере - в 96,5%. Причины этого они видят в следующем:

а) недостатки внедрения научных достижений в практику	- 57,5%
б) отсутствие должного внимания изучению потребностей практики	- 43,3%
в) недостатки планирования и организации научных исследований	- 37,1%
г) следствие естественного отставания теории от практики	- 34,5%

Более существенны критические замечания об удовлетворенности практических потребностей со стороны работников правоохранительных органов. Так, например, начальники РОВД (568чел.) констатируют недостаточность методического обеспече-

ния борьбы с организованной преступностью - 84,7% и по вопросам тактики преступников - 81,5%.

Особую актуальность в настоящее время приобрели потребности практики борьбы с изменившейся преступностью, которые наглядно демонстрируют недостаточность прежних средств и методов правового, организационного, технического и тактического противодействия преступности и необходимость их существенного преобразования и развития. Все это требует новых, нередко нетрадиционных подходов к организации и осуществлению борьбы с преступностью. Многими авторами подчеркивается, что в ситуации, которая сложилась на данный момент, органы предварительного расследования не способны качественно выполнять задачи, поставленные перед ними законом.

Ярким свидетельством недостаточности мер борьбы с преступностью является выступление министра МВД Украины Ю.А.Смирнова на июльской 2002г. коллегии МВД. Говоря о «роли» судей в борьбе с преступностью, министр отметил: «Если утром дается санкция на арест, а вечером отменяется, значит с судьей уже кто-то «поработал». За этим стоит то, что в текущем году судьи отказали в аресте трети задержанных спецподразделениями службы по борьбе с оргпреступностью и около полутора тысяч обвиняемых в тяжких преступлениях (убийство, изнасилование, нанесение тяжких телесных повреждений) были отпущены под подписку о невыезде в результате чего имели возможность «поработать» со свидетелями и пострадавшими, чтобы те дали «нужные» показания».

И далее министр «порекомендовал»: поскольку судьи независимы и разоблачить их «заинтересованность» практически невозможно, работайте с теми, кто идет к ним с «подарками». Это - признание нашего бессилия в борьбе с преступностью и судьями, способствующими ей.

Нареканий в адрес судов высказывается немало. Но все ли они справедливы? Прежде суды фактически «штамповали» приговоры по направляемым им делам. Сейчас для вынесения обвинительного приговора они требуют прочной доказательственной базы. Проиллюстрируем это примером. По сигналу охранной системы наряд милиции задержал в квартире двух человек с приготовленными

для выноса вещами. При допросе каждый из них заявил, что, узнав о намерении другого совершить кражу, побежал следом за ним, чтобы удержать его от такого поступка, но не успел это сделать и был задержан вместе с ним. Полагая, что задержание с поличным вполне достаточно для изобличения преступников, следователь не придавал особого значения их «объяснениям» и направил дело в суд. Но судья посчитал иначе и возвратил его на дополнительное расследование, возможности которого были «исчерпаны» еще при задержании с поличным, когда не был проведен полноценный осмотр на месте кражи для выявления следов действий преступников при сборе краденного, данные которого позволили бы опровергнуть объяснения задержанных. Правильно ли поступил суд? На наш взгляд, не только правильно, но и показательно, продемонстрировав следствию, что старые подходы к раскрытию и расследованию преступлений не пригодны и требуется перестройка - организационная и психологическая. В соответствии с законодательством других стран суд в подобной ситуации прекратил бы такое дело и оправдал подсудимых в связи с недостаточностью доказательств, свидетельствующих об их вине.

А борьба с «продавшимися» судьями не столь бесперспективна как заявил министр. Необходимо лишь желание (правда, не только МВД, а прежде всего президента и депутатов-законодателей) бороться с этим злом. Одним из путей обеспечения решения этой проблемы может служить предметно-сравнительный анализ деятельности судей (ведь не все они «продались»), суть которого должна заключаться в выяснении того, как конкретный судья выглядит на фоне действий других судей в аналогичных ситуациях (категории дел, категории привлекавшихся к ответственности, основания отказа в применении мер пресечения, основания прекращения и возвращения дел на дополнительное расследование и т.д.), что позволит установить, какие именно категории дел, на какой именно стадии и по каким конкретным причинам, у какого именно судьи не «доходят» до своего логического завершения. А на основании этих данных возможна более детальная проверка деятельности конкретного судьи для постановки вопроса хотя бы о его профессиональной пригодности (если не об ответственности). Если же

«боротся» по принципу предложенному министром, то в случае неустановления вора можно наказывать потерпевшего за необеспечение сохранности своего имущества.

Одна из основных бед правоохранительных органов - катастрофический рост нагрузки. Р.Кларк в своей работе «Преступность в США» отмечал: «Если полиция не справляется с задачей раскрытия преступлений... вся остальная часть системы уголовной юстиции обречена на бездействие... Виновные не осуждаются, а общество остается незащищенным». Поскольку сейчас у государства и общества нет материально-технических возможностей для разрешения этой проблемы, они сами начинают «регулировать» свою нагрузку (104,67-68), т.е. то, что не производится на надлежащей законодательной основе - приведение задач и условий деятельности правоохранительных органов в соответствие с их реальными возможностями, - осуществляется стихийно, с нарушением действующего законодательства, порождая нигилистическое отношение к его предписаниям. Поэтому пора бы уже руководителям правоохранительной системы понять, что укрытие преступлений - не только результат недобросовестности работников этих органов, но и отражение и «защитная реакция» на объективные условия, в которых протекает их деятельность. Однако, помимо увеличения штатной численности кадров, которое не является принципиальным средством разрешения противоречий между потребностями конкретной сферы деятельности и возможностями государства, имеются другие способы регулирования нагрузки и обеспечения рационализации и результативности правоохранительной деятельности. К ним следует отнести: выделение приоритетных направлений правоохранительной деятельности, реализация элементов процессуальной экономии, установление контроля за доходами, расширение системы регистрации данных о личности и т.д.

Выделение в работе главного и сосредоточение усилий именно на этом (взамен траты усилий на второстепенное) позволяет реализовать главный принцип правоохранительной деятельности - Достижение основных целей уголовной политики вместо создания видимости активной деятельности, что сейчас вынуждены демонстрировать правоохранители.

В 1987 г. Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию относительно упрощения уголовного правосудия, в преамбуле которой говорится: «Принимая во внимание увеличение количества дел, относящихся к уголовному правосудию, в частности, тех дел, авторы которых подлежат легкому наказанию, а также проблемы, связанные с продолжительностью уголовного расследования; учитывая, что опоздание с принятием уголовных постановлений дискредитирует уголовное правосудие и препятствует нормальной работе уголовной системы; учитывая, что возможно найти средство против медлительности уголовного правосудия не только с помощью свойственных ему средств и методов их использования, но и лучшим **определением приоритетов в уголовной политике**» (подч.нами).

Одним из элементарных направлений реализации этого является, во-первых, отдавание предпочтения работе по наиболее тяжким преступлениям, в частности, регистрация всех происшествий, но расследование только основных, как это делается за рубежом; во-вторых, отказ от траты сил на бесперспективные дела, которые не принося успеха, отнимают время от расследования перспективных. В итоге нередко не достигается результат как по бесперспективным, так и реальным для раскрытия делам. В ряде стран этот вопрос разрешается довольно просто. Например, после заявления о совершении кражи начинается работа бригады, сотрудники которой не отвлекаются на другие дела. Если после их работы в течение суток оказываются реальными перспективы раскрытия преступления, деятельность продолжается. Если дело представляется бесперспективным, необходимая розыскная информация (данные о похищенном, приметы преступников) вводится в учетно-регистрационные системы, а дело сдается в архив. Таким образом, силы и средства расходуются только рационально, без попытки «объять необъятное», как это происходит у нас. Для нас это пока звучит кошунственно: как и на каких весах взвешивать или иным образом разграничивать главное и второстепенное, значительно опасное и менее угрожающее правам и интересам личности? Но без этого добиться коренного перелома в борьбе с преступностью, хотя бы осуществленного обуздания ее невозможно.

Вот один из примеров нашего понимания «торжества справедливости» в его лишенном какой-либо целесообразности виде. Преступник, совершивший несколько разбойных нападений, осужден и отбывает наказание. В этот момент выясняется, что им совершено еще несколько аналогичных преступлений. Вновь начинается расследование с его участием и последующее судебное разбирательство. А зачем и ради чего? Для повышения показателей раскрываемости? Для наказания преступника? Но ведь мера его наказания не изменится и он лишь получит «передышку» от однообразия пребывания в местах лишения свободы. А сколько средств и усилий будет потрачено на выполнение бесполезной работы! А сколько обвиняемых будут сидеть в СИЗО в ожидании, когда освободившиеся судьи смогут заняться их делами. А сколько неразоблаченных преступников будут радоваться, что у оперативных работников и следователей не нашлось времени для их выявления. Возражения против бесполезности подобной работы обычно связаны с тем, что за нерасследованными преступлениями будут оставаться потерпевшие с их нарушенными правами и интересами. Разумеется, этот аспект важен, но практика свидетельствует о том, что не будет возмещен ущерб и тем потерпевшим, дела которых уже расследованы.

Примером разумного подхода к решению подобных ситуаций, на наш взгляд, является «сделка с правосудием» в США, когда «торг» обвинения с защитой проявляется в том, что признание виновным в одном из совершенных преступлений исключает предъявление подозреваемому обвинения в других совершенных им преступлениях по принципу: «Нам не нужно **все**, нам достаточно **главного**», в данном случае - привлечения виновного к ответственности. Новый УПК РФ сделал шаг в этом направлении, установив право обвиняемого при согласии с предъявленным обвинением ходатайствовать о постановлении приговора без судебного разбирательства (ст.314 УПК). Правда, ограничив при этом свободу судьи двумя третями максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, т.е. предусмотрев гарантированное смягчение наказания в обмен на согласие избежать долгую судебную процедуру (103, 10-11).

За необходимость выделения приоритетных (предпочтительных) направлений в борьбе с преступностью высказалось: 95,2% начальников ГО-РОВД (433 чел.), 96,1% начальников следственных отделов (102 чел.), 92,3% следователей прокуратуры (3Пчел.) и 87,6% следователей МВД (1256 чел.)

К мерам нормативного регулирования нагрузки правоохранительных органов можно отнести установление определенной нижней границы стоимости похищенного в качестве признака и основания к возбуждению уголовного преследования. При этом имеется в виду не простое механическое сокращение количества возбуждаемых уголовных дел, а четкая дифференциация правонарушений на малозначительные и представляющие повышенную общественную опасность. Это позволит в борьбе с преступностью заниматься главным, наиболее существенным, не распыляя силы и средства. Такой подход существует в ряде стран и означает не отказ от борьбы с преступностью, а выделение в этой деятельности основного и реального для практического осуществления аспекта (104,69-70).

С вопросом о выделении приоритетов тесно связан вопрос о процессуальной экономии, т.е. поиске путей, которые без существенного увеличения сил и средств позволили бы обеспечить надлежащую эффективность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Достижение планируемых результатов с наименьшими затратами сил, средств и времени выступает одним из целеполагающих условий человеческой деятельности. Не служит исключением в этом отношении и следственная деятельность, быстрота достижения результатов в которой является законодательным требованием, а тактика ее осуществления как средство достижения целей представляет собой совокупность наиболее целесообразных приемов и методов деятельности. Но, поскольку итогом расследования выступает решение судьбы человека, цель экономии средств и сил при проведении расследования не может ставиться безотносительно к сущности следственной деятельности.

Целесообразность и экономия в следственной деятельности подчинены не столько цели достижения результата, сколько обеспечению правомерного образа действий при установлении истины.

Но это не исключает необходимости учета и реализации общепринятого аспекта экономии сил и средств, поскольку, во-первых, рационализация деятельности есть неременное условие ее развития и совершенствования, во-вторых, резко возросшая нагрузка правоохранительных органов не позволит им без поиска и осуществления новых средств процессуальной экономии качественно разрешать все увеличивающийся объем работы. Игнорирование реальных, т.е. социально-экономических причин преступности привело к ее значительному росту, структурным изменениям.

Вопрос о рационализации приемов и средств процессуальной деятельности неоднократно поднимался на страницах юридической печати, в том числе вне связи с нагрузкой следственных органов (105,5; 106; 107,57-64). Сейчас его актуальность в значительной мере определяется фактическим отсутствием экстенсивных путей развития. Необходимо констатировать, что назрела задача обеспечить рационализацию деятельности по раскрытию и расследованию преступлений с учетом нехватки государственных ресурсов для создания условий полноценного и качественного функционирования правоохранительных органов, в том числе прежними методами. Отрицание наличия и правомерности такой постановки вопроса является не только игнорированием объективных условий и закономерностей развития общества, но и предопределяет самостоятельный поиск практикой путей выхода из создавшегося положения. При этом, указывает Л.М.Карнеева, «практика, лишенная научных рекомендаций по волнующим ее проблемам, либо сталкивается с непониманием этих проблем или ненадлежащими их решениями, противоречащими ее интересам... сама ищет выход и находит часто нелучший». Кроме того, эти пути нередко могут быть связаны с нарушением закона.

В уголовном судопроизводстве к основным направлениям увеличения производительности труда следует отнести:

- а) несовершение действий, без которых можно обойтись;
- б) увеличение отдачи от тех действий, которые производятся;
- в) последовательное освобождение работников высокой квалификации от совершения действий, которые могут быть выполнены работниками более низкой квалификации;

г) последовательная замена «универсалов» при производстве следственных и судебных действий специалистами (108,77).

В этом плане важное место принадлежит сокращению затрат времени следователей и специалистов на выполнение повторной дублирующей работы, в том числе за счет разрешения проблемы соотношения следственных действий с соответствующими им аналогами проверочных: допрос - опрос, опознание - узнавание, выемка - изъятие, экспертиза - исследование. Совпадающие по сути и содержанию, но различающиеся по форме действия нередко разграничивают не только по процессуальной значимости, но и по сложности осуществления (109,5). Что, во-первых, неправильно по существу, ибо сложность или простота действий определяются их характером и обстоятельствами осуществления, а не процессуальной формой; во-вторых, может порождать формальность и недобросовестность подхода к проведению непроцессуальных действий как со стороны выполняющих, так и со стороны привлекаемых к участию, т.е. отношения к ним как к «второстепенным мероприятиям» (104,79). В.Е.Коновалова правильно отметила: «экономия процессуальных средств требует ограничить получение однотипной (подч.нами) доказательственной информации, объем которой может убедить следователя в ее полноценности» (110,27).

Нужно тратить усилия на сбор недостающей информации, а также в целях проверки той> что представляется недостоверной, вместо затрат на подтверждение того, что само по себе не вызывает сомнений.

«Термин «экономия» означает не ограничение процессуальных средств, а разумную избирательность их использования, дающую возможность наиболее эффективно организовать работу следователя» (110,27). К «перерасходу процессуальных средств» В.Е.Коновалова относит назначение экспертиз, когда решение вопроса не требует использования специальных познаний; обращение к иным источникам информации, когда достаточные данные получены из какого-либо другого.

Как уже отмечалось, основным потребителем рабочего времени следователя является допрос. И это вполне естественно, но дело в том, что весьма часто допросу потерпевших, свидетелей и подоз-

реваемых (прежде всего на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела) предшествует их опрос оперативными работниками с последующим допросом следователем. Несомненно, в отдельных случаях данные опроса могут быть недостаточными для разрешения вопросов расследования. Однако сопоставление текстов объяснений и протоколов допросов одних и тех же лиц показывает, что в подавляющем большинстве они не только содержательно, но и фразеологически совпадают, т.е. следователи просто переписывают сообщение при опросе на бланк протокола допроса, иными словами, **повторяют ранее выполненную работу.**

Освобождение следователя от такой «работы» предоставило бы большой резерв времени для выполнения им дополнительных необходимых для раскрытия и расследования преступлений мероприятий. Поэтому целесообразно (и, на наш взгляд, правомерно) не производить допрос тех лиц, которые ранее дали необходимые и достаточные объяснения. В связи с этим ставится вопрос о придании объяснениям статуса протокола допроса (111,27; 112,206). Тем более, что действующий УПК Украины в ст. 97 и проект нового УПК Украины в ст. 170, ч.4 предусматривают возможность получения объяснений для проверки заявлений и сообщений о преступлениях (113,45).

М.М.Михеенко предлагал отнести объяснения граждан и должностных лиц к процессуальным источникам получения доказательств (114,113). Такое решение законодателя Украины не только способствовало бы процессуальной экономии, но и повысило бы ответственность граждан при сообщении информации сотрудникам правоохранительных органов, выполняющим свои служебные функции, а, следовательно, - повышение престижа правоохранительных органов в глазах населения. Последнему способствовало бы и то, что значительно сократились бы повторные вызовы на допрос (гражданин не видит разницы между допросом и дачей объяснений: для него в обоих случаях это беспокойство и трата времени), которые не обусловлены потребностью дела, а связаны с сущностью формы. В.И.Басков, говоря об этом, отмечает: «Мы выступаем вовсе не за упрощенчество в процессе уголовного судопроизводства. Но мы против ненужных вызовов свидетелей, против

таких повторных допросов, которые ничего существенного по делу дать не могут» (115,76).

Об определенной алогичности позиции законодателя и отдельных авторов свидетельствует то, что при протокольной форме досудебной подготовки материалов, т.е. получении данных, на основе которых суд будет решать дело по существу, объяснения допустимы и достаточны, а полученные в стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела оцениваются как недопустимые. В чем же их разница в одном и другом случае? Ведь они просто документы, которые несут информацию и могут быть оценены следователем и судом, а в случае необходимости проверены.

Если законодатель «не отважится» на придание объяснениям статуса протокола допроса, то «переход» объяснений в процессуальную форму протокола можно было бы осуществлять посредством отметки на объяснении типа «Свидетель..., предупрежденный об ответственности за дачу ложных показаний, подтвердил правильность сообщенных им данных», что позволит следователю экономить значительное время на «составлении бумаг». А пока практика нашла обходной маневр: оперативный работник получает объяснения от гражданина на бланке протокола допроса без указания даты, а следователь в последующем «дооформляет этот протокол допроса». Поэтому реализация предложения о придании объяснениям статуса протокола допроса обеспечит не только экономию времени на расследование, но и сократит «поиски обходных путей закона». «Чтобы изжить нарушения закона в уголовном судопроизводстве, нужно сделать так, чтобы законопослушное поведение было выгодным, а нарушение закона - нет» (104,81).

Здесь есть много общего с постановкой вопроса о разрешении производства экспертиз до возбуждения уголовного дела, поскольку достаточно часто проведение исследования необходимо для решения вопроса о наличии признаков преступления и возбуждения уголовного дела /установление тяжести телесных повреждений, определение состава обнаруженного вещества и т.п./. Сейчас, в тех случаях, когда без помощи специалиста для решения конкретных вопросов обойтись невозможно, органы дознания назначают так называемое «предварительное исследование» (а по сути своей экс-

пертизу) и после возбуждения уголовного дела выносят постановление о назначении экспертизы, т.е. вынуждают того же или иного эксперта повторить уже выполненную работу, поскольку методы исследований и специалисты одни и те же, только разное бумажное оформление.

В качестве одной из основных причин неполноценного использования экспертиз в расследовании все категории опрошенных нами практических работников отметили длительность сроков производства экспертиз. По нормативам МВД Украины (Приказ МВД Украины № 140 от 9 марта 1992г. «Об утверждении «Положения о деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел») эксперт должен выполнять за год около 100 простых по сложности экспертиз. А эксперт полицейского ведомства США проводит за год около тысячи экспертиз. Такая разница определяется тем, что, во-первых, там эксперт работает с помощником (техническое обслуживание), а во-вторых, тем, что наш эксперт основное время тратит на оформление результатов проведенного исследования, а американский - практически только на собственно исследование и изложение выводов (в случае необходимости он приглашается в суд для разъяснений по сути проведенной экспертизы). Очевидно, и у нас есть возможность, если не вообще устранить «бюрократию оформления заключений» (которые практически никто не читает, может быть кроме адвокатов), то значительно ее сократить, чтобы эксперты активнее и полноценнее участвовали в обеспечении реального использования научно-технических достижений в расследовании, а не тратили драгоценное время на размножение бумаг. Кстати, роль и значение специалистов в решении задач уголовного судопроизводства существенно бы возросли, если бы их чаще привлекали в суд для разъяснения результатов и методики проведенных ими экспертиз, поскольку одно дело составить отвлеченное заключение и совсем другое - в присутствии большой аудитории и специалистов доложить и обосновать свои выводы.

Вопрос о возможности назначения экспертиз до возбуждения уголовного дела (и в первую очередь для обеспечения объективного решения вопроса о его возбуждении) давно дискутируется в

юридической литературе. И, как всегда, имеются его сторонники (116,176; 117,101) и противники (118,Ш; 119,32).

Следует отметить, что уже имеются примеры решения этого вопроса. Так, согласно УПК Республики Узбекистан (1994, ст. 180) «в необходимых случаях экспертиза может быть назначена и до возбуждения уголовного дела», а также «не допускается замена экспертизы исследованиями, проводимыми вне установленного настоящим кодексом порядка» (ст. 172).

Более определенно по данному вопросу записано в УПК Республики Казахстан 1997года. В соответствии со статьей 242 УПК установлено, что «в случаях, когда принятие решения о возбуждении уголовного дела невозможно без производства экспертизы, она может быть назначена до возбуждения уголовного дела». И дальше в этой же норме: «Наличие в деле актов ревизии, проверок, заключений ведомственных инспекций, а также официальных документов, составленных по результатам исследований, проводимых специалистами в ходе процессуальных действий, не исключает возможности назначения судебной экспертизы по тем же вопросам».

Данное решение вопроса представляется правильным, рациональным и возможным к принятию нашим законодателем, особенно, если при этом в УПК будет введена норма, закрепляющая положение о том, что на стадии возбуждения уголовного дела «допускается производство следственных действий, не связанных с реальным применением мер процессуального принуждения» (104,117). Это снимет многие спорные вопросы по данной проблеме и существенно упростит процедуру расследования без ущемления прав граждан. Если законодатель не согласится с этим, то с прежней силой будет стоять проблема излишних нерациональных затрат времени и средств на проведение допроса, экспертиз и других мероприятий. В литературе приводятся такие данные о «проценте повторности» различных видов экспертиз по баллистическим исследованиям - 45 %, по исследованию наркотических веществ - 38% (120,15).

Отсутствие права на производство экспертиз в стадии возбуждения уголовных дел в уголовном процессе Украины приводит, в частности, к тому, что суд, получив материалы протокольной про-

верки по фактам незаконного ношения, изготовления и сбыта оружия со справкой об исследовании, вынужден возбудить уголовное дело, назначить его к слушанию, провести судебное заседание для вынесения постановления о назначении экспертизы, а затем приостановить производство по делу и ждать заключения эксперта (121,27). Алогизм ситуации вряд ли нуждается в особом комментировании.

Статьей 6 закона Украины «Об адвокатуре» защитнику предоставлено право получать письменные выводы специалиста по вопросам, требующим специальных познаний (122,413). В связи с этим возникает вопрос: что это такое - экспертное заключение или просто мнение специалиста? Каково их - письменных выводов - доказательственное значение? Они могут непосредственно использоваться в качестве источника доказательств или опять будет требоваться назначение экспертизы для решения уже решенных вопросов?

Мы разделяем точку зрения (и считаем, что это должен установить законодатель) о том, что при наличии и известности источника данных не требуется его «дополнительная обработка», поскольку суд - единственный орган, решающий дело по существу - может в случае необходимости обратиться к любому источнику данных для проверки их достоверности. «Следствие, - отмечал Н.Н.Сперанский, - не является судом, а лишь основание для него» (123,98).

По данным нашего опроса 82,6 % следователей прокуратуры и 78,6% следователей МВД высказались за придание объяснениям граждан статуса протокола допроса, а 94,9 и 95,5% поддержали идею разрешения производства экспертиз до возбуждения уголовного дела.

Преступник стал значительно осведомленней и им (особенно профессионалами) принимаются разносторонние и умелые действия по неоставлению следов своей преступной деятельности, их сокрытию, маскировке и фальсификации. Следовательно, для выявления преступников и их изобличения необходимо не только увеличение потенциала научно-технических средств и методов обнаружения и фиксации доказательственной информации, но и совершенствование организационных аспектов ее получения. Это, в час-

тности, расширение организационных возможностей использования регистрационно-учетных данных; организация сводного учета данных о личности на основе сосредоточения сведений из всех видов учета, имеющихся в государстве; введение особых форм контроля за поведением и деятельностью лица и т.п.

Еще большие возможности для индивидуализации личности предоставляет генная регистрация. Мы пока от этого далеки материально-технически и в плане определения правовых основ такого учета, а в Германии уже осуществляется генный учет регистрируемых преступников, что следует оценить как серьезное достижение в совершенствовании средств и методов борьбы с преступностью.

Необходимо также расширение форм государственного контроля за действиями и операциями, которые могут иметь связь с криминалом. Например, в США, где охране прав граждан уделяется особое внимание, где из доказательств преступления самые надежные улики исключаются даже потому, что полицейский допустил «технический промах», фиксация ФБР электронных переводов денег на сумму свыше 10 тысяч долларов не связывается с вторжением в личную жизнь. В Японии установлена регламентированная законом регистрация лиц, в отношении которых выдвинуты обвинения в причастности к организованной преступности и коррупции. Факт такой регистрации обычно доводится до сведения общественности и является правовым основанием для установления контроля за поведением конкретного лица, источниками его доходов и применения к нему ряда ограничений, призванных препятствовать совершению правонарушений, легализации и расходованию средств, добытых преступным путем (124).

В российских законах о борьбе с организованной преступностью и коррупцией правильно предлагается производить проверку финансово-экономической деятельности, имущественного и финансового положения лица, подозреваемого в занятии организованной преступной деятельностью или в коррупции, его супруга или супруги, близких родственников или совместно проживающих с ним в течение последних пяти лет других лиц.

Необходимо по примеру ряда стран (США, Англии, Германии, Франции) принять законы, содержащие этические и дисциплинар-

ные меры контроля за чиновниками, в которых необходимо четко определить виды деятельности, несовместимые с выполнением государственных функций: ограничения на работу по совместительству, запрет на занятие предпринимательской деятельностью, обязанность передачи в доверительное управление государству на время выполнения государственных функций ценных бумаг, имущества, вкладов в предприятия и иных ценностей, использование которых влечет за собой получение доходов. Невыполнение же этих требований должно влечь за собой в обязательном порядке увольнение с государственной службы или иное освобождение от выполнения государственных функций.

У этой проблемы есть не только правовые, но и морально-этические аспекты. В зарубежных странах даже газетной публикации о злоупотреблениях должностного лица, как правило, достаточно для его добровольной отставки либо административного перемещения, включая увольнение, чего нет в нашей стране. Поэтому *необходимо законодательно предусмотреть обязательность отставки должностного лица, со стороны которого дважды отмечались какие-либо злоупотребления либо правонарушения, даже не получившие судебной завершенности.*

Мы, естественно, не стремились «произвести революцию» в деятельности по борьбе с современной преступностью. Наша задача состояла в том, чтобы продемонстрировать, что поиск путей совершенствования средств и методов правоохранительной деятельности возможен без капитальных материальных затрат, т.е. для удовлетворения потребностей практики сегодня главное - воля и желание правителей.

5. Соотношение средств защиты прав личности и средств борьбы с преступностью

Изменившийся характер преступной деятельности и условий борьбы с нею наглядно демонстрируют недостаточность используемых средств и методов правового, организационного, технического и тактического противодействия преступности. В связи с этим совершенно правильно подчеркивается, что «качественно но-

вому преступному феномену должны противостоять адекватные, т.е. качественно новые средства государственного реагирования, способные сдерживать, а в конечном счете - поставить под контроль опасные для общества преступные проявления» (125,29).

Международный опыт свидетельствует, что в борьбе с организованной преступностью, делающей «криминологическую погоду», традиционные средства бессильны или в лучшем случае - малоэффективны. Поэтому в качестве цели Закона РИКО отмечается попытка «искоренения организованной преступности в Соединенных Штатах **путем усиления правовых средств** в процессе сбора доказательств, **путем установления новых уголовных запретов** и применения **усиленных санкций и новых мер правовой защиты** для борьбы с незаконными действиями тех, кто занимается организованной преступностью» (выдел, нами).

В зарубежной практике (Франция, Германия, Бельгия, Швейцария и др.) одним из выходов по преодолению недостаточности традиционных средств для борьбы с современной преступностью явилось установление в уголовно-процессуальном законодательстве «специальных» или «особых» следственных действий (аналогов нашим оперативно-розыскным мероприятиям), которые осуществляются лишь по поручению прокурора или следственного судьи, результаты которых используются в качестве доказательств. Решение о проведении такого следственного действия может быть принято только тогда, когда необходимые для расследования дела и доказывания сведения без его проведения добыть невозможно или существенно затруднено (126, 67-70).

А у нас на пути разрешения этой проблемы стоит ряд препятствий: несоответствие ставящихся перед правоохранительными органами задач борьбы с преступностью и предоставляемых для их решения возможностей; явная непоследовательность в решении проблем совершенствования средств и методов борьбы с преступностью; неразрешимость в рамках прежних представлений и подходов противоречия в соотношении защиты прав личности и обеспечения необходимых условий для борьбы с преступностью.

Американские экономисты, исходя из издержек, порождаемых преступностью (например, в 1965г. они составили 4% национально-

го дохода США), подчеркивают необходимость считать расходы на борьбу с преступностью для уменьшения издержек общества от преступности и борьбы с нею, ибо возможности общества и государства не безмерны и они вынуждены решать **за счет чего** сокращать эти издержки: экономии на юстиции, ужесточения мер наказания, вывода «из подполья» некоторых видов ныне криминальной деятельности, распределения ресурсов на борьбу с различными видами преступлений и т.д. (126,29). Наше руководство пока выбирает самый простой и дешевый путь - экономии на юстиции, игнорируя то, что этот путь в последующем требует существенных дополнительных затрат для исправления усложнившегося положения. Для нас всегда главным было и остается - умело отчитаться и услужить начальству. По статистической отчетности МВД Украины с 1996г. показатели количества совершаемых преступлений «неуклонно снижаются», но как Вам нравится 100% раскрытия заказных убийств или почти в 2,5 раза сокращение изнасилований по сравнению с 1990 г.? Это же констатируется применительно к положению в России: «Создается впечатление, что все более обостряющиеся в последние годы негативные процессы в обществе оказывают весьма позитивное воздействие на динамику преступности и ее раскрываемость. Между сложившейся ситуацией в обществе и состоянием преступности как бы действует обратно пропорциональная зависимость по принципу «чем хуже - тем лучше» (127,45).

В разработке мер, направленных на совершенствование борьбы с преступностью (в том числе правовых), у нас пока отмечается не только топтание на месте, но и отступление от того, что является действенным и рациональным. Об этом, например, говорит отказ от протокольной формы досудебной подготовки материалов, которая «была введена с целью уменьшения нагрузки следователей для того, чтобы они могли сосредоточить свои усилия на расследовании наиболее тяжких преступлений» (128,598). В упрощении процедуры расследования (что не равнозначно отказу от необходимых правовых гарантий, как считают некоторые ученые, 129,35-37) заключается необходимость и возможность устранения многих имеющихся недостатков в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Во многих странах в процессе подготовки проектов

и принятии нового уголовно-процессуального законодательства протокольная форма расширяется (по количеству охватываемых составов) и принимаются новые положения, направленные на совершенствование процедуры прохождения уголовных дел. Новым УПК Республики Молдова суды лишены права возвращать по своей инициативе уголовные дела на повторное расследование. Если представленных доказательств недостаточно для вынесения приговора (обвинительного или оправдательного), то по просьбе прокурора может быть объявлен перерыв сроком до одного месяца, а затем судебное разбирательство продолжается в том же составе суда. Это, во-первых, повысило ответственность как суда, который ранее мог найти любой повод, чтобы избавиться от сложного или «патронируемого дела», так и прокуроров, которые могли направить в суд «сырое дело», чтобы обеспечить автоматическое продление сроков расследования, во-вторых, направлено на сокращение сроков пребывания обвиняемых (нередко невиновных) под стражей пока дела очень долго «гуляли» в суд и из суда (130,44-45).

В некоторых странах вообще нет института возвращения уголовных дел на дополнительное расследование (131,23). В 1999г. Конституционный Суд России признал неконституционными нормы УПК, регламентирующие возвращение дел из суда для дополнительного расследования (132,33-34). Это означает, что если у суда нет конкретных оснований для однозначного решения: виновен или не виновен, т.е. обнаруживается брак в работе стороны обвинения, он должен постановить *оправдательный* приговор по принципу - пусть это вам (обвинению) будет наукой на дальнейшее. О соответствии данного института Конституции Украины ставится вопрос и в нашей литературе, хотя есть и возражения против его отмены (133,79-81; 139,54-56).

Предметный анализ того, какой процент уголовных дел в настоящее время возвращается в суд после дополнительного расследования и чем это в итоге заканчивается, на наш взгляд, убедительно бы продемонстрировал нецелесообразность сохранения данного института. Его отмена, во-первых, повысила бы ответственность органов предварительного следствия и дознания за качество и ре-

зультаты их деятельности, во-вторых, существенно сократила бы непроизводительные затраты сил и средств (135,70-72).

Наша судебно-следственная система по своей сути не является состязательной, однако по мере ее «модернизации» в нее внедряют элементы состязательной, но не по содержанию, а лишь по форме. Например, участие защитника с момента появления подозреваемого и фактически до реальной состязательности сторон, которые необходимо **рассудить**. И в результате, как правильно отмечается, «следователь потерял «свободу», однако и защитник не получил достаточных возможностей» (136,246). Следствием этого в большинстве случаев является не действительная защита прав и интересов виновного (о жертве обычно забывают), а «развал» уголовного дела за счет того, что **в период проведения расследования** защитник выступает лишь в роли наблюдателя и никаких активных действий, направленных на исправление ошибок следствия, не предпринимает и не открывает имеющихся у него данных, существенных для судьбы дела, а **в суде** развивает свою активность в отсутствие следователя (20,195,202).

Защитить подследственного «значит не допустить со стороны следствия и суда нарушения законных интересов и прав подзащитного, но не любыми средствами и не ущемляя, не игнорируя такие же права и интересы потерпевшего и в целом общества» (137,36).

С.Теймен подчеркивает, что условия обеспечения права на защиту у нас гораздо шире, чем принятые в американском праве (138,186-187). Это говорит о том, что при «внедрении» в наше уголовное судопроизводство «передовых положений правовых систем Запада» по защите прав личности мы стремимся быть «впереди планеты всей», забывая о существенных отличиях нашей судебной правовой системы и условий, в которых она действует (107,50-53). В связи с этим Б.Г.Розовский правильно подчеркивает, что «право не может быть выше, чем экономическая система и уровень общей культуры. Поскольку экономика Украины находится в упадке, то правовые акты следует ориентировать не на США и Японию, а вероятно на Перу или Замбию» (139,37-38).

Выход из данного положения не в том, чтобы отказаться от внедрения в уголовный процесс демократических завоеваний, а в

их сочетании с утверждением уголовно-процессуальных новелл, которые бы существенно упрощали и повышали эффективность уголовного судопроизводства (140,87). Например, в США, как и у нас, обвиняемый имеет право молчать, но за дачу заведомо ложных показаний предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы на длительный срок. А сколько мы тратим времени, сил и средств на «отработку» заведомо ложных сведений обвиняемых, забывая, что «должны защищать общество от преступников, а не наоборот» (141,28).

В предисловии к проекту Федерального закона Российской Федерации «О борьбе с организованной преступностью» его авторы отмечают, что в борьбе с нею должны использоваться **острые** меры. К ним они относят как оперативные (внедрение в преступную среду, контролируемая поставка, создание и использование специальных предприятий и организаций, ст. 27-31), так и правовые (производство следственных действий без понятых, установление уголовной ответственности подозреваемых и обвиняемых за дачу заведомо ложных показаний, возможность роспуска и увольнения сотрудников организаций, признанных находящимися под влиянием преступных организаций, ст.37,54). В.А.Азаров назвал этот закон (принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации, но отклоненный президентом) законотворческой попыткой «создания **исключительного** (т.е. состоящего сплошь из исключений из общих правил уголовного процесса) судопроизводства по делам организованной преступности» (125,31). Но аналогичные законы (существенно отступающие от общих принципов судопроизводства) созданы и успешно применяются в Германии, США, Италии, Франции и других странах. Так, в Германии в интересах борьбы с преступностью, в частности, террористической направленности, предусмотрена возможность организации на улицах и в других общественных местах контрольных пунктов для задержания виновных и обеспечения доказательств совершенных преступлений, на которых каждый должен удостоверить свою личность и представить имеющиеся вещи для обыска; допускается исключение защитника из процесса, если он «злоупотребляет общением с обвиняемым, находящимся под стражей» (142,50,74).

При осуществлении правоохранительной деятельности постоянно приходится делать трудный выбор между справедливостью и эффективностью, поэтому постоянно необходим поиск таких средств и методов, которые бы обеспечивали и эффективность и справедливость (143,92). Практически все новое, что предлагается в борьбе с преступностью, направленное на повышение ее эффективности, встречает возражения, поскольку ухудшает положение подозреваемого, обвиняемого. Да, это обычно имеет место. Но при этом необходимо иметь в виду, что вся процедура расследования и ее регламентация - это конкуренция прав и интересов потерпевших и преступников, интересов личности и общества: любое положение (правило) процедуры расследования, любая мера, предпринимаемая в процессе уголовного судопроизводства, **либо** защищает интересы потерпевшего и тогда ограничивает права привлекаемого к ответственности, **либо** обеспечивает защиту (увеличивает ее степень) прав виновного и соответственно уменьшает меру защиты прав и интересов пострадавшего от преступления, интересов общества (144,21; 145,142; 146,50). Так, ст.30 Конституции Украины предусматривает, что для осмотра в жилом помещении устанавливается порядок, аналогичный проведению обыска. Из этого следует, что значительно усиливается защита прав личности (в частности, неприкосновенность жилища), но существенно усложняется процедура проведения осмотра в помещении. Установление возможности бесконтактного опознания является гарантией безопасности опознающего, но одновременно ущемляет права опознаваемого.

Правильно отмечается, что «умозрительные построения с благими намерениями «стопроцентного» обеспечения прав человека... плохо стыкуются как с суровыми реалиями... преступности, так и с нищетой материально-технической базы наших правоохранительных органов» (103,9).

Примеры подобного рода составляют суть и содержание всего процесса уголовного судопроизводства. Поэтому принимая любую уголовную и уголовно-процессуальную норму законодатель должен учитывать отмеченную диалектику соотношения прав и интересов различных участников уголовного судопроизводства и четко

определять приоритетность интересов одной или другой стороны, т.е. решать, чему в данном конкретном случае отдается предпочтение - «защите прав, сохранению тайны, установлению объективной истины, созданию условий для борьбы с преступностью и т.п.» (147,26; 148,2). «Необходимость причинения ущерба одним каким-то социально значимым благам в целях спасения других диктуется невозможностью в конкретных общественных условиях разрешать различные по социальной значимости задачи иным образом... В основе такого решения лежит понимание невозможности во всех случаях иными, безвредными способами вести борьбу с преступностью в современных условиях» (149,177-178).

Вопрос о соотношении прав потерпевшего и преступника давно является предметом внимания многих ученых, прежде всего на фоне тенденций его развития. Правильной, на наш взгляд, является позиция, что «закон должен проявлять свои гуманистические принципы прежде всего к обществу, потерпевшим гражданам и в последнюю (точнее было сказать «следующую» -авт.) очередь к преступникам, а не в обратной последовательности» (150,6). Большинство преступлений, - подчеркивает Н.И.Коржанский, «это всегда чья-то личная трагедия, жестокая и непоправимая... Нельзя именовать себя гуманистом и «не замечать» этих трагедий, не может быть гуманным общество, не обеспечивающее защиты своих членов от таких трагедий» (151,15-16).

В.А.Волынский и И.А. Попов в связи с принятием нового УПК РФ отмечают: «При очевидном и в духе времени объяснимом стремлении законодателя реализовать прогрессивные, направленные на демократизацию российского уголовного судопроизводства положения, в данном законе, по большому счету, не соблюден баланс прав и обязанностей сторон. С одной стороны, явно расширены права защиты, подозреваемых, обвиняемых (против чего нет возражений), а с другой - резко ограничена, причем по формальным соображениям, процессуальная самостоятельность следователя. Иначе говоря, не соблюден тот самый баланс, наличие которого обеспечивает устойчивость и эффективность всей системы судопроизводства» (152,15).

«В ходе судебной-правовой реформы, - отмечает А.Д.Бойков, - развитие процессуальных гарантий преимущественно ориентирова-

но на их понимание как прежде всего гарантий прав личности, причем не любой личности, а главным образом обвиняемого», что «ведет к искаженному, однобокому развитию процессуальной формы» (153,105). В итоге получается, что провозглашенное в Конституции положение о том, что «человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью», в сфере борьбы с преступностью относится прежде всего к преступнику. Разумеется подозреваемый нуждается в особой защите, особенно в силу того беспредела, который творится в наших правоохранительных органах, но не нужно смешивать содержание и направленность правовых предписаний, которые определяют порядок деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, и варианты их реализации в реальной практике, допускающих прямое игнорирование этих положений. Преступник должен иметь возможность надежной правовой защиты своих интересов и прав, но ни в коем случае не за счет игнорирования прав потерпевшего и в ущерб надежности средств борьбы с преступностью, когда безнаказанность торжествует из-за невозможности доказать факт преступной деятельности, например, приобретение (строительство) чиновником, получающим в месяц несколько сот гривен, или нигде не работающим преступным авторитетом особняка стоимостью несколько миллионов долларов, имеющимися на сегодня средствами и методами борьбы с преступностью.

В противовес отмеченному высказывается мысль, что «гуманное отношение именно к преступнику является показателем уровня развития уголовно-правовой политики» (154,157) и подчеркивается необходимость дальнейшей либерализации уголовной репрессии. С последним мы спорить не намерены, но с приоритетом гуманизма для преступника согласиться никак не можем. Развивая эту мысль В.В.Лунеев пишет: «Жертва преступления, для защиты интересов которой и существует правосудие, осталась самой незащищенной и перед преступником, и перед правоохранительными органами, и перед судом» (82,58). Подчеркивается также, что несовершенство правового статуса потерпевшего ставит его в неравное положение с подозреваемым, обвиняемым и подсудимым» (154,21-22).

«Невероятный дисбаланс между правами преступников и правами жертв преступления» отмечался до 80-х годов и в США» (156,95). В 1950-1960гг. ряд решений Верховного суда в США увеличил права преступников, после чего был отмечен рост уровня преступности: «многие преступники, которые при иных обстоятельствах были бы осуждены, получили возможность избежать наказаний» (157,20). После 1979г., когда «Верховный суд стал больше обращать внимание на права жертв и меньше на права преступников», преступность стала сокращаться (преступления против собственности снизились более чем на 25%, а против личности на 10%), в то время как в других странах, схожих с США, она продолжала повышаться. Так, в Великобритании с 1980г. до начала 1990-х годов преступления против собственности выросли более чем на 50%.

Следовательно, задача заключается в установлении оптимального режима расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, «**обеспечивающего как защиту прав личности, так и действенность правовых средств борьбы с преступностью**». В настоящее время «под гипнозом идеи защиты прав человека многие готовы забыть о **прямом назначении уголовной юстиции - сдерживании преступности, обретающей все более изощренные и разрушительные формы**. Реформируя право, необходимо **сочетать** эти задачи, а не противопоставлять их» (153,105). Естественно, при этом вторжение государственных органов в сферу личных свобод должно быть ограничено минимальными пределами, действительно необходимыми для борьбы с преступностью (142,3).

В США давно проявилось противоборство двух тенденций (концепций) уголовного процесса. Первая - модель **контроля преступности** - отражает условия быстрого и эффективного процесса наказания преступников и игнорирования отдельных процессуальных прав подозреваемых (158,39), вторая - модель **должной правовой процедуры** - отдает предпочтение защите прав личности в ущерб результативности борьбы с преступностью. Г.Л.Паркер подчеркивает, что камнем преткновения в их отношении является вопрос: насколько **надежность совместима с эффективностью**, и считает, что данные модели являются идеальными формами, а в реальной деятельности существуют только в компромиссном сочетании

(159). Дж.Гриффитс совершенно правильно отмечает, что соблюдение должных процедур не самоцель, а лишь средство решения задач борьбы с преступностью (160).

В материалах 10-го Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 10-17 апреля 2000г.) сказано: «Задача заключается не в том, чтобы добиться каких-то конкретных целей в области защиты прав человека или борьбы с преступностью, а в том, чтобы должным образом сбалансировать эти две области деятельности с учетом соответствующих потребностей общества» (161).

Для выявления и отслеживания теневой деятельности существенное значение приобретает решение вопроса об организации системы сбора данных, которые могут свидетельствовать о возможной причастности человека к преступной деятельности, получению нетрудовых доходов. Помимо специальных учетов МВД имеется множество иных организаций, где фиксируются самые различные акты и действия граждан (приобретение недвижимости, заключение других регистрируемых сделок, покупка за рубежом автомашин и их регистрация в ГАИ, зарубежные поездки, декларирование доходов и т.п., 162,13-14; 163,228,235). ФБР активно использует сведения о гражданах, имеющих в канцеляриях концернов и фирм, совместных с иностранцами предприятиях, страховых компаниях, по делам о разделе имущества, оспаривания наследства и т.д. (164,282,315).

В разрозненном виде эти данные могут не привлекать к себе внимания, а сведенные воедино могут указывать (иногда «кричать») на возможность криминальных аспектов жизни и деятельности определенного лица. Создание объединенного компьютерного учета и систематизации данных о жизнедеятельности граждан позволило бы значительно усовершенствовать выявление признаков преступной деятельности и предупреждение преступлений. Например, служить основанием для официального предупреждения тех, у кого наблюдается «зашкаливание» нормативов правомерного поведения. Высказываются предложения «обеспечить электронный учет и слежение за всеми преступниками-профессионалами» в масштабе страны (165,628-629). В Латвии в соответствии

со ст. 5 Закона о борьбе с коррупцией Министерство юстиции и Государственная служба доходов обязаны представлять в Кабинет министров данные на должностных лиц, подлежащих антикоррупционным ограничениям.

Против такой системы сбора и использования данных имеются возражения как вторжения в личную жизнь. Но почему, во-первых, каждый отдельный вид учета (регистрации) не нарушает прав личности, а все вместе - посягают на права и интересы личности? Во-вторых, чем это может угрожать честному, законопослушному гражданину? В-третьих, эти данные не могут рассматриваться как основания для привлечения к уголовной ответственности, а могут служить лишь поводом для проверки и профилактической работы. В-четвертых, можно установить порядок выдачи этих данных только по мотивированному письменному запросу правоохранительных органов при наличии иных сигналов и данных о неблагополучии в поведении конкретного лица. В пятых, за неправомерное использование такой информации может быть установлена уголовная ответственность. Г.Л.Цахерт в связи с этим указывает, что эффективность борьбы с организованной преступностью «имеет свою цену», поэтому общество должно решить - «готово ли оно заплатить эту цену» (162, 11).

Многие средства борьбы с преступностью, то же ознакомление с чужой перепиской, прослушивание телефонных разговоров и т.п., естественно, аморальны. Однако, «отрицательная моральная оценка таких действий не препятствует их совершению, если на шкале ценностей они выступают как «меньшее зло», если их цели безусловно нравственны» (98,112-113). Выбор такого решения несомненно является результатом нравственного компромисса, допустимого в следственной деятельности лишь в тех случаях, «когда другого выхода нет, а результат такого компромисса положительно влияет на достижение целей предварительного следствия. Безусловное отрицание компромисса в следственной деятельности есть не что иное, как проявление мнимой заботы об «абсолютной чистоте» применяемых средств борьбы со злом» (166,72).

«Условия, в которых сейчас работают следователи, - подчеркивает Р.С.Белкин (и это можно в целом отнести к правоохранитель-

ной деятельности - авт.), - без преувеличения экстремальны. К перегрузкам и постоянному дефициту времени необходимо присоединить, и оказываемое преступниками изоощренное противодействие, широкие возможности воспрепятствовать установлению истины, которыми обладают организованные преступные сообщества. В этих условиях недопустимо лишать следователя любого тактического средства борьбы с преступностью только потому, что оно может вызвать сомнения в его абстрактной «моральной чистоте», понятие которой формулируется в безнадежном отрыве от жизни, от реальной следственной практики» (98,115).

6. Дезинформация и побуждение к действиям как средство противодействия преступной деятельности

Собственно технология раскрытия и расследования преступлений, являющаяся стержнем борьбы с преступностью, меняться ежедневно за счет внедрения достижений науки и появления новых правовых норм не может. Поэтому в первую очередь должны совершенствоваться давно известные приемы, средства и методы деятельности, расширяться возможности их использования для решения задач уголовного судопроизводства, в том числе на основе более глубокого анализа их природы и сущности, а также оценки реального соотношения прав личности и задач борьбы с преступностью. В этом плане особый интерес представляют такие понятия как обман, дезинформация, провокация и т.п. Одно лишь их произнесение в контексте правоохранительной деятельности вызывает возмущение и возгласы о принципиальной недопустимости (167,13-14; 168,102-103). Но правильно ли при этом оценивается соотношение содержания и формы данных категорий? И все ли в них негативно и недопустимо для использования в правоохранительной деятельности? Обман трактуют как распространение искаженных или заведомо ложных сведений для достижения ставящихся целей, а провокацию (от лат. - вызов) как подстрекательство.

Чтобы не смешивать различные проявления и аспекты этих понятий, необходимо прежде всего разграничить различные по своей природе и направленности виды правоохранительной деятельнос-

ти. Для оперативно-розыскной деятельности дезинформация, обман и провокация - это то, без чего не может осуществляться сбор информации, необходимой для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Как, например, секретный сотрудник может быть внедрен в преступную группировку для ее разработки без обмана и дезинформации о характере этой личности, ее намерениях? Как оперативный работник или агент могут получить необходимые данные от подозреваемого или его пособников, если не скроют свой подлинный интерес, не замаскируют свою цель?

Другое дело, что нельзя подталкивать к совершению тех действий, которые противоправны и опасны для граждан и могут иметь серьезные последствия для судьбы провоцируемого (например, на реальное совершение убийства). В решении Верховного суда США проводится различие между криминогенной ситуацией, искусственно созданной для невиновного лица, и «ловушкой» для преступника. «Провокация имеет место в том случае, когда сотрудники правоохранительных органов подстрекают или поощряют лицо совершить преступление, умышленно делая ложные заявления о законности его поведения или применяя методы, которые способствуют совершению такого преступления, лицом не предрасположенным к этому» (169,6).

Следовательно, речь должна идти не о принципиальном отрицании провокации (побуждения) как средства деятельности против преступников, что по сути своей бессмысленно и алогично, а о четком разграничении тех элементов (способов) провокации, которые традиционно используются и допустимы, и тех, которые вообще применяться не могут. В 1999г. в Одессе состоялось посвящение в «авторитеты» одного из преступников, который как выяснилось позднее, был «опущенным». В результате этого 50 «авторитетов», которые его «короновали», оказались дискредитированы в связи с нарушением преступных «законов». Оценивая урон, нанесенный преступной среде, журналист высказал предположение - не была ли данная операция организована оперативными службами правоохранительных органов? Эту операцию, если журналист прав, тоже можно назвать провокацией. Но из таких «провокаций», по нашему мнению, должна состоять деятельность против современной

преступности ибо это - **профессиональный** ответ на действия профессионалов, а не мелочные попытки «упрятать» их за решетку путем подбрасывания оружия или наркотиков, на что нередко идут практические работники в бесплодных боях с преступниками в силу отсутствия надежных правовых средств их изобличения. В связи с этим в программе «Стратегия и тактика борьбы с организованной преступностью и коррупцией» правильно ставится вопрос о необходимости «дать четкое определение в законодательном порядке понятия провокации с тем, чтобы оперативные комбинации спецподразделений при задержании преступников с вещественными доказательствами или для получения доказательств их вины в процессе оперативно-розыскной деятельности не являлись противоправными» (170,32).

В деятельности следователя разграничение и ограничения применительно к рассматриваемым категориям должны быть более строгими, потому что данные, получаемые оперативно - розыскным путем, используются в основном как основание для проверки определенных лиц и событий, а в расследовании информация используется для решения процессуальных вопросов, связанных с судьбой подозреваемого, и здесь ошибки могут иметь существенные и непоправимые последствия. Но и здесь побуждение-провоцирование на определенные действия может иметь правомерное место. Обыск на большом приусадебном участке не дал результата. Тогда следователь сказал: «На сегодня хватит, завтра возьмем технику и продолжим поиск». Ночью, когда подозреваемый решил откопать и перепрятать труп в другое место, оперативные работники задержали его. Если акцентировать внимание только на форме осуществленного, то можно сказать, что здесь налицо явные обман и провокация, ибо подозреваемого подтолкнули к выполнению тех действий, которые привели к его изобличению. Но если рассматривать содержательную сторону проведенной операции, то в ней нет ничего провокационного, так как преступление уже было совершено, труп был спрятан виновным и своими действиями он лишь облегчил работу следователя, а не создал правовые основания своей ответственности, которых без побуждения извне не существовало.

Примеров подобного плана можно приводить массу и они будут свидетельствовать о том, что без таких побуждений следова-

тель обойтись не может, а поэтому опять-таки нужно лишь строго разграничить то, что допустимо и что таковым являться не может.

Применительно к деятельности следователя провокацией в чистом виде будет все то, что может породить ответственность лица и чего он без этого «подталкивания» мог не совершить.

Однако возникает вопрос: можно ли в принципе использовать провокацию в борьбе с преступностью? Во многих странах на этот вопрос дан категорический утвердительный ответ. Например, в борьбе с контрабандой наркотиков и оружия, проституцией. Кстати, и у нас приобретение подставным лицом наркотиков, на основании чего в последующем изобличается наркосбытчик, используется в оперативно-следственной и судебной практике, как аргумент того, что обычные средства борьбы с данным явлением недостаточны. А в остальном о провокации говорят как о безусловно недопустимом средстве.

Если быть формально последовательными,^{TM} во-первых, провокация должна быть либо разрешена, либо безоговорочно запрещена без всяких исключений, во-вторых, чтобы не смешивать средство деятельности по борьбе с преступностью с возможностью изобличения лица в совершенном им по нашей «наводке» преступлении, необходимо установить, что получаемые в результате этих операций данные не могут служить непосредственным основанием для привлечения к уголовной ответственности. Сложности разоблачения взяточников общеизвестны, поэтому в деятельности правоохранительных органов используется операция «Задержание с поличным». Судебная практика знает множество примеров привлечения к уголовной ответственности на основе подобных операций. И по этому поводу правильно утверждается, что «операция по вручению вымогателю предмета взятки - только закрепление доказательств уже совершенного преступления» (171,309).

Но заинтересованное лицо может организовать такую операцию на базе сфальцифицированных данных. И опять-таки не единичны примеры, когда таким образом устраняли принципиальных следователей. Из этой ситуации напрашивается конкретный вывод: результаты подобной операции могут служить свидетельством виновности подозреваемого только в том случае, когда «чистота»

операции по вручению взятки находится под полным контролем - не просто обнаружили в кабинете помеченные деньги, а зафиксировали факт их **непосредственной передачи**, состоявшийся при этом разговор и т.д. Во всех остальных случаях сам факт обнаружения денег может рассматриваться **лишь** как основание для профилактической беседы с подозреваемым в получении взятки. Хотя аргументируется и правомерность вручения взятки для привлечения проверяемого к уголовной ответственности (172,157-162).

Аналогично в свое время поднимался вопрос о провокации, когда работники милиции для выявления угонщиков транспортных средств, карманных воров «подставляли» автомобиль или карман с кошельком-ловушкой. При задержании таких преступников и попытке привлечения их к уголовной ответственности по данным фактам некоторые ученые и судьи говорили: «Работники милиции спровоцировали его на совершение данного преступления и без этой организованной ими «подставки» он бы никакого преступления не совершил». Поставим это заявление под большое сомнение, так как данный карманник или угонщик до этого несколько раз был судим (не говоря о недоказанных случаях задержаний) и вряд ли совершенно случайно снова залез в чужой карман или машину. Но поскольку теоретически (весьма теоретически!) возможны случаи, когда честный гражданин или преступник, который еще не попадался и не привлекался к уголовной ответственности, может случайно оказаться в подобной ситуации, вести речь об использовании такого средства для установления с целью привлечения к уголовной ответственности нельзя. Но применять его для выявления склонных к этому лиц и официального государственного предупреждения о недопустимости подобного поведения (которое после 2-3 кратного повторения может быть признано по закону преюдициальным для привлечения к уголовной ответственности за аналогичные «шалости»), не только можно, но и необходимо, если мы хотим по настоящему бороться с преступностью и развивать профилактическую сторону этой деятельности, реально защищать граждан и общество от совершаемых преступлений, которые могут оставаться безнаказанными из-за отсутствия надлежащих средств выявления и разоблачения преступников.

В Латвии планируется предусмотреть проведение в особом порядке следственного эксперимента (в отличие от предлагаемого у нас «оперативного эксперимента»). Его целью будет служить проверка того, «как в конкретной ситуации, которая может способствовать проявлению преступного умысла, подготовке или совершению преступления, будет действовать лицо, в отношении которого имеются сведения, что оно причастно к совершению преступления или готовится к этому». При этом в проекте закона особо подчеркнуто, что «запрещено насиланием, угрозами или шантажом воздействовать на выбор лица или подстрекать его действовать именно преступно» (126,69-70).

Ранее достаточно большое внимание уделялось созданию следообразующих условий (всевозможные химические ловушки) для выявления лиц, посягающих на те или иные объекты и ценности, высказывались предложения о создании «ароматических ловушек», не воспринимаемых обонянием человека, но обнаруживаемых инструментально или с помощью собаки (173,201). Однако из-за отмечавшихся возражений от использования этих средств практически отказались. И опять-таки, что провокационного в том, что, например, в учреждении, где из сумок, столов, одежды начались кражи денег и ценностей, в специально оставленную сумку с деньгами поместили химловушку? Кого здесь и на что провоцируют? Того, кто уже неоднократно совершал кражи этих денег и вещей и кто перестал бы красть, если бы ему не «подсунули» эту ловушку? Снова все упирается в то, что такого рода операции ни в коем случае не являются провокацией, если контролируются условия «срабатывания» ловушки, если исключены все возможности ошибки и случайного попадания постороннего в подобную ситуацию. При этом требуется учет различия двух ситуаций:

-на лице, его одежде обнаружены следы химического вещества и другие изобличающие доказательства, полученные в ходе проведения иных следственных действий,

-выявлены лишь следы химического вещества, но никаких иных следов и доказательств (например, при обыске) не обнаружено.

В первом случае факт «провокации» (установка химловушки), явившись поводом к последующему сбору изобличающих доказа-

тельств, теряет свое значение и отходит на задний план - дело разрешается как бы без него. Во втором случае, когда нет «подкрепления», должна быть предметная оценка возможной самостоятельности и достаточности проведенной «подставки» как для процессуальных, так и иных мер воздействия на установленное таким образом лицо (дисциплинарных, административных).

На наш взгляд, о побудительных действиях нужно вести речь не как о провокации, а как о средстве проверки лица на честность, установления реального поведения проверяемого человека.

Что в себя, практически во всех проявлениях, включает тактика? Элементарный обман. Тактика - это умение переиграть своего оппонента, которое проявляется прежде всего в хитрости. «Переиграть противника» - значит скрыть (утаить) свои планы и намерения и за счет этого достичь необходимого (желаемого). В рамках расследования это значит добыть информацию, которую без подобных тактических ходов получить невозможно или исключительно затруднительно. Но получить **реальную** информацию, которой обладает интересующее лицо, в отношении которого применяется тот или иной тактический прием, т.е. не принуждение, не навязывание того, чего не было на самом деле, а создание условий добровольного «деления» наличной информацией.

Автор ранее искал и пытался обосновать различие между обманом и хитростью (174,27-28). Но теперь убедился в бессмысленности и бесполезности этого и полностью согласился с Р.С.Белкиным, который говорит, что реальный обман использовался и будет использоваться в рамках тактических аспектов деятельности следователя, и нужно лишь выделить и запретить тот обман, который противоречит принципам и целям этой деятельности, угрожает нарушением прав и интересов личности (175,13-16).

Рассмотрим с учетом этого некоторые следственные действия, в которых имеются элементы тактики. Так, маскировка целей допроса - по форме обман, а по существу лишь средство получения информации. Преступники, выдававшие себя за работников милиции, под видом проведения обысков похитили значительные ценности у жителей Киева, Харькова и Москвы. Подозрение в причастности к данной группе пало на жителя Днепропетровска, который

в период совершения этих преступлений выезжал из города на своей автомашине. Допрашивать его «в открытую» не имело смысла, поэтому следователь пригласил его на допрос в помещение ГАИ и спросил, не проходил ли маршрут его поездки в указанный период через Вологду, где имело место дорожное происшествие с автомобилем сходных характеристик. Не зная истинного интереса следователя и стремясь защититься от подозрения в причастности к ДТП, допрашиваемый показал, что в Вологде он не был, а находился в этот период в Харькове, Киеве, Москве. При этом он сослался на данные, подтверждающие факт пребывания там (176,88). Американцы в этом плане идут значительно дальше: чтобы добиться признания подозреваемого в совершенном преступлении, его обвиняют в несовершенном более тяжком, т.е. ставят перед выбором - сознаться в своем или подвергнуться возможной угрозе привлечения за чужое преступление (177,20). В этом приеме уже нет тактической чистоты, здесь налицо угроза и давление. Этот пример является свидетельством уже отмечавшейся необходимости разграничения правомерного и недопустимого.

Прием «создание впечатления осведомленности следователя об обстоятельствах события» - это то же формально обман, а точнее создание видимости знания, на которое допрашиваемый реагирует (или не реагирует) сам. При допросе подозреваемых в совершении краж из железнодорожных составов следователь широко использовал информацию специалистов о технологии обработки рефрижераторных поездов, режиме их работы, расположении и использовании в качестве тайников для перевозки похищенного секций, ниш и других мест поездов, применяемой железнодорожниками терминологии и т.п. Все это подозреваемые оценили как знание следователем конкретных фактов и обстоятельств совершенных ими преступлений и дали признательные показания (176,88-89).

Может ли человек не причастный и не осведомленный о событии рассказать детально о нем? Естественно, нет. А если его **вынуждают** сказать то, чего не было (с его участием по крайней мере), или **заставляют** поведать о том, что им было совершено, но о чем он добровольно говорить был не намерен, то здесь уже не обман, как средство получения информации, а нарушение правил осущест-

вления уголовного судопроизводства, при котором обман выступает вспомогательным средством давления, насилия. Подозреваемый отрицал свою вину. Для его разоблачения требовалось доказать, что в пригородный поселок он прибыл отдельно от остальных членов семьи: все на электропоезде, а он на угнанной машине. Однако, в связи с договоренностью все утверждали, что он приехал вместе с ними. Не утруждая себя тем, чтобы за счет детализации показаний каждого выявить расхождения и противоречия, и таким путем разоблачить ложь, следователь при повторном допросе изолировал друг от друга членов семьи и начал допрос с отца. Тот не изменил своих показаний. После этого следователь пригласил его дочь. Когда она стала повторять свои прежние показания, следователь «зачитал» «показания отца» о том, что они приехали отдельно от брата. Дочь подтвердила этот факт. Затем подобная операция была проделана с матерью и наконец протоколы допроса жены и дочери были предъявлены отцу подозреваемого, который признал, что ранее давал ложные показания. На основе полученных таким путем данных был допрошен и сознался задержанный (107,150-151). Недопустимость такого «тактического» приема заключается в том, что во-первых, допущен прямой обман (сообщение дочери, что отец дал показания), хотя и приведший к установлению истины в данном конкретном случае, но позволивший вынудить к даче «требуемых» показаний, во-вторых, допрошенные разберутся, кто первым сказал о том, что условились скрывать и как это произошло, т.е. выяснят «методы» работы следователя. Но главная опасность состоит в том, что сделав первый шаг на пути использования такого обмана, последующие (и более серьезные) следователю будет сделать проще.

Что означает тактика организации «проговорки» как не обман, поскольку лицо заманивается в «расставленные для него сети»? Но реагировать или нет на эти «сети» допрашиваемый определяет сам.

О «психологических ловушках» с демонстрацией каких-либо объектов, которая должна способствовать получению показаний, то же говорят как о неправомерных из-за обмана. Суть же этих «хитростей» заключается в создании ситуаций, когда допрашиваемое лицо может невольно продемонстрировать свою осведомлен-

ность, открыто прореагировать на выданную ему информацию. Так, подозреваемый в совершении кражи упорно отрицал на допросе свою причастность к преступлению. К следующему допросу следователь нашел один из предметов, аналогичный похищенному, и поместил его на сейф, накрыв газетой, но так, чтобы его можно было рассмотреть с места, на котором будет сидеть допрашиваемый. Пригласив подозреваемого, следователь стал детально расспрашивать его о предыдущей судимости, занятиях после освобождения из ИТУ, не затрагивая вопрос о краже. Подозреваемый все время бросал взгляд в сторону сейфа, отвечал на вопросы с промедлением, односложно, а затем, сказав: «Хватит об этом», подробно рассказал о совершении кражи, в том числе о месте нахождения похищенного, где оно (включая «предъявленный» предмет) было обнаружено (178,135). Мог ли подозреваемый, не будучи причастным к краже, узнать этот предмет и таким образом прореагировать на него? Но правомерность подобного обмана будет только тогда, когда подозреваемый без прямого давления со стороны следователя сам примет решение - прореагировать на представленную информацию или сделать вид, что ничего не произошло (176,97).

Число подобных иллюстраций можно продолжать бесконечно и все они будут свидетельствовать, что тактика без обмана невозможна, но есть обман как средство решения задач раскрытия и расследования преступлений и как недопустимые действия, поскольку нарушают законные права участников уголовного судопроизводства, аморальны по своей сути и дискредитируют саму систему правоохранительных органов.

В связи с обманом целесообразно рассмотреть такие понятия как дезинформация, утаивание, сокрытие информации и т.п. Любое из них также может быть средством или условием следственной деятельности, а может быть и недопустимым. Дезинформация - это сообщение неточной или полностью искаженной информации. В отдельных сферах деятельности (военной, политической и пр.) - это элементарное и распространенное средство достижения ставящихся целей. Применительно к следственной деятельности о дезинформации обычно не говорят, относясь к ней как к обычному обману. Но и в борьбе с преступностью дезинформация не только мо-

жет, но и должна использоваться в качестве средства деятельности. Например, дезинформация как способ сокрытия места нахождения свидетеля, жизни которого имеется реальная угроза, или выявления тех поисковых действий заинтересованных лиц, которые могут быть осуществлены в специально ложно названном месте. В настоящее время киллеры и заказчики убийств иногда ищут друг друга с помощью газетных объявлений, грабители и квартирные воры ищут своих «клиентов» на основе анализа объявлений и т.д. В связи с этим правоохранные органы должны использовать объявления-ловушки для выявления потенциальных заказчиков преступлений и готовых к их исполнению лиц (179,144).

Есть тайна следствия и ни у кого не вызывает сомнений ее необходимость и правомерность, но под прикрытием тайны следствия можно нарушать права участников процесса. Поэтому сокрытие (утаивание) информации в тактических целях, для обеспечения прав и интересов личности (неразглашение интимных сторон жизни и т.п.) необходимо. Но сокрытие или искажение информации, которую лицо имеет право знать, будет уже противозаконным. В тех случаях, когда сокрытие информации как средство деятельности будет вступать в противоречие с защитой прав человека, приоритет, как правило, должен отдаваться последнему. Например, подозреваемый желает узнать задержан ли его соучастник. В интересах следователя может быть пока нецелесообразным сообщать ему об этом, но в таком случае окажутся нарушены его права на защиту, если до этого его действия не квалифицировались как совершенные группой.

Запрет на обман, дезинформацию, провокацию и иные подобные средства деятельности проистекает из теории «бесконфликтного следствия» (76,148-155). Но такого в реальности нет, поэтому нельзя следователя оставлять безоружным и беззащитным перед всем арсеналом средств противодействия преступников. Однако, это ни в коем случае не означает, что нам можно и нужно действовать также как преступники, т.е. не считаясь ни с чем, лишь бы достигалась определенная цель - выявить, найти, разоблачить. Но не следует лицемерно и формально оценивать возможности расшире-

ния средств и методов деятельности против всесторонне вооруженной и уверенной в безнаказанности преступности, считать, что ее хитростям, обману и подлости будут противопоставляться только стерильно чистые действия следователя. Л.М.Карнеева и В.Е.Коновалова давно и правильно отметили, что многие совершенно правильные приемы и методы деятельности встречают возражение из-за неправильных и претенциозных названий: использование взаимоотношений между соучастниками теперь именуют «разжиганием конфликта», использование элемента внезапности - «захватом врасплох» и т.п. (180,12; 181,17,88). Так и о провокации можно говорить как о подстрекательстве с недобросовестной целью, а можно и как о побуждении к действиям.

Таким образом, по нашему мнению, должен ставиться вопрос не о том, допустимы или нет обман, дезинформация, провокация и иные подобные средства, а когда и при каких обстоятельствах они могут выступать *средствами деятельности*, когда и при каких четко определенных условиях они могут использоваться и соответственно когда их применение недопустимо.

Р.С.Белкин, первым открыто сказавший о допустимости обмана, указал перечень тех случаев, когда обман принципиально не допустим:

а) обман основан на правовой неосведомленности противостоящего следователю лица, на незнании им своих прав и обязанностей, на неправильном представлении о правовых последствиях своих действий,

б) на заведомо невыполнимых обещаниях этому лицу,

в) на фальсифицированных доказательствах,

г) на дефектах психики подследственного и иных его болезненных состояниях,

д) на мистических и религиозных предрассудках лица (175,22-23).

Несомненно, что этот перечень требует уточнения и дополнения, но два условия, по нашему мнению, являются определяющими: - у лица, в отношении которого используются эти средства,

всегда должна оставаться возможность свободного выбора поведения. В качестве безальтернативного давления эти средства никогда использоваться не должны, - при реализации результатов применения этих средств не должны допускаться нарушения прав данной личности.

Теоретическое и практическое разрешение поставленной проблемы является, на наш взгляд, одним из путей расширения арсенала **реальных** средств борьбы с современной преступностью.

7. Научно-методическое обеспечение следственной практики

Эффективность любого вида человеческой деятельности находится в прямой зависимости от уровня и сбалансированности ее научного, организационного, ресурсного и иных систем обеспечения. «Обеспечить» значит создать условия для осуществления, достижения чего-либо, в данном случае - полноценного осуществления деятельности.

В настоящее время в юридической литературе уделяется большое внимание различным аспектам обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, при этом речь в основном идет о криминалистическом обеспечении. Однако в сам термин «криминалистическое обеспечение» вкладывается различное содержание. Чаще всего о криминалистическом обеспечении говорят как о создании условий для успешного применения криминалистических возможностей с целью успешного решения задач конкретной сферы правоохранительной деятельности (182,44).

В.Г.Коломацкий дает следующее определение криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел - «Это система внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умение работников использовать научные, методические, технико-криминалистические средства и технологии их применения в целях предотвращения, раскрытия и расследова-

ния преступлению^{183,62}). В соответствии с этим он считает, что система криминалистического обеспечения включает в себя три подсистемы:

- криминалистические знания (разработки криминалистической науки);
- криминалистическое образование (подготовка),
- криминалистическая техника (средства и методы).

Включение образования в криминалистическое обеспечение аргументируется следующим образом: «Чтобы произведенное криминалистической наукой прикладное знание (методы и средства) стало орудием практики, оно должно пройти стадию криминалистического образования, в результате чего криминалистические знания трансформируются в элемент профессиональных знаний и умений работников органов внутренних дел» (26,67). Против необходимости этого спорить не приходится, но это уже сфера другого обеспечения.

При отмеченном подходе в определение обеспечения включается не только **собственно** криминалистическое обеспечение, а и все иные виды обеспечения по отношению к криминалистическим средствам и методам (организация внедрения, обучения и т.д.). Такая широкая трактовка термина «криминалистическое обеспечение» приводит к тому, что в него включают даже совершенствование законодательства, призванного способствовать рационализации применения криминалистических средств и методов в практической деятельности (182,52), но это уже не криминалистическое обеспечение, а создание условий для его реализации.

По нашему мнению, необходимо четко разграничивать «криминалистическое обеспечение деятельности» и «обеспечение деятельности криминалистическими средствами и методами». Первое - это отражение сути криминалистики, ее предназначение, а именно - разработка тех криминалистических средств и методов, которые требуются для выполнения практической деятельности. Второе - организационные и прочие меры по доведению этих средств до их применения. Такое разграничение необходимо для того, чтобы бы-

ло ясно, кто и чем именно должен заниматься применительно к обеспечению следственной деятельности, поскольку возложение на криминалистику и криминалистов не свойственных им задач будет приводить к их некачественному либо вообще невыполнению. Так, например, применительно к заказным убийствам задача криминалистики сводится к обобщению опыта их раскрытия и разработке на этой основе методики их расследования, а создание условий для успешной реализации данной методики (соответствующая подготовка кадров, внедрение специализации в деятельность следователей, особенно при осуществлении убийств с помощью взрыва, и т.д.)- все это уже организационные, кадровые и прочие виды обеспечения расследования.

З.И.Кирсанов пишет, что криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью состоит « в разработке и предоставлении судебно-следственным, оперативно-розыскным и другим правоохранительным органам криминалистических средств и методик получения, оценки и использования информации, необходимой для выявления, предотвращения и раскрытия преступлений (184,10). С «разработкой» все понятно, ибо создание криминалистических рекомендаций и есть **собственно криминалистическое обеспечение**, а вот с термином «предоставление» необходимо разобраться. Если он употреблен в смысле «предоставлено самим фактом создания», то никаких вопросов не возникает, поскольку главное отражено в термине «разработка», а если «предоставление как обеспечение поступления по адресу», то требуется уточнение. Но поскольку автор далее заявляет, что «криминалистическое обеспечение следует рассматривать не только как решение прикладных задач криминалистики, но и как ее дидактическую функцию», так как «необходимо не только информировать широкий круг следователей, оперативных работников и специалистов-криминалистов о новых научных разработках, но и обучить их, создать им условия для получения соответствующих практических навыков» (184,11), ясно, что он понятие криминалистического обеспечения трактует расширительно. Мы с такой трактовкой согласиться не можем по уже отмеченной причине - каждый, в том числе любая наука, должен занимать-

ся своим делом. Здесь можно провести аналогию с участием ученых во внедрении своих разработок в практику. Несомненно, непосредственное участие разработчика во внедрении его новшества в практику имеет ряд существенных положительных моментов: личная заинтересованность во внедрении, четкое представление о сути внедряемого и требуемых для этого условиях, способность выделить ранее не учтенные препятствия для эффективного действия новшества и т.д. Но при этом наличествуют и весьма отрицательные моменты: во-первых, для организации внедрения требуются особые качества личности, которыми ученый нередко не обладает, во-вторых, заниматься этим ученый будет, как правило, в ущерб своей основной работе, которую за него никто не выполнит. Следовательно, в криминалистическом обеспечении и по содержанию, и по форме прежде всего должен реализовываться принцип рациональной специализации.

Исходя из изложенного, мы считаем, что **криминалистическое обеспечение деятельности заключается в разработке криминалистических средств и методов, необходимых для ее эффективного осуществления.** А на базе этого появляется потребность и возможность обеспечения осуществляемой деятельности созданными новшествами. Ярким примером этого может служить научная разработка генотипной экспертизы и практическое отсутствие возможностей ее использования в следственной деятельности в настоящее время (кроме исключений вроде дела Гонгадзе).

Поэтому, на наш взгляд, необходимо вести речь о научно-методическом обеспечении, которое включает в себя два основных направления: разработку средств, приемов и методов обнаружения, фиксации, исследования и использования доказательственной информации и создание необходимых условий для восприятия и применения практикой научных рекомендаций. Первое направление - это естественный процесс существования и развития криминалистики. Для реализации второго направления требуется целенаправленная деятельность соответствующих структур и органов. До образования самостоятельного украинского государства задачи и со-

держание научно-методического обеспечения деятельности по расследованию и профилактике преступлений определяли всесоюзные правоохранительные ведомства и их научно-исследовательские учреждения. Они же выступали центрами координации научных исследований в области криминалистики и судебных экспертиз, апробации рекомендаций по новым приемам и методам следственной и экспертной деятельности, а также их внедрения в практику. В настоящее время этими вопросами ни одно из учреждений Украины по существу не занимается. Следствием этого является дублирование и мелкотемье в научных исследованиях, недостаточное внимание к проблемам, обусловленным потребностями практики, отсутствие системы информирования о новых разработках и их внедрении в практику. Все это отражается на результативности деятельности правоохранительных органов и качестве расследования уголовных дел. Развитие науки и техники создает предпосылки и возможности для всестороннего совершенствования следственной деятельности. Однако рождение нового не приводит к автоматическому и быстрому принятию практикой на вооружение этих средств, приемов и методов.

Данные нашего исследования (опрошено 1125 следователей, прокуроров-криминалистов, экспертов, судей и адвокатов, изучено 999 уголовных дел и 3164 экспертных производства) свидетельствуют, что имеющиеся научно-технические возможности используются при расследовании преступлений крайне неудовлетворительно.

Сегодня для следователя главное - не просто обнаружить и выявить доказательства, а обеспечить их сохранность и достоверность, защитить от недобросовестных попыток оспорить и фальсифицировать. В связи с этим исключительно важное значение приобретает использование научно-технических достижений для собирания и исследования доказательств. Однако, ими используются в основном традиционные средства (порошки, гипс и т.п.), а новые средства и методы обнаружения и выявления следов следователи не только не применяют, но и не знают. Даже прокуроры-кримина-

листы, которые должны быть проводниками научно-технического прогресса в расследовании, при опросе о новых методиках работы со следами указали осведомленность в пределах от 0 до 11,5% (спрашивали о восьми методиках). На вопрос о том, в какой мере используются возможности судебных экспертиз в расследовании, - недостаточно ответили: 81% следователей, 89,2% экспертов, 88,5% прокуроров-криминалистов, 83,8% судей и 78,9% адвокатов. На более конкретный вопрос: «Во всех ли необходимых случаях назначаются экспертизы» - единодушия в ответах не было. Следователи ответили «да» в 87,2%, а прокуроры-криминалисты и судьи «нет» в 69,1% и 83,8% случаев соответственно.

Система информирования о возможностях использования достижений науки и техники оценивается практиками следующим образом:

Уровень оценки	следователи	эксперты	прокуроры- криминалисты
а) организована надлежаще	2,2	12,5	
б) удовлетворительно	34,7	41,7	76,7
в) неудовлетворительно	60,7	39,2	23,3

К основным ее недостаткам они относят:

а) нерегулярность информирования	64,7	93,6	66,4
б) неполнота информации	72,5	72,3	-
в) неконкретность информации	39,2	23,4	16,6
г) отсутствие учета потребностей практики	52,9	34,0	33,2
д) сложность использования источников информации	25,5	19,1	49,8

Количество криминалистических рекомендаций по различным вопросам сбора, исследования, оценки и использования доказательств уже весьма велико и все они рассредоточены в самых различных источниках. С каждым годом этот арсенал пополняется новыми разработками и становится все сложнее ориентироваться в нарастающем потоке научной криминалистической информации. Поэтому не вся она доходит до своих адресатов, чем значительно снижается эффективность использования научно-технических достижений в борьбе с преступностью. В связи с этим требуется активизация работы по анализу и систематизации криминалистических рекомендаций в целях создания благоприятных условий для их практического применения.

Все отмеченное обуславливает необходимость целевого изучения следственной и экспертной практики для: а) определения уровня эффективности рекомендуемых наукой средств и методов, б) анализа состояния использования в практике научных достижений, в) установления причин неполноценного применения криминалистических рекомендаций, г) анализа действенности системы информирования практических работников о новинках науки и техники, д) выявления наиболее актуальных потребностей практики, е) разработки на этой основе мер по устранению выявленных недостатков, в первую очередь, связанных с некачественностью следствия и низким уровнем использования в расследовании научно-технических достижений.

С учетом изложенного назрела объективная необходимость создания в Украине в системе действующих криминалистических учреждений специального подразделения, призванного функционально заниматься разработкой технических, тактических и методических проблем научного обеспечения потребностей следственной и экспертной практики, координацией научных исследований в области криминалистики и судебной экспертизы, проводимых в различных ведомственных учреждениях и вузах, апробацией предлагаемых криминалистических рекомендаций, совершенствовани-ем системы информирования практических работников о новых

достижениях науки и практики, подготовкой справочных и методических пособий по вопросам использования специальных знаний, технических средств и научных методов при расследовании преступлений и производстве экспертиз.

Такое подразделение, по нашему мнению, наиболее целесообразно создать при Киевском научно-исследовательском институте судебных экспертиз, профиль деятельности которого наиболее близок задачам и направлениям научно-методического обеспечения практики расследования. Институт является одним из наиболее авторитетных на Украине центров по проблемам криминалистики и судебной экспертизы, при нем издается хорошо зарекомендовавший себя печатный орган - сборник «Криминалистика и судебная экспертиза».

Создание предлагаемого органа явится необходимым и важным вкладом в разрешение проблем научно-методического обеспечения практики расследования преступлений, а, следовательно, в повышение качества и результативности следствия.

8. Наукометрические исследования в криминалистике.

Планирование и организация перспективных научных исследований должны осуществляться с учетом проведенных разработок и уровня их соответствия реальным потребностям практики.

В целях выяснения того, в какой мере научные исследования отвечают решению этой задачи, нами был проведен анализ научных публикаций по криминалистике и тенденций их развития (как в целом, так и применительно к отдельным разделам и направлениям науки). Данное исследование было проведено с использованием наукометрических методов, позволяющих путем «замера» различных количественных характеристик определить общую картину развития науки. Непосредственным объектом изучения были публикации по криминалистике за 10-летний период (1971-1980гг.), содержащиеся в периодических изданиях, материалах конференций и сборниках статей, а также диссертационные исследования за период с 1938г. по 1985г. Распределение публикаций по разделам крими-

налистики (с выделением судебных экспертиз) и двум периодам в рамках анализируемого срока характеризуется следующими данными:

Таблица 1

Наименование разделов	Количество публикаций %	Прирост публикаций в 1976-1980гг %
Общие вопросы криминалистики	8,8	+ 9
Вопросы криминалистической техники	7,1	-0,4
Вопросы криминалистической тактики	10,4	+7,7
Вопросы криминалистической методики	8,3	+ 10,9
Вопросы экспертных исследований	65,6	+72

Данные по диссертационным исследованиям отражены в табл.2:

Таблица 2

Период (годы)	Общие вопросы	Техника	Тактика	Методика	Экспертизы	Всего	Док. дис.	Канд. дис.
1938-1940	2	5	5	6	3	5	1	4
1941-1950					11	27	2	25
1951-1960	2	3	15	27	32	79	2	77
1961-1970	11	13	45	82	59	210	21	189
1971-1980	21	24	61	89	74	269	25	244
1981-1985	8	13	43	53	42	159	9	150
Итого:	44 6%	58 7,7%	169 22,5%	257 34,3%	221 29,5%	749	60 8%	689 92%

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что издания по проблемам судебной экспертизы составляют более половины общего массива публикаций (65,6%) и около трети (29,5%) диссертационных исследований, а также имеют четкую тенденцию роста. Эти данные отражают активизацию разработки вопросов судебных экспертиз, что способствует решению теоретических проблем и расширению возможностей исследования различных объектов - следов, материалов, веществ.

Для установления распределения научных публикаций по различным видам экспертиз они были разделены на 11 групп в соответствии с классификацией А.И.Винберга и Н.Т.Малаховской (185). При анализе применительно к каждой группе экспертиз выделены три позиции: соотношение с общим числом публикаций по разделу «Вопросы экспертных исследований», прирост за второе пятилетие рассматриваемого периода, соотношение с уровнем потребностей следственной практики. Потребности практики определялись на основе изучения данных анкетирования следователей, выступлений руководящих работников правоохранительных органов, материалов научно-практических конференций, диссертационных исследований и т.д. Следует отметить, что потребности практики в отношении экспертных разработок определяются внутренним (экспертная практика) и внешним (следственная практика) факторами. Эти данные представлены в табл.3. Для сравнения приведены также показатели диссертационных исследований по вопросам судебных экспертиз. Их классификация дана по видам криминалистических экспертиз, поскольку количество иных диссертаций, защищенных по специальности 12.00.09 весьма ограничено (табл.4).

Таблица 3

Виды экспертиз	Количество публикаций, % к общему числу публикаций по разделу	Прирост за 1976-1980гг. % к предшествующему пятилетию	Уровень потребностей практики, в%
Общие вопросы экспертных исследований:	13,5	29,7	14

Экспертизы:			
криминалистические материалы, изделий и веществ	20,6	34,1	51
экономические	5,3	6,5	7
биологические	1,9	-	6
сельскохозяйственные	12,2	5,9	3
инженерно-транспортные	0,07	0,3	-
инженерно-технические	4,5	13,8	1
инженерно-технологические	0,1	-	-
медицинские и психологические	0,5	-	1
иные	37,4	2	8
	3,6	7,7	9

Таблица 4

Период (годы)	Общие вопросы	Дактилос.	Тра-соло-гия	Балли-етика	Хол-оруж.	По-черк-ов.	Исс-лед.-док-тов	Иные	Все-го
1938-1940	2	3	1	2	2	2	3	13	311
1941-1950	1	1	3	2		1	5	4	32
1951-1960	9		7	8		27	5	14	59
1961-1970	18		4	7		20	9	11	74
1971-1980	18		6	3		13	2		42
1981-1985	5								
Итого:	53	4	21	22	15	58	24	33	221

Полученные цифровые данные отражают неравномерность освещения различных вопросов судебных экспертиз. Так, наибольшее количество публикаций посвящено медицинским и психофизиологическим экспертизам, криминалистическим и биологическим исследованиям, а также общим вопросам экспертизы. Фактически более 80 % публикаций данного раздела отражают 4 из 11 направлений проблематики судебных экспертиз.

Сравнительный анализ публикаций по направлениям раздела и их прироста за второе пятилетие рассматриваемого периода обозначил определенные тенденции в развитии знаний по отдельным видам экспертиз. Это позволяет выделить 4 группы вопросов и получить представление о динамике роста публикаций.

1. Сохранение высокого уровня публикаций - общие вопросы экспертизы, криминалистические исследования;
2. Рост количества публикаций по вопросам, ранее мало находившим отражение на страницах изданий - инженерно-транспортные и иные исследования;
3. Значительное снижение числа публикаций по тематике ранее активно пропагандировавшейся - биологические, медицинские и психофизиологические экспертизы;
4. Сохранение низких темпов публикации - исследование материалов, веществ и изделий, экономические, сельскохозяйственные, инженернотехнические и инженерно-технологические экспертизы.

Данные анализа показывают, что основной прирост публикаций происходит по вопросам, наиболее интересующим практику (общие вопросы экспертизы, криминалистические исследования). Вместе с тем выявлено и существенное расхождение в соотношении сравниваемых показателей. Так, изучение потребностей практики свидетельствует о растущей заинтересованности практических работников в исследовании вопросов экономической экспертизы, доля публикаций по которым составляет около 2% и прироста не отмечено.

Данные табл. 5 показывают, что лишь по разделу судебных экс-

пертиз предложение (и весьма существенно) превышает спрос практики, однако количество публикаций не может служить прямым свидетельством удовлетворения качественного спроса.

Таблица 5

Наименование разделов	Показатели Пред-		Превышение	
	Спрос % %	ложе- ние над ложением	спроса над пред- спросом	предложе- ния над
Общие вопросы криминалистики	16,8	8,8	В 1,9 раза	-
Вопросы криминалистической техники	8,5	7,1	В 1,2 раза	-
Вопросы криминалистической тактики	18,9	10,2	В 1,8 раза	-
Вопросы криминалистической методики	45,2	8,3	В 5,5 раза	-
Вопросы экспертных исследований	10,6	65,6		В 6,5 раза

Тенденции к росту либо снижению числа публикаций - явление, на наш взгляд, достаточно показательное. Оно является одним из оснований для выводов об активности исследования отдельных направлений в науке, составе научных работников в данной области, уровне материально-технической и организационной обеспеченности исследования. Не менее важным является то, что данные подобного изучения могут служить базой для прогнозирования предполагаемых научных достижений, поскольку результаты научных исследований, отличающиеся новизной, оригинальностью решения проблем, перспективностью, практически всегда основываются на определенном объеме ранее полученных знаний. Трудно

представить ситуацию, когда сколько-нибудь значимые результаты могли быть получены в области, где недостаточен уровень теоретических обобщений, не разработаны методология и методика, лишь частично обобщена практика. Важным показателем такого объема знаний является количество публикаций по конкретной проблеме. Следовательно, есть основания полагать, что там, где идет активный прирост публикаций и, как правило, сопутствующий ему рост знаний, вероятнее всего ожидать перспективных научных результатов, т.е. проявления закона перехода количественных изменений в качественные применительно к накоплению и качественному изменению знаний.

Вполне понятно, что в определенные периоды из-за различных обстоятельств прирост публикаций может происходить за счет распространения известной, устаревшей информации, ее дублирования.

Результаты наукометрического исследования, разумеется, не раскрывают полной картины состояния и развития исследуемой области знаний, но служат основой для определения позиций, требующих предметного качественного анализа и учета при планировании научных исследований в целях исключения субъективного подхода при решении этих вопросов.

Данные сегодняшних подобных исследований будут, естественно, выглядеть иначе, поскольку в настоящее время подготовка и выпуск изданий определяются не столько потребностями практики, сколько намерениями и возможностями авторов. Об этом, например, свидетельствует «поставленный на поток» выпуск учебников по криминалистике.

Кроме того, при наукометрическом анализе публикаций необходима их дифференциация по теоретическим и прикладным аспектам, ибо сейчас нередко содержание работ не соответствует названию (например, вид работы обозначен как монография, а на самом деле опубликована лишь библиография по теме).

9. Эксперимент как средство совершенствования следственной деятельности

В переходных условиях развития государственности и решения задач построения правового государства особое значение приобретает продуманность и обоснованность преобразований во всех областях жизнедеятельности государства и, в первую очередь, в сфере правоохранительной деятельности, призванной обеспечить надежную правовую защиту всем членам нашего общества, чтобы жизнь и здоровье человека, его честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность стали наивысшей социальной ценностью. Одной из гарантий этого выступает расширение экспериментальной проверки того, что предлагается для внедрения в жизнь, в том числе новых правовых актов.

За 1990-1995 гг. в Украине принято более 600 законодательных актов, что следует оценить как положительный момент, но в то же время в большую их часть уже неоднократно вносились изменения и дополнения (186,3-44). В этом плане заслуживает внимания предложение депутата В.Суслова, который при обсуждении в Верховной Раде вопроса о регулировании поступлений в бюджет в зависимости от размеров налогообложения рекомендовал проверить это экспериментально - снизить на несколько месяцев налог на добавленную стоимость, чтобы таким образом выяснить, к чему это приведет: к увеличению или снижению поступлений и на основе этого /вместо споров/ принять решение (187).

Экспериментальный метод заключается в познании интересующих фактов путем опытной проверки наблюдаемых явлений. В отличие от метода наблюдения эксперимент включает активное вмешательство в изучаемое явление, его выделение из обычного процесса, искусственное воспроизведение в специально созданных условиях. Эксперимент позволяет исследовать сущность, природу и механизм интересующих явлений и фактов. Вместе с тем ему присущи две специфические черты. Во-первых, он, являясь составным элементом практики, выполняет функции критерия истины, т.е. обеспечивает не только получение знаний, но и проверку их истин-

ности. Во-вторых, для развития теории и практики весьма важна его прогностическая роль, обеспечивающая предварительную опытную проверку положений, предлагаемых для внедрения в практику (188,8).

В следственной деятельности эксперимент получил достаточно широкое применение в качестве средства опытной проверки отдельных обстоятельств в рамках следственных действий, при производстве экспертиз. А в научных криминалистических исследованиях экспериментальный метод используется сравнительно ограниченно. Объясняется это, на наш взгляд, двумя основными обстоятельствами. Во-первых, тем, что не раскрыты в полной мере возможности этого метода применительно к криминалистическим аспектам следственной деятельности, во-вторых, существенными ограничениями и сложностями экспериментирования в сфере уголовного судопроизводства (189,156).

Расследование преступлений - строго регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность, применительно к которой достаточно четко и полно определены права и обязанности ее участников. Любое отступление от этих предписаний представляет собой нарушение закона. «В ситуациях, урегулированных уголовно-процессуальной нормой, - отмечает В.Т.Томин, - рационализация невозможна никаким иным путем, кроме внесения изменений в закон» (108,115).

С учетом этого вся следственная деятельность применительно к возможностям экспериментирования, по нашему мнению, должна быть четко разграничена на две сферы: а) аспекты, связанные с изменением прав и обязанностей участников процесса; б) аспекты, изменение которых не связано с корректировкой прав и обязанностей субъектов уголовного судопроизводства. К первой группе относятся все положения, которые определяют и отражают права и обязанности участников расследования, регламентируемые уголовно-процессуальным законодательством. Эксперимент в отношении этих положений в целях проверки предлагаемых мер по совершенствованию процессуальной деятельности (повышению качества и

результативности расследования, расширению гарантий прав участников уголовного судопроизводства, обеспечению экономичности следственной деятельности и т.п.) означает (влечет) изменение - расширение или ограничение установленных прав и обязанностей, т.е. отступление от закона, проявляющееся в ущемлении либо расширении прав лиц, попавших в сферу проводимого эксперимента, по сравнению со всеми иными участниками уголовно-процессуальной деятельности (190,132). Поэтому эксперимент такого рода может быть осуществлен только на основании решения законодателя.

Однако наш законодатель в сфере уголовного судопроизводства (да и применительно к иным областям жизнедеятельности) практически не используют такую возможность, а ученые не вносят предложений и не предлагают научно-обоснованных программ по проведению масштабных экспериментов, направленных на совершенствование (в том числе принципиальное изменение) структур и положений уголовно-процессуальной деятельности.

Предложений по изменению уголовно- процессуального законодательства и организационных элементов следственной деятельности с аргументацией в обоснование их осуществления в нашей литературе (и особенно в диссертациях) высказывается великое множество. Но способов экспериментальной проверки, которые бы подтвердили или опровергли приводимые аргументы и открыли те, которые не видны на уровне теоретического осмысления проблемы или игнорируются как несущественные, не предлагается (191,158-159).

Ставя вопрос о необходимости каких-либо преобразований, ученый, по нашему мнению, должен указывать не только причины и доводы в пользу этого, но и предлагать конкретные пути, способы и масштабы проверки (в том числе экспериментальной) реальности предлагаемых мер, чтобы в практику внедрялось уже апробированное, а не для выяснения, что из этого получится при реализации.

В экспериментальной проверке нуждаются «те выводы и положения юридической науки, которые носят гипотетический харак-

тер, те проекты правовых актов, которые не дают полной уверенности в целесообразности намеченного мероприятия». Следовательно, эксперимент должен проводиться для того, «чтобы предотвратить возможную неудачу, риску которой разумнее подвергнуть более узкую область общественных отношений, чем более широкую» (189,155).

В тех случаях, когда преобразования носят организационно-технический характер и, как правило, не затрагивают права и обязанности вовлекаемых в уголовно-процессуальную сферу лиц, возможности проведения экспериментальных исследований достаточно широки и значительно проще по процедуре. Это, например, эксперименты по проверке влияния критериев оценки на показатели деятельности по раскрытию преступлений (результативность, сроки и т.п.), по установлению влияния организационных преобразований (введение специализации в работе следователей, организация их труда с участием технических помощников.

Давно, например, «ставится» и «снимается» вопрос о технических помощниках следователей, издавались приказы о их введении (192), однако проблема эта до сих пор не решена (193,46). По данным нашего исследования 81,6% опрошенных следователей указывают, что работают без технических помощников. А там, где эти должности предусмотрены, помощники следователей занимаются самостоятельным расследованием. Данный вопрос, как и многие другие организационные, мог быть давно решен на базе проведения эксперимента в ряде ГО РОВД страны, позволив определить, что именно может дать работа с настоящими техническими помощниками следователей в плане повышения качества расследования, сокращения его сроков и экономии используемых сил и средств. Поэтому представляется не учитывающим все особенности экспериментирования заявление «о недопустимости эксперимента в области борьбы с преступностью без издания правового акта, так как такой эксперимент неизбежно будет означать нарушение законности» (194,744).

При экспериментах этого вида опробываются организационно-

структурные изменения, не затрагивающие содержание следственной деятельности, призванные совершенствовать в первую очередь результативность следствия и уровень организации труда следователей. Разумеется, в конечном итоге эти изменения (внешне количественного плана) будут иметь своим результатом и существенные качественные достижения. Так, улучшение организационно-технических условий труда следователей может и должно привести не только к увеличению объема выполняемой ими работы (в частности, количества расследуемых дел), но и к существенному улучшению ее качества, а следовательно, к повышению уровня защиты прав и интересов участников уголовного судопроизводства. Однако это - сопутствующий результат, возможный при определенных условиях, но не обязательно наступающий, поскольку достигнутая экономия сил, времени, средств может быть направлена на совершенно иные цели как организаторами следственной деятельности, так и ее непосредственными исполнителями.

В приказе МВД Украины № 745 от 25 ноября 1992г. говорится: «Ввести в состав следственных подразделений численностью 5 человек штаты диктофономашинисток, в более крупных подразделениях их количество определять из расчета - одна машинистка на 8 следователей» и далее применительно к нормативам нагрузки на следователя - 35 дел в производстве за год, указано «исходя из научно-обоснованных норм нагрузки». А кто и как определил эту «научную обоснованность», если реальная нагрузка следователей составляет около 100 дел в год? Подобные вопросы, если бы у руководителей было действительное желание обеспечить научную обоснованность принимаемых решений, могли бы быть изучены на базе проведения специальных экспериментов.

С учетом отмеченного для экспериментов второй группы необходимо решение ведомств (прокуратуры, Министерства юстиции, МВД, СБУ) или их структурных подразделений в пределах своей компетенции. В свое время в МВД принималась специальная инструкция об организации и проведении экспериментов в органах внутренних дел, но широкого распространения в области следственной деятельности не получила. Более того, имели место слу-

чаи приказного прекращения незавершенных экспериментов (104,140-142).

Эксперимент как метод и средство проверки каких-либо положений в целях решения вопроса о целесообразности их внедрения в практику, необходимо четко отграничивать от осуществляемых преобразований, т.е. целенаправленных изменений социальных условий, которые «имеют сходство с экспериментом по своим результатам, но отличаются по целям и задачам» (195,84).

Преобразование - это свершившийся факт и оно не может рассматриваться в качестве эксперимента. В противном случае все виды и формы законодательной и исполнительной деятельности превратились бы из средства решения практических задач и нужд общества в способ поиска путей для этого. Другое дело, что наблюдение и анализ хода и результатов подобных преобразований дают возможность выявить их достоинства и недостатки, установить степень обоснованности тех положений, которые послужили основанием для принятия решений и их внедрения в практику. Но это не придает им статус эксперимента, суть которого - проверить для внедрения, а не внедрить для проверки.

Анализ литературных источников, в которых отражены результаты проводившихся в научных целях экспериментов, показывает, что они затрагивают в основном вопросы организации расследования и разработку средств и методик обнаружения, фиксации и исследования доказательств. Различие возможностей эксперимента по отношению к различным разделам криминалистики отмечает Р.С.Белкин: «В таком разделе криминалистики, как криминалистическая техника, эксперимент играет особенно заметную роль для установления общих закономерностей тех или иных процессов, совершенствования методов обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств. В значительной части криминалистическая техника в этом смысле носит экспериментальный, опытный характер» (196,117). Обусловливается это тем, что, во-первых, как уже отмечалось, эксперименты такого плана не ущемляют прав и не увеличивают обязанностей вовлекаемых в уголовное судопроиз-

водство граждан, а, во-вторых, могут осуществляться вне рамок реального процесса расследования. Так, при разработке средств и приемов выявления следов, методик их исследования, определении возможностей применения средств и методов других областей знания в криминалистических целях проводимые экспериментальные исследования направлены на выявление общих закономерностей изучаемых явлений, реальных возможностей обнаружения и исследования объектов в целях получения с их помощью определенных данных о фактах (наличия, состояния, контакта и т.п.). Если техническая сторона - выявление следов на новых материалах или новыми средствами, установление отсутствия монтажа в фонозаписи, определение условий исполнения документа и т.д. - принципиально решена в процессе научных исследований (в том числе на базе эксперимента), то вопрос о внедрении новшества в процесс расследования решается на основе положений уголовно-процессуального закона, а правомерность и допустимость использования полученных с помощью этих средств и методов данных в качестве доказательств определяется судом. Здесь имеется прямая взаимосвязь с положениями, на основе которых научно-технические средства, используемые в уголовном судопроизводстве, подразделяют на нуждающиеся в правовой регламентации и не требующие таковой (197,119; 198,16-21). Таким образом, правовые аспекты реализации результатов и данных экспериментов в области криминалистической техники, как правило, находятся за его пределами.

В области тактики следствия экспериментирование специфично как в силу того, что положения, реализуемые через тактику, чаще всего затрагивают права и обязанности тех лиц, в отношении которых осуществляется эксперимент, так и по той причине, что возможности их проверки вне непосредственного процесса расследования весьма ограничены. Тактика следствия связана прежде всего с поведенческими мотивами и действиями участников расследования. В их основе лежат общие закономерности человеческого общения, восприятия, переработки, сохранения и воспроизведения информации. Поэтому общие закономерности, лежащие в основе поступков, на познание и разрешение которых направлены тактичес-

кие приемы, могут изучаться вне рамок уголовного судопроизводства (например, исследование характера и причин различий в восприятии многочисленной аудиторией разыгранной перед ней какой-либо сцены (эпизода), определение динамики процесса «затухания памяти» и т.п.). Но при этом должна обязательно учитываться специфика проявления этих качеств и свойств личности в условиях реальной обстановки преступления и его расследования. Поэтому коррекция полученных при проведении эксперимента данных должна осуществляться (дополняться) на основе изучения конкретных эпизодов расследования, в которых нашли отражение соответствующие закономерности.

Все отмеченное свидетельствует о возможности и необходимости более широкого использования экспериментального метода в изучении и совершенствовании следственной деятельности. В соответствии с этим ученые должны готовить и проводить эксперименты, которые не затрагивают процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, а также разрабатывать программы и предлагать законодателю проведение тех экспериментов, которые без его решения невозможны. Л.М.Карнеева совершенно правильно отмечает, что лучшим способом совершенствования деятельности является указание «как нужно делать», довести эти рекомендации до такого уровня, когда их может и должен принять законодатель» (180,13).

Необходимость в подготовке и проведении конкретного эксперимента возникает не по усмотрению ученых или законодателя, а в связи с тем, что объективно созревают условия для нового порядка деятельности, новых отношений, т.е. она обусловлена потребностями практики. Разрешение этих потребностей возможно посредством законодательной инициативы (в том числе с привлечением научных сил) и путем «местного правотворчества», т.е. рождением нового самой практикой. Однако «стихийно пробивающая себе дорогу практика, - отмечает В.И.Каминская, - далеко не всегда окажется объективно полезной. Искать спасения в случаях отставания закона от жизни во всеобщем правотворчестве - это путь не только опасный, но и губительный для правопорядка... Поэтому

решение о необходимости изменить действующий порядок или ввести какую-либо новую, ранее не применявшуюся форму или институт, а также выбор наиболее соответствующего поставленным задачам «оптимального» варианта решения, не могут быть произвольными, должны опираться на исследование практики» (194,39). Добавим от себя: с широким использованием экспериментального метода.

В период существования СССР своеобразной базой правового эксперимента являлось наличие различий (хотя и немногочисленных) в уголовно-процессуальной регламентации расследования в союзных республиках (199,34-35). Например, разрешение производства следственных действий по приостановленным уголовным делам в одних и запрет в других республиках. Анализ фактического влияния таких различий на практику позволял выявить достоинства и недостатки каждого из установленных порядков для учета при совершенствовании законодательства. И в настоящее время следует широко использовать опыт других стран, но не путем комментирования имеющихся различий в положениях законов, а за счет изучения того, как это проявляется на практике, какие дает преимущества, как обеспечивает защиту прав и интересов личности, какие имеет негативные моменты и т.д. При решении использовать что-либо из зарубежного опыта, необходимо учитывать не только отмеченные аспекты планируемого новшества, но и социально-экономические и исторические особенности развития страны (200,454).

Таким образом, изменившиеся условия борьбы с преступностью требуют дальнейшего совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, которая, во-первых, должна соответствовать конституционным положениям и идеям о защите прав и интересов личности, во-вторых, осуществляться в соответствии с теми возможностями, которые государство в состоянии предоставить для решения задач уголовного судопроизводства.

Раздел II. Криминалистическая тактика

*Посредством логики доказывают,
посредством интуиции изобретают*

А.Пуанкаре

1. Понятие, сущность и содержание криминалистической тактики

1. Понятие криминалистической тактики. Расследование преступлений представляет собой специфический вид познания минувших событий, особенности которого определяются целями, регламентацией процедуры, средствами и методами сбора информации для решения задач уголовного судопроизводства. Важное место в арсенале этих средств и приемов познания принадлежит криминалистической тактике.

Криминалистическая тактика, как раздел науки криминалистики, представляет собой систему научных положений и основанных на них наиболее рациональных приемов организации и тактики производства следственных действий в целях собирания, исследования и использования доказательств в процессе расследования преступлений.

Эффективность любой сферы человеческой деятельности достигается прежде всего за счет использования наиболее рациональных приемов и соответствующих умений и навыков исполнителей. В ряде профессий этого недостаточно и дополнительно требуется наличие у исполнителей определенных свойств и качеств личности (например, летчику, оператору энергетических систем). В принципе должность следователя должна быть отнесена к подобным, поскольку его работа требует особых способностей к анализу, логическому мышлению, наблюдению, выделению и т.д. К сожалению, в наше время считается, что следователем может быть каждый юрист (и даже не юрист).

Имеются отдельные сферы деятельности, в которых для достижения конкретных целей, помимо отмеченного, требуется такти-

ческое умение. Термин «тактика» встречается довольно часто: тактика боя, тактика игры, тактика разговора с больным и т.п. В самом общем плане этот термин означает умение определить направление и характер действий в определенной ситуации и рационально осуществить их с учетом ее особенностей и поставленных задач (155,16). Тактика необходима там, где встречается противодействие целям деятельности или достижению конкретного результата, и направлена на его преодоление либо нейтрализацию. «В самом широком смысле слова, - отмечают О.Я.Баев и М.О.Баев, - тактика, как способ действия, существует там и только там, где есть необходимость преодолевать реальное... или предупредить потенциальное противодействие» (227,4).

Тактика в наиболее общем виде заключается в умении переиграть противодействующую сторону за счет маскировки своих намерений, путем введения в заблуждение, на основе побуждения к определенным действиям и т.п. Тактика, отмечает Л.Д.Самыгин, характерна для тех видов деятельности, где «имеют место борьба, соперничество, соревнование, конкуренция двух или нескольких сторон, где возникает необходимость оценивать ситуацию, прогнозировать возможное поведение другой стороны и выбирать наилучший вариант своего поведения из нескольких возможных вариантов» (183,71). Все это имеет прямое отношение к следственной деятельности: «Несовпадение, противоречие и столкновение человеческих интересов в процессе расследования обуславливают необходимость следственной тактики, которая с психологической стороны в значительной части представляет собой борьбу интеллекта, воли, характера, нравственных принципов следователя и участвующих в деле лиц» (201,232).

В следственной деятельности тактике действий следователя при сборе и использовании доказательственной информации принадлежит особая роль, поскольку не только подозреваемые и обвиняемые (в силу стремления уйти от ответственности или смягчить свою вину), но и свидетели (и даже потерпевшие) весьма часто пытаются уклониться от свидетельствования либо дают ложные показания. Нередко подозреваемыми, обвиняемыми и их сообщниками принимаются меры по сокрытию и уничтожению следов преступ-

ной деятельности, запугиванию и подкупу потерпевших и свидетелей. В таких условиях реализация задач уголовного судопроизводства должна обеспечиваться прежде всего за счет мастерства и умения следователя преодолеть всевозможные преграды на пути сбора объективной информации для установления истины по делу. И основным средством достижения этого выступают тактические приемы деятельности, поскольку иные средства воздействия при расследовании недопустимы.

В военной сфере тактику определяют как составную часть военного искусства, включающую теорию и практику подготовки и ведения боя. Ее главные характеризующие - решительность и внезапность действий, сосредоточение сил для главного удара по наиболее слабому месту (202,,221-222). В этом определении суть тактики выражена умением найти или создать ситуацию, при которой решающий удар будет нанесен сопернику в наиболее уязвимом для него месте, т.е. в умении перехитрить противника.

Впервые термин «тактика» в криминалистику ввел А.Вайнгарт. В работе «Уголовная тактика», изданной в 1910г., он написал: «Цель этой книги - дать криминалисту то, что дает военному стратегия и тактика. Поэтому я и назвал ее «Уголовная тактика» (203,111).

Из этого вытекает принципиальное положение о том, что тактика в деятельности следователя присутствует прежде всего там, где имеется общение следователя с иными участниками уголовного судопроизводства, причем в ситуациях, когда ими оказывается противодействие или оно возможно и требуется его не допустить (предупредить) или нейтрализовать. Однако противоборство следователя и его оппонентов происходит не только в «очных боях», но и тогда, когда они ставят друг перед другом задачи, которые необходимо разрешить для успешного проведения последующих мероприятий (110,102). Эту сторону противоборство без непосредственного общения можно проиллюстрировать следующим примером. Преступники проникли в складское помещение путем распила дужки навесного замка. При осмотре места происшествия следователь не обнаружил следов распила (металлических опилок) и выдвинул предположение, что имеет место инсценировка кражи с распи-

лом дужки в ином месте. Однако воры были установлены и выяснилось, что они производили распил дужки над газетой и затем унесли опилки с собой, чтобы направить следствие по ложному пути. В этом же плане происходит противоборство при обыске, проводимом в отсутствие подозреваемого, когда следователь должен разгадать и преодолеть ходы и приемы прячущего, осуществленные им при оборудовании тайников. Таким образом, тактика проявляется как при непосредственном, так и опосредственном противодействии (212,25-27, 38-39).

Уточнение содержания и понятия криминалистической тактики имеет не только теоретическое значение для развития соответствующего раздела криминалистики, но и важное практическое значение, заключающееся в конкретизации и обеспечении разработки рекомендаций, отвечающих насущным потребностям практики в сфере собственно тактических аспектов следственной деятельности. Сейчас к криминалистической тактике (как разделу науки) и к тактике следственной деятельности относят, помимо собственно тактики (приемов и способов получения информации от обладающих ею лиц, стремящихся воспрепятствовать этому), организационные мероприятия, анализ и оценку информации и пр. Р.С.Белкин пишет: «Тактические приемы подготовки, осуществления, фиксации и оценки результатов процессуально-следственного и судебного действия в своей системе составляют его тактику» (209,135).

Несомненно организационные и аналитико-мыслительные аспекты следственной деятельности играют важную роль в обеспечении ее рациональности и результативности, в создании необходимых условий для применения тактических средств, но сами по себе они тактическим характером не обладают.

А.Н.Васильев в системе тактических приемов производства следственных действий выделяет:

- а) основанные на применении положений логики,
- б) по планомерной организации расследования,
- в) по установлению психологических отношений следователя с участвующими в расследовании (204,10-19).

Основным тактическим приемом первой группы он считает версию. Однако обнаружить что-либо тактическое в самой версии (как обоснованном предположении) сложно, поскольку она лишь инструмент следственного познания, способствующий организации и планомерности процесса расследования. Вряд ли правомерно говорить о тактическом характере следственной версии на том основании, что хитрости скрывающегося преступника будет противопоставлена хитрость шагов по его установлению и изобличению. Логические законы и правила могут служить основой тактических приемов следственной деятельности (например, разоблачение ложности показаний путем демонстрации логических противоречий в сообщенных данных), но сами тактическими не являются.

К тактическим приемам второй группы А.Н.Васильев относит планирование, мобилизацию и расстановку сил, взаимосвязь следственных и оперативно-розыскных действий, организацию исследования материальной обстановки. И опять-таки указанные составляющие не несут никакой тактической нагрузки, а обеспечивают лишь организацию расследования.

Совсем другое дело с третьей группой - приемами, предназначенными для «формирования правильных психологических отношений следователя с участниками следственных действий», которые и являются собственно тактическими.

Во многих учебниках и пособиях по криминалистике главы и разделы, посвященные порядку проведения отдельных следственных действий, содержат в названии термин «тактика», например, «Тактика производства экспертизы» (213,435), «Тактика назначения и производства судебной экспертизы» (214,326). Анализ содержания этих глав показывает, что в них представлена процедура подготовки и назначения экспертиз, но тактики как таковой нет. В связи с этим возникает вопрос: кем осуществляется «производство экспертиз» и в чем при этом заключается тактика? Так, указывается, что тактическим условием назначения экспертизы является вопрос о времени ее назначения, однако раскрыто это не в подлинно тактическом плане (как на это прореагирует подозреваемый и какие шаги в связи с этим следует предпринять), а с позиции выбора времени в зависимости от состояния объектов исследования и их

сохранности (215,322). Даже в учебном пособии «Следственные действия», в котором в главах о каждом следственном действии выделен параграф о его тактических особенностях, не только в главе об экспертизах, но и в других (кроме допроса и обыска) практически нет либо весьма слабо отражены тактические аспекты их проведения (216).

Мероприятие, действие не может быть тактическим само по себе. Оно становится таковым лишь в зависимости от целей и способов его осуществления, мер противодействия его целям. Причем тактические подходы и приемы нужны не только тогда, когда у следователя и других участников расследования противоположные интересы, но и при необходимости «разбудить» и побудить к конкретным действиям в интересах расследования. Например, для получения помощи граждан в расследовании также нужны тактические подходы, выбор средств и способов, которые окажут воздействие на соответствующие «струны души» и обусловят необходимый отклик, реакцию. Так, публикация в газете сообщения с просьбой «Помогите!» - это ловля мелкой рыбы сетью с крупными ячейками. А требуется найти тех адресатов, которые должны в форме и манере обращения почувствовать заинтересованность именно в их помощи. Такое умение найти подход к конкретному человеку для решения задач расследования и есть тактика следственной деятельности.

В связи с этим представляется актуальным определить, что в «криминалистической тактике» является тактическим. Р.С.Белкин выделяет в содержании криминалистической тактики:

- учение о криминалистической версии и планировании расследования,
- учение о розыске,
- концепции новых категорий (тактическое решение, тактический риск, тактическая операция и т.д.),
- системы организационного характера, обеспечивающие реализацию тактических рекомендаций,
- систему тактических приемов, образующих тактику следственных и судебных действий (209,13-14). С этим перечнем, как со-

держанием раздела криминалистической тактики, согласиться можно, но применительно к следственной деятельности в тактике надлежит разграничивать:

организационные аспекты расследования, правила производства следственных действий, тактические приемы выполнения следственных действий.

2. Тактика и правила следственной деятельности. К организационным аспектам расследования относится то, что способствует его рациональному проведению: планирование, подготовка к проведению следственных действий в целях обеспечения их результативности и качества, обеспечение применения научно-технических средств, организация взаимодействия с оперативно-розыскными подразделениями и т.п.

Правила в следственной деятельности - это способы осуществления трудовых операций, представляющие собой научно обоснованные и апробированные практикой наиболее целесообразные процедурные и технологические приемы обнаружения, сбора, исследования и использования доказательственной информации. К ним относятся правила работы с различными видами следов, последовательности и методичности осмотра, выдвижения и проверки версий, описания по признакам внешности, подбора образцов для сравнительного исследования и т.д. Они отражают, что и как должно выполняться при следственном познании для обеспечения оптимальности деятельности следователя в целях достижения объективной истины по делу.

А.А.Закатов относит к тактическим приемам (правда, называя их «тактическими требованиями») - краткость (непродолжительность) допроса, использование научно-технических средств и т.п. (217,23). Применительно к следственному эксперименту обычно говорят о «тактических правилах» либо «тактических условиях» его проведения, к которым относят производство опытов в максимально приближенных к реальному событию условиях, многократность опытов, этапность и т.д. (218,347). Это действительно «правила» и «условия», которые обязательны для обеспечения досто-

верности результатов проводимого эксперимента, но тактическими они не являются. Тактическими могут быть элементы поведения участников следственного действия, исходящих из своих интересов и целей, (делает не так, как требуется, сообщает не о том, что в действительности видит) либо направленность использования результатов эксперимента (продемонстрировать, убедить и т.д.).

В.Ю.Шепитько, анализируя указанные рядом авторов приемы обследования-передвижения при обыске (последовательное, параллельное, встречное и пр., 216,75; 217,74; 219,252), подчеркивает, что они не могут быть отнесены к тактическим, поскольку отражают лишь порядок организации работы (220,10). В таких приемах самих по себе нет ничего тактического, в них отражены способы деятельности (поиска, обследования и т.п.), базирующееся на познании и учете объективных закономерностей слеодообразования и получения доказательственной информации. В.А.Образцов в связи с этим замечает: «Наряду с приемами при подготовке и проведении какого-либо практического действия реализуются типовые, так или иначе формализованные, безальтернативные шаги, акты процедурного, методического характера. Такого рода средства решения возникающих задач называют правилами» (221,222; 212,44-45).

Тактические аспекты деятельности следователя характеризуют общие подходы к решению задач расследования, принятию тактических решений: определение своевременности проведения следственных действий с позиции обеспечения наибольшей результативности; оценка необходимости осуществления определенных мероприятий с учетом связанного с этим тактического риска; решение о предъявлении доказательств (с последующей детализацией приемов непосредственного предъявления); определение объема и характера информации при обращении за помощью к гражданам; установление целей и набора действий при планировании и осуществлении тактических операций. Это - то, что называют «тактическим уровнем организации расследования», что в процессе практической реализации конкретизируется в рамках сложившейся следственной ситуации посредством соответствующих тактических приемов. Последние и являются основным выражением и содержанием тактики следственной деятельности.

Таким образом, в практической следственной деятельности необходимо четко разграничивать организацию и тактику деятельности. Это позволит и обяжет ученых, занимающихся исследованием проблем криминалистической тактики, вести конкретную разработку собственно тактических рекомендаций без подмены их общими вопросами подготовки и проведения следственных действий, что, как уже отмечалось, характерно для современного этапа развития криминалистики. Так, например, в работе О.Я.Баева в параграфе «Общие положения тактики следственного осмотра» изложены положения об участии понятых и специалистов, измерении, фото-графировании, упаковке и опечатывании доказательств и т.п., и только применительно к участию в осмотре подозреваемого (что на практике бывает редко) отмечены собственно тактические аспекты. Причем же тогда в названии термин «тактика»? (207,27-43).

Н.Ш.Сафин к тактическим приемам относит протоколирование, применение звуко и видеозаписи, составление схем, чертежей и т.д. (222,108). А.А.Леви, Г.И.Пичкалева и Н.А.Селиванов к числу тактических приемов очной ставки причисляют «тщательную подготовку к ее производству» (223,32). Л.М.Карнеева свою работу по допросу озаглавила «Тактические основы организации...допроса» (224). Во всех этих примерах просматривается смешение организационных и тактических сторон деятельности следователя. Их четкое разграничение проводит Р.С.Белкин. Применительно к тактике розыска он отмечает: «Можно говорить о тактике только тех розыскных мероприятий, в ходе которых преодолевается стремление противостоящей следователю стороны затруднить или сделать невозможным обнаружение объектов розыска. С такой точки зрения правомерно считать, например, что существует тактика преследования скрывающегося преступника, но нет тактики направления розыскных требований или запросов» (209,59).

Своеобразным подходом к разграничению тактики и организации следственной деятельности является разделение следственных действий на вербальные, невербальные и смешанные, при которых учитываются особенности получения информации из материальных и идеальных источников, т.е. в зависимости от наличия или

отсутствия общения следователя с участниками уголовного судопроизводства (219,228-234; 225,48-49).

В.Ю.Шепитько отмечает: «Рациональность и эффективность способа действия (тактического приема) является одним из его существенных признаков. Вместе с тем, указанный признак еще не позволяет отграничить тактический прием от иных способов действий (организационных, подготовительных, технических и пр.). Разграничение тактического приема от иных способов действий... кроется в его психологической сущности, в особенностях психологического механизма его реализации». Однако в то же время он говорит о «системах тактических приемов, связанных с взаимодействием с материальными объектами» (220,10,176). Из этого, очевидно, следует, что «психологический механизм» реализации тактических приемов рассматривается им и при отсутствии общения следователя с другими лицами.

Из всего изложенного вытекает вывод, что обеспечение четкого разграничения организационной и тактических сторон следственной деятельности - не чисто теоретический изыск, а гарантия и условие предметной и полной разработки проблем криминалистической тактики.

Тактика в следственной деятельности - это выбор и использование разнообразных способов (средств и приемов) достижения требуемого результата при решении конкретных задач расследования. Это - соответствующий специфике складывающейся по делу ситуации и целям действий для ее разрешения наиболее рациональный путь получения доказательственной информации.

Таким образом, **тактика следственной деятельности заключается в использовании специфических способов действия для получения доказательственной информации, состоящих в выборе и применении тактических приемов, соответствующих характеру сложившейся ситуации расследования и направленных на преодоление и нейтрализацию противодействия установлению объективной истины.**

3. *Тактика преступной деятельности.* «Поскольку практически каждому расследованию противопоставляется противодействие,

борьба с ним, то само расследование с этих позиций есть ни что иное как борьба против борьбы» (226,345). И в этой борьбе каждая сторона использует свои тактические приемы достижения целей. «Стремление преступников и их пособников, - пишет Л.Д.Самыгин, - уклониться от уголовной ответственности, помешать установлению истины породило своеобразную «тактику» отдельных категорий преступников, которая, с одной стороны состоит из богатого опыта совершения преступлений, а, с другой стороны, включает в себя большой набор пассивных и активных методов, приемов, способов и средств противодействия следователю в установлении истины... В значительной мере в ответ на эту «тактику»... возникла и стала развиваться тактика следователей» (183,71-72).

Тактика преступников проявляется при подготовке и совершении преступлений, а также в процессе расследования. Первое характерно, прежде всего, для способа совершения и сокрытия преступлений, например, когда необходимо войти в доверие к потенциальной жертве (226,281-282).

При проведении расследования тактические уловки преступников направлены на установление уровня осведомленности следователя; получение информации от следователя об интересующих их обстоятельствах; отвлечение следователя от решения намеченных им задач; провоцирование следователя с целью вывести его из равновесия, чтобы уклониться от его «настойчивых атак»; дискредитацию собранных доказательств и т.п. Поэтому для того, чтобы тактически грамотно вести расследование, необходимо знать тактику действий преступников и владеть арсеналом достаточных средств выявления и нейтрализации их тактических уловок. Отсюда вытекает необходимость криминалистического изучения преступной деятельности как вида социальной деятельности с учетом всех элементов и признаков, присущих этому явлению (а не только способов совершения преступлений), и, прежде всего, такой составляющей как тактика (37,8). С учетом этого криминалистическая тактика, как раздел науки, должна включать в качестве составной части «Тактику деятельности преступников» (228,362).

Р.Г.Домбровский указывает, что «криминалистическая тактика -

это не только совокупность осуществляемых следователем приемов и методов (линия поведения). Это также линия поведения и других лиц, взаимодействующих со следователем. В частности, определенной линии поведения на допросе придерживается не только следователь, но и допрашиваемое лицо. Более того, в зависимости от линии поведения допрашиваемого складывается и линия поведения следователя» (229,109). В.Е.Богинский также отмечает, что «подозреваемый, будучи одной из сторон стремится строить свою тактику» (230,13). Однако в литературе высказываются и другие точки зрения. Так, В.С.Комарков считает, что «замыслы следователя принимают четкую форму тактики поведения, чего нельзя сказать в отношении допрашиваемого. Даже когда допрашиваемый детально планирует свое поведение на предстоящем допросе, его замыслы нельзя отождествлять с тактическими замыслами следователя ни по характеру, ни по содержанию» (231,7). Это зависит от того, что понимать под тактикой. Если просто линию поведения, то конечно нет. Если же тактика - способ действий, направленный на преодоление противодействия, а в более конкретном значении - умение переиграть соперника, то независимо от того, кто использует эти приемы, тактическим может и должно рассматриваться поведение любого лица: полководца, спортсмена, воспитателя, следователя, оперативного работника и преступника в том числе.

Разумеется, «разработка линии поведения допрашиваемого и других лиц» (232,46-47) не является задачей криминалистической тактики, но ее изучение и ознакомление с нею практических работников для того, чтобы они строили свою тактику осознано, с учетом конкретного представления о возможных формах и приемах противодействия, абсолютно необходимо. По данным опроса 98% следователей отметили необходимость изучения тактики преступников.

Важность изучения тактики действий преступников определяется и тем, что в настоящее время она «творится» не только опытным путем, но и за счет создания ее теории. В последнее время стали появляться работы, содержащие рекомендации о том, как вести себя на следствии, чтобы следователь не смог добиться планируемого результата (155,12-13).

4. *Средства криминалистической тактики.* Основными средствами криминалистической тактики являются тактические приемы и рекомендации, а также следственные действия, в рамках которых они реализуются.

Тактический прием - это наиболее рациональный способ действий либо наиболее целесообразная линия поведения следователя в процессе собирания, исследования и использования доказательственной информации.

Правильный выбор соответствующих условиям конкретной ситуации тактических приемов обеспечивает быстроту и результативность решения задач расследования. Этот выбор предполагает «извлечение» из множества возможных того приема, который окажется наиболее эффективным. Для этого требуется систематизация тактических приемов, позволяющая осуществлять требуемый выбор из «блоков» аналогичных по своей направленности приемов. А.Н.Колесниченко и В.Е.Коновалова отмечают: «В настоящее время претерпевает закономерный пересмотр ставшее традиционным понимание тактических приемов как произвольно избираемой программы производства того или иного следственного действия... Между тем, современное состояние криминалистической тактики... позволяет ставить вопрос о разработке типичных систем тактических приемов при организации следственных действий. Создание таких систем вовсе не противоречит творческому характеру и свободному выбору тактических приемов, а облегчает избрание такой последовательности и комплексности последних, которая обеспечивает быстрое решение поставленной задачи в конкретной обстановке» (233,99).

«Система тактических приемов следственного действия, - подчеркивают В.Е.Коновалова и В.Ю.Шепитько, - должна представлять собой не простую их совокупность, не любой их перечень, а лишь такое построение, которое предполагает организацию их в виде целостного образования, в котором составляющие его компоненты взаимосвязаны между собой, занимают соответствующее место в определенной последовательности и выполняют необходимые функции» (212,4).

В криминалистической литературе давно предпринимались по-

пытки классификации тактических приемов. Для этого авторами использовались самые различные основания. По этому поводу представляется правильным замечание Р.С.Белкина о том, что попытки найти универсальное «жесткое» основание для классификации тактических приемов обречены на провал, как и стремление «намертво» привязать тот или иной прием к одному определенному звену классификации (209,165). Тактические приемы также многообразны и многосторонни, как и закономерности вариантов проявлений человеческих реакций и поступков, которые должны быть охвачены системой приемов с учетом особенностей ситуации и целей их применения.

В.Ю.Шепитько отмечает, что классификация тактических приемов должна осуществляться в соответствии с объективно существующими между ними закономерными связями, а в качестве основания классификации указывает конкретные цели их использования (220,88-89). С этим, на наш взгляд, следует согласиться, поскольку конкретная цель позволяет выделить (сгруппировать) из всего разнообразия тактических приемов те, которые призваны обеспечить определенный результат (установить психологический контакт, помочь вспомнить и т.п.), а уж из них выбрать тот конкретный, который должен обеспечить требуемый результат в данном случае использования приемов.

Классификация тактических приемов имеет два назначения - теоретическое и практическое. Теоретическое служит основой для познания природы и сущности тактических приемов, их оценки и определения направлений дальнейшего развития. Практическое заключается в обеспечении наиболее рациональных путей поиска и использования тактических приемов в соответствующей сфере деятельности. Классификация тактических приемов позволяет осуществить их практически значимую систематизацию.

«Каждое тактическое действие следователя может встретить свое противодействие... На противодействие последует очередное действие следователя и т.д. В результате возникает ряд многочисленных действий и противодействий» (231,7). Отсюда вытекает необходимость систематизации тактических приемов по средствам и характеру их направленности и действия, чтобы имелась возмож-

ность не простого (случайного) перебора приемов до выявления действенного, а выбор из числа направленных на достижение соответствующей цели с учетом особенностей ситуации и специфики противостоящей личности.

Систематизация тактических приемов по признаку того, что они позволяют решить при проведении следственных действий, обеспечивает не только эффективность и рациональность конкретных действий следователя, но и способствует установлению уровня (степени) соответствия имеющихся приемов потребностям следственной практики, т.е. дает ответ на вопрос, все ли решаемые следователем при производстве следственных действий задачи обеспечены необходимыми для этого тактическими средствами и в какой мере (234,71).

Специфическим средством внедрения в следственную практику достижений науки являются криминалистические рекомендации. Рекомендации не следует смешивать с тактическими приемами. Их можно рассматривать как форму и содержание: тактический прием - это образ действий по достижению цели, т.е. содержание, а рекомендация - это способ оформления предлагаемого средства, т.е. форма.

В.П.Колмаков отмечал: «Когда в учебниках и других работах по криминалистике упоминаются «приемы», «методы», «средства», «способы», «правила», «элементы» и даже «моменты», то у читателя возникают вопросы: что означают эти понятия, почему одни авторы считают, что к технике следствия относятся только технические средства, другие - также приемы и методы их применения, третьи же полагают, что понятия «приемы» и «методы» допустимы только в тактике следствия либо частной методике? (235,116). Интенсивное развитие криминалистики как науки, переосмысление широкого круга теоретических и практических проблем в известной мере конкретизировали отдельные понятия, входящие в категориальный аппарат науки. Вместе с тем, как замечает Р.С.Белкин, «ряду криминалистических терминов еще свойственна многозначность общеязыковых понятий, что порождает их недостаточную четкость и расплывчатость» (236,101). Такое положение не может удовлетворить ни ученых, ни практиков, поскольку сформирован-

ность понятийного аппарата науки является отражением и показателем ее зрелости, готовности к разрешению конкретных потребностей (237,132).

К числу наиболее значимых понятий, уточнение которых необходимо, относится понятие криминалистической рекомендации. Термин «криминалистическая рекомендация» используется на всем протяжении развития криминалистики, однако до настоящего времени однозначного его понимания не выработано, что затрудняет полноценное использование достижений науки в следственной практике. Разная трактовка рекомендации как носителя нового и передового приводит к тому, что зачастую не понятно, когда же разработка может быть признана завершённой, т.е. обретает значение рекомендации, пригодной для практического использования.

Многие ученые, обращаясь к терминам «рекомендация» и «криминалистическая рекомендация», упоминают их в связи с рассмотрением вопросов, не связанных с определением этого понятия. Иногда оно отождествляется с тактическими приемами (238,66; 235,58-59), правилами (240,436). При сравнении слов «правило» и «рекомендация» обнаруживается существенная разница в их смысловой нагрузке. «Правило» понимается как закон, предписание (241,378), а рекомендация - как совет (242,537). Раскрывая содержание приема, И.М.Лузгин пишет: «Правила представляют собой систему указаний, описывающих и закрепляющих наиболее целесообразный устойчивый порядок действий (поведения)» (243,109). Определение какого-либо порядка деятельности - это установление, при каких условиях деятельность будет наиболее эффективной. В практике борьбы с преступностью используются различные правила осуществления деятельности, но вряд ли отдельные из них или даже группы таких правил можно считать криминалистическими рекомендациями (244,235,243). Правила призваны упорядочить выполнение определенной деятельности - применения отдельного приема или технического средства, использования конкретной методики и т.д. Содержанием правил являются четко сформулированные условия применения и использования средств, приемов и методов, нарушение которых либо отклонение от их требований препятствует достижению цели. Правило можно охарактеризовать

как строго оговоренное условие реализации конкретного решения в определенной ситуации. Выступая необходимым элементом упорядоченной деятельности, правило не может носить рекомендательный характер. Его исполнение обязательно, поскольку иное препятствует либо вообще исключает достижение цели.

Криминалистическая рекомендация также несет в себе элементы обязательности, так как предлагает наиболее целесообразный порядок деятельности, отступление от которого усложняет или исключает достижение цели. Однако обязательность исполнения как характерный признак может быть распространена не на все криминалистические рекомендации, а лишь на отдельные из них. Рекомендация представляет собой сложное образование, включающее и определенные правила, отражающие реализацию элементов ее содержания, например правила применения используемых технических средств.

Недопустимо отождествлять приемы и криминалистические рекомендации. Большинство криминалистов рассматривают прием как наиболее рациональный и эффективный способ действий или линию поведения при собирании, исследовании и использовании доказательств (206,74). Криминалистическая рекомендация по своему содержанию шире и многогранней и включает в себя приемы как один из составляющих ее компонентов. Криминалистическая рекомендация это - «теоретические положения, идеи, суждения, особого рода предписания... идеальные образцы, определенные стандарты, модели, типы поведения следователя в характерных следственных ситуациях (245,109).

Р.С.Белкин определяет криминалистическую рекомендацию как «научно обоснованный и апробированный практикой **совет, касающийся выбора и применения** (подчеркнуто нами) технико-криминалистических средств, криминалистических приемов и методик собирания, исследования и использования доказательств» (206,63). Аналогичного взгляда придерживаются и другие авторы (210,23; 246,50-52). Из приведенного определения вытекает, что криминалистическая рекомендация есть идеальное образование, воз-

никающее ^{как} надстройка над определенным базисом, в частности научно-техническим достижением.

Современные задачи совершенствования следственной деятельности ставят перед криминалистикой проблемы: а) интенсификации использования имеющихся средств, приемов и методов и б) активизации привлечения новейших достижений науки и техники в раскрытие, расследование и предупреждение преступлений. Это требует отнесения к массиву рекомендаций науки не только сформировавшихся советов и пожеланий по рациональному осуществлению следственной деятельности, но и предложений, идей по использованию различных научно-технических достижений в целях ее совершенствования. Предложения такого рода не всегда содержат исчерпывающую информацию о порядке и условиях применения предлагаемого новшества. Иногда высказывается лишь идея применения определенного средства. Отнесение их к числу криминалистических рекомендаций обеспечит активизацию их доработки, а, следовательно, ускорит применение в следственной практике. Предлагаемый подход отражает трактовку криминалистической рекомендации как сложного системного образования, включающего: а) само научно-техническое достижение, б) условия и правила его применения, в) порядок использования результатов его применения в уголовно-процессуальной деятельности.

Научно-техническое достижение служит основой научной рекомендации. Им может быть техническое средство, тактический прием или методика работы с доказательственной информацией, т.е. способ решения задачи. Источники возникновения этого достижения бывают разные: данные как криминалистики, так и других областей знаний. При использовании последних криминалистику, естественно, интересует источник рождения конкретного достижения, как правило, уже определенным образом апробированного, зарекомендовавшего себя в «материнской» области применения, и в силу этого являющегося в определенной степени аксиоматичным. Задачи криминалистики в этом направлении имеют скорее всего конкретизирующий характер, сориентированный на определение условий применения и эксплуатации, объема и пределов использования «заимствуемого» средства. Точка зрения, что криминалисти-

ка использует данные других наук лишь после их преобразования, «не отражает настоящего положения вещей в криминалистике» (247,137).

•
Приспособление для криминалистических целей средств, приемов и методов, заимствованных из иных областей знаний и деятельности, не всегда и не обязательно связано с их преобразованием. Указание на источник происхождения достижения подчеркивает его первооснову и тот факт, что его пригодность для использования в сфере борьбы с преступностью и условия для применения, соответствующие процессуальной форме, определены криминалистической наукой. Криминалистическая рекомендация обязательно должна содержать указания об условиях применения предлагаемого средства, поскольку без этого конкретное новшество не может стать достоянием практики. В большинстве случаев криминалистическая рекомендация рассчитана на применение в определенной следственной ситуации, так как не может носить универсального характера. В противном случае речь шла бы об ограниченном наборе вариантов действий следователя. Применение конкретного достижения предполагает выработку определенного порядка, процедуры его использования, формулируемого в виде правил. Суть этих правил заключается в установлении такого режима их использования, который не противоречил бы закону, требованиям норм морали, способствовал бы наиболее эффективному решению определенных задач.

Правила применения научно-технических достижений как элемент криминалистической рекомендации обладают определенной структурой, различны по содержанию и направленности, имеют свою специфику, детерминированную, в частности, степенью апробации. Правила должны не только способствовать максимально эффективному достижению целеполагающего результата, но и служить гарантией недопущения либо нейтрализации возможных негативных последствий применения современных научно-технических достижений (248,15).

Правила как форма упорядоченной деятельности органов расследования и суда имеют в своей основе не только естественно-научные положения. Они также должны соответствовать правовым

предписаниям, важнейшее место среди которых занимают нормы уголовно-процессуального права. Эти нормы регламентируют основные направления и условия применения научно-технических средств и порядок использования полученных результатов. Однако закон не может дать исчерпывающей регламентации всех положений и отношений, складывающихся по поводу применения научно-технических достижений. Наука уголовно-процессуального права определяет общие принципы применения научно-технических достижений в процессуальной деятельности, задача же криминалистики - разработать на уровне рекомендаций конкретный порядок использования научно-технических достижений.

Определение криминалистической рекомендации как совета по выбору средств из имеющегося арсенала не вызывает принципиальных возражений до тех пор, пока речь идет об известных приемах, средствах и методах. Однако совершенствование практики, развитие науки постоянно расширяют круг таких средств. Процесс обогащения практики достижениями научно-технического прогресса - явление сложное, многоплановое. В нем трудно четко разграничить разработку самого научно-технического достижения и определение порядка его использования, реализации результатов его применения, ибо криминалистика в соответствии со своим служебным предназначением не может что-либо создавать (тем более приспособлять) без учета специфики и потребностей следственной практики.

Таким образом, криминалистическая рекомендация как результат развития криминалистической науки представляет собой не просто новое научно-техническое средство, прием или метод, а определенную совокупность знаний, упорядоченную целевой направленностью, с заранее оговоренным порядком использования как самого достижения, так и результатов его применения (249).

Понимание криминалистической рекомендации в широком смысле слова - как определенной системы знаний, включающей различные элементы и характеристики отражаемого явления - способствует:

а) увеличению притока в криминалистику данных других наук, служащих расширению ее исследований и развитию межнаучных связей;

б) привлечению внимания исследователей к незавершенным идеям и предложениям, имеющим перспективу практической реализации;

в) повышению взаимопонимания между разработчиками и потребителями рекомендаций, т.е. устранению одного из барьеров на пути внедрения нового;

г) обоснованию правомерности классификации рекомендаций в соответствии с уровнем их оптимальности и готовности к практическому использованию.

Широкая трактовка понятия криминалистической рекомендации позволяет все научно обоснованные предложения по использованию технических средств, приемов и методик работы с доказательствами рассматривать и оценивать с точки зрения советов (рекомендаций), направленных на совершенствование организации, средств и методов борьбы с преступностью, т.е. всего того, что предлагается наукой и практикой в этих целях. В противном случае за рамками рекомендаций, адресованных практике, останутся результаты научных исследований, отражающие характеристику новых технических средств, содержание новых приемов и методик, но не включающие подробное описание порядка и условий их применения.

В своих последующих работах Р.С.Белкин отметил не только возможность, но и обязательность включения в структуру рекомендаций ряда указанных элементов (250,41), т.е. согласился с тем, что криминалистическая рекомендация - более сложное образование, чем просто «совет по выбору и применению...». Однако изменений в свое определение он не внес (251,230).

Криминалистическая рекомендация - это не любое достижение науки, а такое, которое содержит конкретные «советы, пожелания науки практике по каким-либо вопросам, входящим в предмет данной науки, направленные на совершенствование практической деятельности» (252,41-42).

Данные криминалистической науки, в том числе ее рекомендации, используются не только в следственной практике, но и в других направлениях деятельности по борьбе с преступностью - в ад-

вокатской практике, в административном процессе, в работе нотариата и других областях. Этим подтверждается статус криминалистики - не вспомогательной технической дисциплины, а самостоятельной науки, имеющей достаточно широкую сферу влияния.

Криминалистическая рекомендация - это совет науки практике, но не разовое пожелание, рассчитанное на единовременный акт использования, а определенная сумма знаний, предназначенных для многократного применения в течение относительно длительного периода времени. Рекомендательный характер такого совета заключается не столько в выборе его из определенной совокупности подобных, сколько в возможности варьирования в сходных ситуациях, так как «криминалистические рекомендации обладают более широкой по сравнению с процессуальными правилами доказывания сферой действия»(253,94). О.Я.Баев подчеркивает, что «совет может быть дан лишь при наличии многозначности в возможных и допустимых способах действий. Если такой альтернативы нет, можно говорить о существовании единственного способа действий в определенной ситуации» (211,23).

Идеальной криминалистической рекомендацией можно считать оптимальное предложение по разрешению конкретной ситуации. В этом случае рекомендация перерастает из совета в предписание. Если наука предлагает практике лучший из возможных вариантов действий, то такой совет перестает быть просто предпочтительным, а становится в определенном смысле обязательным для исполнения. Углубление процесса разработки криминалистических рекомендаций, возрастание уровня познания и учета закономерностей и специфики следственной деятельности будет способствовать увеличению количества обязательных, т.е. наиболее действенных и эффективных в конкретных условиях рекомендаций. К их числу относятся прежде всего такие, которые законодатель из ряда советов переводит в четкие предписания (например, право выбора места опознаваемым, запрет постановки наводящих вопросов и т.п.).

Конкретность формы и содержания (составных элементов) криминалистических рекомендаций важна не только для дальнейшего развития науки, но и для удовлетворения потребностей практики.

Чтобы практические работники могли рационально и без излишних затрат времени вести поиск необходимых рекомендаций в огромном их массиве (пусть даже систематизированном), рекомендации науки должны представлять собой развернутое и четкое указание образа действий. Только в этом случае наука войдет в плоть и кровь практики, превратится в составной элемент деятельности по борьбе с преступностью.

Следует отметить, что не всегда и не все элементы криминалистических рекомендаций представлены в требуемом объеме. Иногда это связано с уровнем их разработанности, завершенности, а иногда с тем, что отдельные элементы выражаются в «свернутом», так сказать, подразумеваемом виде»(251,230), что, в частности, имеет место, когда рекомендация, успешно применяемая для решения других вопросов. В таком случае предложение о применении известной рекомендации в новых условиях может не сопровождаться подробной характеристикой ее структурных элементов (они сами собой разумеются), а лишь содержит круг решаемых вопросов и отдельных условий ее использования в новых обстоятельствах.

По степени определенности выражения криминалистические рекомендации можно подразделить на предложения:

- а) об использовании конкретного научно-технического достижения в следственной деятельности;
- б) о порядке и условиях применения конкретного средства, приема или методики для решения определенных задач;
- в) о применении используемого в практике средства для достижения иных целей или в иных условиях.

С учетом сказанного, а также степени готовности к практическому использованию криминалистические рекомендации могут располагаться в определенном порядке от предположения о возможности (или желательности) использования какого-либо научно-технического достижения в уголовно-процессуальной деятельности до уровня всесторонне проработанного варианта единственно правильного решения применительно к конкретной ситуации. Таким образом, **криминалистическая рекомендация представляет собой результат развития науки и передовой практики, сформулиро-**

ванный в виде программы наиболее организованного и тактически целесообразного производства действий следователя по получению, исследованию и использованию доказательственной информации.

5. Критерии допустимости тактических средств. Тактические приемы многообразны, как и следственные ситуации, для разрешения которых они предназначены. Теория и практика следственной деятельности постоянно рожают новые тактические приемы, обусловленные развивающимися потребностями практики и новыми достижениями науки и техники. Однако не все из новых приемов и средств являются бесспорными в плане использования для раскрытия и расследования преступлений. Поэтому постоянно ведутся споры о правомерности и допустимости применения различных средств и приемов в следственной деятельности. Дискутирующих можно условно разделить на две группы: сторонников чистоты процессуальной формы и заботящихся о расширении средств и приемов следственной деятельности.

А.Р.Ратинов характеризует их следующим образом: «Первая - назовем ее мнимо гуманистической - объявляет недопустимыми любые приемы и средства, направленные на преодоление возможного противодействия заинтересованных лиц. При этом следователь низводится на положение пассивного регистратора событий... Вторая - вульгарно-прагматическая - считает приемлимым любой, прямо не запрещенный законом, образ действий, направленный на установление истины. При этом благородной целью, по существу, оправдывается раскрытие преступления и изобличение виновного «любой ценой» (254, 6).

Отмеченные позиции - крайности, а истина, как всегда, находится посередине. Недопустимо «с порога» отвергать любое новшество без его всесторонней проверки и оценки, как и ратовать за получение информации для раскрытия преступлений «любой ценой».

Уголовно-процессуальный закон не может полностью конкретизировать какие средства и при каких условиях недопустимы, так, например, ст.22 УПК Украины гласит: «Запрещается домогаться

показаний... путем насилия, угроз и иных незаконных средств». В подобных случаях при определении того, какие средства допустимы, а какие незаконны, возникают разногласия.

Поскольку одной из основных задач криминалистики является разработка организационной и тактической процедуры следственных действий, прежде всего применительно к тем ситуациям, где закон не предусмотрел или недостаточно конкретизировал порядок их производства, особое значение приобретают критерии правомерности и допустимости рекомендуемых средств и приемов.

Р.С.Белкин в качестве критериев (условий) допустимости средств и приемов указывает: а) законность, т.е. соответствие букве и духу закона; б) избирательность, т.е. направленность воздействия только на определенных лиц и нейтральность по отношению к остальным; в) нравственность, т.е. соответствие принципам морали и нравственности(76,220-221). С.Ю.Якушин называет дополнительно научную обоснованность и эффективность приемов (255,34). Н.А.Селиванов отмечает три группы критериев: общенаучные, правовые и этические (256,24). В.Г.Лукашевич подразделяет критерии допустимости на содержательные (правовые, гносеологические, информационные, этические, тактические и психологические) и праксеологические (целесообразность, надежность, продуктивность, рентабельность, безопасность и внезапность) (257,30-32). И.Е.Быховский указал ряд запретов применительно к нравственной стороне тактических приемов: не унижать честь и достоинство личности; не использовать неосведомленность участников процесса по правовым вопросам; не способствовать развитию низменных чувств, совершению аморальных поступков (258,219-220). Е.Д.Лукьянчиков и В.С.Кузьмичев в качестве исходных положений для определения допустимости средств, приемов и методов отмечают: принудительный характер следственной деятельности; недопустимость унижения человеческого достоинства; недопустимость получения информации путем угроз, насилия, обмана и шантажа (259,13). Применительно к результатам использования конкретных средств и приемов (доказательствам) П.А.Лупинская указывает следующие критерии допустимости: а) получение надлежащим субъектом; б) получение из источников, предусмотренных законом;

в) получение с соблюдением правил проведения осуществляемого процессуального действия; г) соблюдение требований закона в части фиксации хода и результатов следственного действия (260,2).

Как видно из приведенных перечней, в качестве критериев допустимости указываются самые разнообразные условия (требования) и весьма разноуровневые, одни из которых достаточно конкретны, другие носят слишком общий характер. Многие из них слишком неопределенны и не позволяют бесспорно конкретизировать, что правомерно, а что недопустимо. Например, все авторы единодушны в отношении недопустимости обмана, но что трактовать в качестве обмана, а что - допустимого уровня маневрирования информацией, мнения диаметрально расходятся. Характеризуя эти разночтения и их причины, И.Е.Быховский, Ф.В.Глазырин и С.К.Питерцев подчеркивают: «Некоторые ученые настолько гипертрофируют и формализуют, отрываясь от реальных условий жизни, вопрос о гарантиях прав обвиняемого, что, по существу, обезоруживают следователя в его деятельности по установлению объективной истины» (155,40).

В настоящее время мы начинаем понимать, что свобода личности - это ответственность и осознанная готовность к самоограничению своей свободы ради свободы других. Без этого необходимого ограничения не может быть свободы. Подобное ограничение было и будет при определении процедуры расследования и ее практической реализации. Как, например, разрешить ситуацию, когда освобожденный милицией из плена потерпевший-заложник отказывается от дачи показаний и прохождения освидетельствования? Здесь «столкнулись» интересы расследования (в более широком плане - борьбы с преступностью) и права и интересы личности. Для разрешения этой ситуации, естественно, порекомендуют разъяснение и убеждение потерпевшего (которого ставят перед дилеммой: безопасность своя и близких или вероятное наказание вымогателей). А если убеждение не даст положительного результата, то противоречие будет разрешаться проведением расследования без помощи пострадавшего (главное - борьба с преступностью!) либо отказом от проведения расследования (приоритет - интересам личности).

Внедрение достижений науки и техники для сбора доказательств (через систему криминалистических рекомендаций) является магистральным путем совершенствования следственной деятельности. Однако для использования в уголовном судопроизводстве может быть рекомендовано не любое достижение науки, а лишь те из них, которые соответствуют требованиям уголовно-процессуального закона и, прежде всего, в части обеспечения прав, свобод и интересов личности, гарантированных Конституцией.

Рассмотрим это на примере некоторых из методов получения информации, в оценке которых и возможностей их использования в уголовном судопроизводстве, высказываются диаметрально противоположные точки зрения.

Один из них - «метод тактического воздействия на основе использования биоритмологического «паспорта» лица» (Китаев Н.Н.). Суть его состоит в том, что рекомендуется использовать для допроса критические дни биоритмического функционирования организма человека. В такие дни человек менее активен, заторможен, склонен к совершению ошибок, не характерных для его обычного поведения, т.е. ослаблены защитные функции организма. Это науке известно давно и имеются рекомендации по учету критических дней в жизнедеятельности человека. В отдельных сферах деятельности это представляется необходимым и правомерным, например, в работе пилотов, операторов сложных энергетических комплексов, так как сокращает возможность ошибок, связанных с исполнением своих обязанностей. Но в уголовном судопроизводстве, в частности при допросе, целевое использование данного метода представляется недопустимым, потому что для получения информации от допрашиваемого предлагается использовать момент (период) снижения активности его организма, а именно - полноты и правильности оценки происходящего, способности к защите своих интересов.

Тактика следственной деятельности - это умение переиграть оппонента, но за счет тактических ходов, превосходства мысли и логических приемов, а не за счет использования физиологических компонентов (ослабленности организма, недомогания и т.п.).

Разумеется, можно вести речь о применении биоритмологии в

расследовании, но совсем в другом плане, например в виде рекомендаций самому следователю воздержаться от проведения сложных следственных действий в его критические дни, поскольку снижаются возможности выполнить их полноценно и возрастает вероятность допустить ошибки.

Г.Шнейкерт писал: «Я позволю сравнить тайну с запертой на замок дверью. Воля и сила к сохранению тайны соответствует «защелкам» замка... При хороших безопасных замках оказывается безрезультатным любое искусство. Здесь можно достигнуть чего либо лишь путем грубой силы, которая, быть может допустима для взломщика, но, конечно, не позволительна для лица, ведущего расследование дела» (261,22-23).

Проблема полиграфа. Наличие внешних проявлений психофизиологического состояния человека не только известно с древнейших времен, но и использовалось для различных проверок подозреваемого с целью установления его виновности или лжесвидетельства. В конце XIX века родилась идея использовать медицинские приборы регистрации сердечной деятельности в целях сопоставления с ними показаний испытуемого. В начале 20-х годов появились прообразы современных полиграфов (262,23). «В качестве индикатора внутренней напряженности испытуемого полиграф имеет бесспорные преимущества перед самым тонким и опытным наблюдателем» (263,127-128). А что же может быть решено с использованием полиграфа? Полиграф (многопишущий) или лай-детектор (lie detector- разоблачитель лжи) - многоцелевой прибор, предназначенный для одновременной регистрации дыхания, кровяного давления, биотоков и других физиологических процессов. В сфере правоохранительной деятельности его используют для обнаружения неискренности испытуемого на основе фиксации реакции организма на задаваемые вопросы.

В настоящее время полиграф применяется более чем в 50 странах мира. Наиболее активно это используется в США, Канаде, Японии, Израиле, Южной Корее. В этих странах полиграф применяется для получения данных, позволяющих сузить круг подозреваемых лиц, выявить факт совершенного преступления, создания предпосылок для дачи правдивых показаний, выявления неточнос-

тей, пробелов и т.д. Однако есть страны, где применение полиграфа запрещено (ФРГ, Австрия).

В нашей литературе отношение к применению полиграфа диаметрально противоположное. Одни ученые - категорически против, поскольку «такие приемы в судопроизводстве решительно противоречат элементарным нравственным нормам и унижают человеческое достоинство тех, кто подвергается подобным испытаниям» (264,146-147; 265,227; 168,135-148), другие - считают использование полиграфа необходимым и целесообразным (267,103-109; 268,43-47; 269,121-129). В этом противостоянии, как правильно, на наш взгляд, отмечает П.Прукс: «Научная дискуссия вокруг полиграфа заменялась политической. Вместо того, чтобы научной аргументацией опровергнуть использование приборных методик в расследовании преступлений, акцент ставился на доказывании реакционной сущности полиграфа» (270,63). В полемическом запале отдельные авторы доходили до того, что объявляли полиграф орудием пыток, причиняющих испытуемым «неимоверные физические страдания» (271,89).

Настала пора от споров переходить к практическому решению вопроса - возможно или недопустимо применение полиграфа в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и если да, то для решения каких конкретных задач и вопросов. Поэтому вместо рассуждений «на тему полиграфа» следует дать четкие предметные ответы по основным аспектам проблемы полиграфа - научному, этическому и процессуальному.

Научный (технический) аспект. Ответ должен быть дан положительный, потому что установлена, во-первых, закономерная связь реакций организма человека на ситуации, которые являются для него проблемными, во-вторых, возможность и достоверность фиксации этих реакций прибором. Вопрос о том, что именно стоит за этими реакциями, как их трактовать, выходит за рамки технической функции полиграфа.

Этический аспект связан прежде всего с ответом на вопрос: нравственно ли применение полиграфа? Никакого обмана (если не ставить такую цель) при прохождении испытания на полиграфе нет, поскольку, во-первых, научные основы регистрации реакций

организма достоверны, во-вторых, суть и процедура испытания обязательно должны быть доведены до сведения проверяемого. Возможность неправильной интерпретации результатов показаний полиграфа не является специфичной для данного прибора - ошибки и злоупотребления могут иметь место при использовании любого средства или метода следственной деятельности. Гарантией от влияния подобного на итоговое решение по делу является то, что в уголовном судопроизводстве ни одно доказательство не может быть положено в основу такого решения без подтверждения другими данными. А испытание на полиграфе пока предлагается в целях получения и проверки розыскной информации.

Одно из возражений против использования полиграфа связано с тем, что человек выступает в качестве объекта исследования. Но и здесь с полиграфом не связано никаких новелл. Объектом исследования человек выступает при проведении ряда экспертиз (судебно-медицинской, судебно-психиатрической), освидетельствовании, получении образцов для сравнительного исследования, что в отдельных случаях может сопровождаться принудительностью действий по обследованию. Этого не может быть при тестировании на полиграфе, на которое лицо идет добровольно и осознанно.

При исследовании на полиграфе отсутствует и подавление воли субъекта, поскольку лицо остается абсолютно свободным в своем волеизъявлении и ничем не принуждается к изменению линии своего поведения. А «дискомфорт», связанный с намерением скрыть или изменить известное, присутствует и при обычном допросе, когда выбирается подобная линия противодействия. «Полиграф, - отмечает Р.С.Белкин, - не является средством проникновения в мысли и чувства испытуемого, он лишь регистрирует возникновение и наличие тех или иных эмоций и, с этой точки зрения, принципиально ничем не отличается от визуального их наблюдения и констатации следователем, что никем не признается безнравственным» (4,52).

Уголовно-процессуальный аспект. Во-первых, испытание на полиграфе представляет собой тестирование, а не допрос, и, следовательно, полиграф должен рассматриваться лишь в качестве технического средства, об использовании которого в процессуальной деятельности говорить еще рано. Во-вторых, проверка на полиграфе

должна быть только добровольной и, что особенно важно, отказ от испытания не может рассматриваться в качестве свидетельства виновности или иной причастности лица к событию преступления. В третьих, когда накопленный эмпирический материал применения полиграфа в оперативно-розыскной деятельности и оценка полученных результатов позволят поставить вопрос о возможности его использования в расследовании, тогда должна быть предложена четкая регламентация проведения тестирования с помощью полиграфа.

Таким образом, удовлетворение потребностей следственной практики в целях ее развития и совершенствования является настоятельной необходимостью в условиях борьбы с изменившейся преступностью. Но оно может осуществляться не с помощью любых предлагаемых средств и методов, а только за счет тех, научная достоверность которых установлена и их применение в полной мере обеспечивает защиту прав, свобод и интересов участников уголовного судопроизводства.

В настоящее время высказываются предложения об использовании ряда других нетрадиционных средств и методов: ясновидения, телепатии, астрологии, лозоходства и т.п. (272,2). При их оценке не следует исходить из принципа «недопустимо, потому что нельзя» - это не научный подход (273,31-34). Требуется в отношении каждого отдельного средства дать аргументированный ответ с позиций научной достоверности и объективности, этической защищенности личности и соответствия правовым основам и правилам уголовного судопроизводства. Только при положительном ответе на все эти группы вопросов можно переходить к постановке и решению проблем практического внедрения средства или метода.

Однако представляется необходимым в дополнение к основополагающим и достаточно общим критериям допустимости - законность, научность, этичность - добавить более конкретные и четкой практической направленности критерии или условия допустимости средств и приемов. К ним могут быть отнесены:

- а) отсутствие в сообщаемой информации ложных данных;
- б) недопустимость давления - у лица, в отношении которого ис-

пользуется прием, всегда должна быть возможность добровольного выбора варианта реагирования на сообщенную информацию;

в) не должна скрываться информация, ознакомление с которой является законодательно установленным правом лица;

г) возможность прогнозирования и исключение использования тактических приемов, которые могут повлечь серьезные негативные последствия для участников уголовного процесса (расстройства здоровья, побуждение к аморальным и противозаконным действиям и т.п.);

д) оценка и учет того, каким социальным ценностям отдается предпочтение в случае реализации приема и меры допустимого ограничения прав других лиц;

е) полученная в результате осуществления тактического приема информация (признание вины, реакция осведомленности и т.д.) не рассматривается в качестве доказательств и требует обязательного подтверждения иными данными.

2. Внезапность в следственной деятельности

1. *Понятие и сущность внезапности.* Рассмотрению проблем следственной деятельности в юридической литературе уделяется большое внимание. Основными аспектами изучения выступают формы и цели следственной деятельности, ее виды, логико-познавательный характер, методы сбора и использования доказательственной информации и т.д. Однако в недостаточной мере исследуются вопросы, раскрывающие природу и сущность самой следственной деятельности и являющиеся основой для оценки соответствия и достаточности используемых средств и методов осуществления ее задачам и назначению, а также возможностям и направлениям дальнейшего совершенствования. Давно, например, ведутся споры о допустимости и правомерности психологического воздействия при проведении расследования. Каждая из сторон выдвигает свои аргументы и контраргументы.

Если в словосочетании «психологическое воздействие», за которым стоит многообразие используемых в расследовании приемов, делать акцент на термине «воздействие», то вполне уместен ответ:

недопустимо. Но если обратиться к сущности процесса расследования, который в основном состоит из мер воздействия в связи и по поводу его осуществления, если вспомнить о психологических закономерностях общения, которое обязательным элементом включает воздействие, то с несомненностью встанет вопрос о необходимости и соответствии воздействия природе следственной деятельности, но с учетом и в рамках законоположений, не допускающих фальсификации, унижения человеческого достоинства и ущемления законных прав.

Оценка каждого средства и приема следственной деятельности должна определяться степенью их соответствия природе и сущности данной деятельности, а не желанием активизировать ее или оградить от умозрительно недопустимых. В процессуальном плане эти средства (следственные действия, организационные и оперативно-розыскные мероприятия) и наиболее общие правила их использования определены достаточно четко и конкретно. Однако практика их применения и многообразные следственные ситуации, требующие гибкого тактического решения, выдвигают множество вопросов, на которые нет прямых и ясных ответов в рамках общих правил. Ответ на них, с нашей точки зрения, должен быть выведен из природы следственной деятельности, т.е. того, без чего она немислима, теряет свою сущностную характеристику. Один из таких факторов, обусловивших ее характер заключается в том, что тайному образу противоправных действий и ухищренным способам противодействия их выявлению должны быть противопоставлены соответствующие средства и приемы следственной деятельности, носящие принудительный и в ряде случаев скрытный от заинтересованных лиц характер. Отрицать природообусловленную сущность средств и методов следственной деятельности, а, следовательно, допустимость - значит обрекать деятельность правоохранительных органов на пассивность и заведомо низкую результативность реализации принципа неотвратимости наказания. «Для следственной деятельности характерно преодоление сопротивления со стороны незаинтересованных в успешном расследовании дела лиц. Пожалуй, нет другого вида человеческой деятельности, успешному окончанию которой так активно противоборствовали бы заинтересованные люди и группы лиц» (274,45).

В связи с этим Р.С.Белкин подчеркивает необходимость не просто сбора доказательств, а обязательность обеспечения системы их защиты, чтобы предупредить возможности их дискредитации в последующем (20,197-201).

Отмеченное обуславливает необходимость использования таких средств и методов сбора информации, которые бы компенсировали либо нейтрализовали негативные условия и сложности познания. Это обеспечивается максимальным использованием научно-технических достижений для расширения круга источников информации; разработкой методик восстановления умышленно поврежденных источников информации; применением приемов, обеспечивающих изобличение допрашиваемого во лжи; пресечением попыток уклонения от ответственности и т.д.

Взаимоотношения производящего расследование и лиц (подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей), вовлекаемых в орбиту следственной деятельности, являются наиболее специфичными с позиции средств и методов ее осуществления. Каждый из указанных участников наделен правами и обязанностями, реализация которых призвана обеспечить решение задач уголовного судопроизводства: следователь - расследовать преступление, соблюдая законные права и интересы участников; вовлекаемые в процесс лица - оказать содействие расследованию и установлению истины, а также защитить свои законные интересы и права. Для следователя и первое, и второе - работа, служебный долг со всеми видами ответственности за его нарушения. Для других лиц участие в расследовании, как правило, обстоятельство, не всегда приятное, а во многих случаях нежелательное. Поэтому их реальное участие в процессе расследования обеспечивается, во-первых, законодательным закреплением обязанности содействовать расследованию преступлений (как-то: привод, задержание, ответственность за отказ от дачи показаний и т.п.); во-вторых, разработкой и использованием средств и возможностей преодоления противодействия расследованию.

В этом проявляется одна из наиболее существенных черт следственной деятельности, элементы которой наблюдаются при анализе всех ее сторон и признаков, - активный (наступательный) харак-

тер, обеспечиваемый возможностью принудительного осуществления в случае противодействия. Совершая преступление, лицо вступает в конфликт с обществом и государством. Ответной реакцией общества и государства на совершенное преступление является деятельность правоохранительных органов по быстрому и полному его раскрытию, изобличению виновных и правильному применению закона.

Предусматривая возможность принудительного осуществления следственных действий в случаях необходимости, законодатель исходил из учета характера следственной деятельности, а значит, того, что без этого решение задач уголовного судопроизводства если ни невозможно, то крайне затруднено и будет зависеть не столько от возможностей органов расследования, сколько от интересов и намерений иных заинтересованных лиц.

Отмеченное позволяет констатировать, что принуждение имманентно присуще следственной деятельности, отражает ее характер и проявляется в процессуальных и тактических мерах преодоления противодействия. Однако это не означает, что принуждение свойственно каждому следственному действию. Оно проявляется только тогда, когда в этом возникает необходимость, и используется для преодоления противодействия расследованию.

Сторонники недопустимости использования средств и приемов расследования, содержащих элементы психологического воздействия, во-первых, не учитывают указанный характер следственной деятельности, во-вторых, проявляет явную непоследовательность, поскольку не ставят под сомнение принудительный характер отраженных в законе средств и методов, а для не указанных в законе приемов считают такое неестественным и недопустимым.

Таким образом, есть ряд бесспорных исходных положений: государственный (принудительный) характер следственной деятельности; недопустимость унижения человеческого достоинства; недопустимость получения информации путем угроз, насилия, шантажа. Только при соответствии этому может и должна оцениваться допустимость использования конкретных средств и методов.

С учетом этого следственная деятельность представляет собой специфический вид социальной практики, заключающейся в познании событий противоправного характера посредством регламентированных законом средств и методов, включая их принудительную реализацию в случае оказания противодействия собиранию доказательственной информации.

Тактика следственной деятельности (как комплекс наиболее целесообразных приемов ее осуществления) характеризуется не только элементами, определяющими общий порядок и приемы производства следственных действий, но и особенностями их осуществления в сложных, неблагоприятных ситуациях, когда заинтересованные лица препятствуют процессу расследования (дают ложные показания, скрывают похищенное и т.д.)- При подобных обстоятельствах тактика служит средством преодоления противодействия, поскольку без активных действий и обеспечивающих их наступательность тактических приемов реализация задач расследования практически невозможна.

Одним из таких средств является внезапность, состоящая в такой организации следственной работы, которая обеспечивает непредусмотренность содержания и характера действий следователя противодействующей стороной.

Внезапность можно рассматривать на трех уровнях. Во-первых, как принцип следственной деятельности, характеризующий и отражающий ее наступательность и действенность при преодолении противодействия, оказываемого расследованию заинтересованными лицами. В этих ситуациях внезапность выступает в качестве основополагающего начала, обязательного правила деятельности, поскольку иной подход - отказ от использования активных средств преодоления противодействия - означал бы разоружение органов следствия перед лицом противоборствующей стороны. Во-вторых, внезапность представляет собой тактическую задачу по собиранию фактических данных применительно к конкретным обстоятельствам расследования. В-третьих, она выражается в реализации фактора неожиданности в условиях определенной следственной ситуации. Однако в юридической литературе встречаются высказывания ° неправомерности использования внезапности в следственной де-

тельности. Обосновывается это утверждением безконфликтности следствия. Так, И.Ф.Пантелеев считает, что утверждение о наличии конфликтов в следственной деятельности «не согласуется с самой сущностью и принципами уголовного процесса». «Эта идея, - указывает он, - неизбежно порождает проникновение в уголовный процесс несвойственных ему методов, направленных на то, чтобы «дезинформировать», «сбить с толку», «захватить врасплох», «вызвать состояние растерянности» допрашиваемого, «разжечь конфликт» между соучастниками преступления и т.п.» (275,54).

Аргументы сторонников данной точки зрения не могут быть признаны убедительными, поскольку противоречат самой сути следственной деятельности и реальной, проверенной годами практике. «Розовые очки концепции безконфликтного следствия, - отмечает Р.С.Белкин, - только искажают действительность. Это средство не защиты закона и морали, а их нарушения». А.П.Резван правильно указывает, что мы поздно обратили внимание на негативные последствия «безконфликтного следствия» (276,83).

По данным проведенного исследования, противодействие оказывалось по 88% изученных уголовных дел. Об оказании противодействия расследованию заявили 90,7% осужденных. Причины, объем и формы оказания противодействия расследованию различны, но сам факт его наличия диктует необходимость в целях решения задач уголовного судопроизводства осуществлять соответствующее «противодействие» со стороны правоохранительных органов.

«Теория уголовного процесса и тактика расследования, - отмечает А.М.Ларин, - позволяют выделить следующие условия, предотвращающие действия указанных факторов при розыске и обнаружении доказательств:

а) быстрота расследования и внезапность производства следственных действий;

б) осведомленность следователя о действиях и намерениях обвиняемого как при совершении преступления, так и во время его расследования;

в) следственная тайна» (277,46).

На различных этапах расследования противодействие может выступать как фактически проявившееся (отказ давать показания, сообщение ложной информации и т.п.) и как реально возможное, обусловливаемое поведением преступника в момент совершения преступления и вслед за этим (меры по уничтожению следов преступления, бегство водителя с места дорожно-транспортного происшествия). В первом случае сам факт оказания противодействия является основанием к выбору соответствующей тактики действий следователя, в том числе к использованию тактических средств преодоления противодействия расследованию. Во второй ситуации необходимость применения указанных средств должна определяться с учетом степени вероятности оказания противодействия, а главное - оценки характера возможных негативных последствий в случае непринятия упреждающих мер. Так, не всегда необходима внезапность при первом допросе подозреваемого (кроме случаев, когда, например, известна характеристика его личности и та позиция, которую он ранее занимал при допросе по другим делам), поскольку у следователя имеется возможность с учетом результатов данного допроса четко определить тактику последующего.

В отличие от допроса, обыск, как правило, должен проводиться внезапно, так как промедление, осведомленность преступника о предстоящем обыске дают ему (его сообщникам) возможность уничтожить или надежно спрятать искомое, т.е. приводят нередко к необратимым последствиям.

Я.И.Баршев еще в 1841г. в работе «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству» отмечал: «Относительно образа производства обыска необходимо соблюдать следующее основное правило: по тому, что та цель, для которой производится обыск, может быть достигнута только посредством предварительной неизвестности его и особенного искусства, проворства и замечательности следователя, то домашний обыск должен быть производим неожиданно, со всею внимательностью и наблюдением над действиями лиц, живущих в обыскиваемом доме» (278,5).

Законность при осуществлении следственной деятельности зак-

лючается не в отсутствии воздействия на участников расследования, а в правомерном использовании средств воздействия, т.е. обращении к тем из них и тогда, когда они необходимы для устранения или локализации противодействия установлению истины и не ущемляют законных прав личности, основываются на реальных данных и не связаны с фальсификацией.

Никем и никогда не ставилась под сомнением правомерность **внезапного**, т.е. неожиданного, задержания подозреваемого (или обыска) при наличии достаточных фактических данных и процессуальных оснований его производства, так как это представляет собой **выбор целесообразного момента** законного проведения следственного действия в целях обеспечения его результативности.

Точно также может быть **внезапно** осуществлено любое другое следственное действие или применен тактический прием, если они законны по своим фактическим и правовым основаниям. Что можно усмотреть противоправного в предъявлении подозреваемому непредполагаемого им в наличии у следствия доказательства, неожиданность появления которого требует от него быстрой оценки сложившейся ситуации, приводит к осознанию бесполезности попытки обмануть следователя либо построению новых (нередко недостаточно продуманных) объяснений обстоятельств расследуемого события?

«На каком основании, - отмечает В.Е.Коновалова, - внезапность постановки вопроса как нарушение продуманной логики изложения, в том числе «логики лжи», можно считать безнравственной?... Это не хитрость, не уловка, а проявление избранной позиции, системы правомерных действий для достижения цели, продуманная логика поведения в конкретной ситуации общения (89,35).

Использование внезапности не может рассматриваться лишь как способ оказания психологического воздействия на подозреваемого с целью получения его признательных показаний, которые сами по себе, без вытекающих из них подтверждающих данных ничего не значат. Внезапность, как и любой иной тактический прием, - это средство *выявления источников информации*, раскрывающих обстоятельства расследуемых событий, а не *получения признания*, не подтвержденного доказательствами.

При анализе допустимости и правомерности использования средств, приемов и методов в следственной деятельности необходимо исходить из их сущности и добросовестности применяющих их лиц, ибо, как подчеркивал известный русский юрист А.Ф.Кони, «как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках» (279,34).

Использование внезапности не самоцель, а одно из основных требований, предъявляемых к проведению расследования в условиях конфликтных ситуаций.

Опрос следователей и оперативных работников показал, что все они довольно часто используют внезапность при проведении следственных действий и розыскных мероприятий и считают, что такая практика вполне допустима.

Внезапность понимается как определенное явление, событие, действие, проявляющееся вдруг, неожиданно наступившее (280,83).

Под внезапностью в расследовании обычно подразумевается проведение неожиданных для заинтересованных в исходе дела лиц действий т.е. она выражается в такой организации следственной работы, которая обеспечивает непредусмотренность содержания и характера действий следователя противодействующей стороной и связана с тактикой следствия - выбором средств и способов решения конкретных задач расследования.

Непредвиденность составляет основное содержание внезапности (280,396). Но ошибочным было бы отождествлять внезапность с неожиданностью и наоборот. Внезапность - это характеристика действий лиц, организующих ее применение. Она проявляется в результате активной творческой деятельности следователя. Иными словами, внезапность - это способ действий с целью достижения результата в расчете на неожиданность. Внезапность сознательно и заранее готовится следователем на основе прогнозирования хода предстоящего следственного действия. Для лица, не предвидевшего внезапных действий следователя, внезапность будет неожиданностью. Фактор внезапности, если последняя не влечет за собой неожиданности для соответствующих лиц, отсутствует. О ней можно

говорить только в том случае, если ее следствием является неожиданность для противодействующей стороны.

Неожиданность - явление, которое возникает для соответствующих лиц непредвиденно, неосознанно, как следствие определенных, закономерно действующих причин. Иными словами, неожиданность - это следствие внезапных действий, их результат.

Таким образом, внезапность - это подготовка и проведение действий, рассчитанных на достижение неожиданности применительно к определенным лицам (подозреваемым, обвиняемым); неожиданность - следствие восприятия непредвиденных действий этими лицами.

Внезапность осуществления следственного действия (тактического приема) позволяет расстроить позицию, выбранную противодействующими лицами, и создать условия для получения необходимой для раскрытия и расследования преступлений информации. Достигается это непредвиденными для указанных лиц выбором и использованием средств достижения цели расследования, то есть проведением непредвиденного следственного действия или использованием неожиданного приема, неожиданным способом, в неожиданном месте и в неожиданное время.

Неожиданность, планируемая как результат внезапных действий (приемов), может быть полной и частичной. Не исключается также вариант, когда внезапные (по мысли следователя) действия не окажутся неожиданными или будут оценены и восприняты иначе, чем предполагал следователь, а потому не проявится действие фактора внезапности.

Полная неожиданность достигается в тех случаях, когда соответствующее лицо не знает и не предполагает о факте и характере планируемых по отношению к нему мер. Это наиболее характерно для первоначального этапа расследования, при возбуждении уголовных дел на основе оперативно-розыскных данных или неосведомленности лица о проводимых мероприятиях. Так, продуманная система мер реализации информации о замаскированном хищении, собранная оперативно-розыскным путем, позволяет за счет внезапности действий обнаружить и изъять доказательства преступной

деятельности, обеспечить возмещение причиненного преступлением материального ущерба, создать наиболее благоприятные условия для проведения допроса подозреваемых и т.д. И, наоборот, в тех случаях, когда заблаговременно не продумывается и не обеспечивается внезапность действий по реализации оперативно-розыскной информации, преступники успевают принять меры к уничтожению изобличающих их доказательств, сокрытию похищенных ценностей, определению и аргументации своей линии поведения.

Однако понятие «полная неожиданность» условно, ибо любое лицо, совершившее преступление, живет ожиданием возможного изобличения, может даже планировать определенные меры и линию поведения на этот случай. Но тем не менее уровень неопределенности, неконкретности возможного развития событий здесь весьма высок, что позволяет следователю обеспечить внезапность этих действий.

Частичная неожиданность обычно имеет место на дальнейших этапах расследования, когда противодействующие следствию лица прогнозируют возможные меры следователя, но не знают точного характера и направленности его действий, времени и места их проведения. В такой ситуации внезапность достигается за счет тактически грамотных действий следователя, обеспечивающих выбор варианта (средства, времени, места), не учитываемого противодействующей стороной в силу незнания всего арсенала средств органов расследования или конкретной осведомленности следователя. Последнее может быть следствием собственной оценки ситуации, например, подозреваемым либо результатом специально созданного у него представления о том, чем на данном этапе расследования располагает следователь. Достижение внезапности в такой ситуации без всякого преувеличения можно назвать искусством следственной деятельности.

Эффект внезапности при проведении расследования может быть не только результатом целенаправленных действий следователя, но и следствием случайного стечения обстоятельств, когда что-либо обычное, с точки зрения следователя, оказывается весьма неожиданным для лица, участвующего в следственном действии или знакомящегося с его данными. Возникновение такой ситуации,

не планировавшейся следователем, может и должно использоваться для разрешения стоящих перед ним задач. Но главное в деятельности и профессиональном мастерстве следователя - умение специально создавать ситуации, обеспечивающие эффект неожиданности и тем самым способствующие получению доказательственной информации.

В процессе раскрытия преступления элемент неожиданности может проявиться по отношению к следователю и оперативному работнику, что, несомненно, явление нежелательное. Чтобы избежать этого, необходимо тщательно анализировать имеющуюся информацию об обстоятельствах совершенного деяния и личности правонарушителя. Это позволит предвидеть возможные действия лица, управлять ими и устранять их влияние на ход расследования. Однако точно определить момент возникновения того или иного внезапного действия довольно трудно, а это таит в себе элемент неожиданности. Знать, что готовит противодействующая следствию сторона, можно при условии проведения активных оперативно-розыскных мер, учете психологии преступника и хорошем знании обстоятельств дела. Если же заинтересованные лица предпримут действия, которые окажутся для следователя неожиданными, то последний должен знать приемы изменения создавшейся ситуации и уметь эффективно владеть ими.

Именно в этом - создании определенных условий расследования, а не в простом учете и использовании наличных объективных факторов - проявляется сущность криминалистической тактики, ее принципов и рекомендаций. Все это в полной мере присуще и использованию внезапности в следственной деятельности.

2. Тактические приемы обеспечения внезапности. Сущность тактических приемов обеспечения внезапности заключается в наиболее рациональном по времени, месту и характеру способе действий или определении линии поведения следователя в процессе собирания, исследования и использования доказательственной информации.

Значение же тактических приемов обеспечения внезапности состоит в том, что их применение позволяет своевременно, с наимень-

шими затратами сил и средств обнаружить и пресечь преступную деятельность лиц, нейтрализовать их действия по уничтожению и фальсификации доказательственной информации, обеспечить возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, установить истину по делу. В конечном счете применение тактических приемов внезапности направлено на повышение результативности и качества расследования преступлений.

Тактические приемы, обеспечивающие эффект внезапности, весьма разнообразны. Они возможны практически при любом действии следователя, которое может явиться неожиданным для конкретного лица при определенных обстоятельствах, в том числе и при осуществлении действий, не связанных со сбором доказательственной информации (привлечение в качестве обвиняемого, избрание меры пресечения и т.п.).

Неожиданность при производстве следственных действий может быть достигнута за счет различных факторов - времени, места, характера и вида проводимых следователем мер. Интервьюирование осужденных показало, что в 71% случаев неожиданными для них были место и время проведения следственных действий; в 46,5% случаев неожиданность достигалась самим фактом проведения следственного действия, кругом привлеченных лиц и характером использованных доказательств.

Фактор времени. Во временном аспекте достижение внезапности обеспечивается проведением действий в тот момент, когда соответствующие лица не предполагают и не ожидают этого.

Основными приемами реализации этого служат:

- а) упреждающий характер осуществляемых мер;
- б) отсрочка проведения необходимых действий;
- в) повторное производство следственных действий.

Выбор и возможности использования этих приемов обуславливаются стадией расследования, особенностями конкретной следственной ситуации, характеристикой противодействующих расследованию лиц и т.д.

Упреждающий характер следственных действий предполагает, что они должны быть предприняты до того, как подозреваемый,

обвиняемый или иное противодействующее расследованию лицо получит информацию о возможности их проведения. Если же заинтересованное лицо имеет такую информацию, то следственное действие должно быть проведено во время, исключающее возможность принятия мер, препятствующих достижению планируемого следователем результата.

Наиболее благоприятная ситуация для использования данного приема обычно складывается на первоначальном этапе расследования, когда внезапность, как правило, связана с быстротой и неотложностью следственных действий, а также одновременным их осуществлением (обыск, допрос и т.п.) в отношении нескольких лиц. Так, 78,4% проинтервьюированных следователей отметили зависимость реализации внезапности от этапов расследования. По данным анализа уголовных дел, проведение обысков в день возбуждения уголовного дела было результативным в 82% случаев, а затем результативность данного следственного действия резко сокращалась: в течение трех дней - до 25%, в течение 10 дней - до 15%.

Возможности использования тактических приемов внезапности значительно расширяются при возбуждении уголовного дела по материалам, собранным органом дознания в процессе осуществления оперативно-розыскных мер. В таком случае складывается ситуация, при которой следователь или оперативный работник заранее могут изучить имеющуюся информацию и определить время, порядок и последовательность ее использования для достижения желаемого результата. Их действия принимают целенаправленный, плановый характер в то время, когда заинтересованные в противодействии расследованию лица их не ожидают. Это позволяет произвести задержание всех подозреваемых в одно время и исключить возможность согласования ими своих действий, произвести одновременно обыски у всех лиц, от которых можно ожидать противодействия расследованию (сокрытия следов преступления, уничтожения или перепрятывания похищенного и нажитого преступным путем и т.п.). Так, при возбуждении уголовного дела о хищении на Киевском комбикормовом заводе следователь располагал информацией о том, что преступление совершает хорошо организованная группа с четким распределением ролей между

участниками. Поэтому при рассмотрении вопроса о возбуждении уголовного дела и производстве неотложных следственных действий было принято решение об использовании тактических приемов внезапности в целях предупреждения ожидаемого противодействия расследованию со стороны заподозренных лиц и их окружения. В этих целях была разработана и осуществлена тактическая операция. Для обеспечения внезапности при производстве обысков заблаговременно к месту жительства всех подозреваемых направили около 30 оперативных групп. Проведение обысков началось одновременно во всех местах сразу же после задержания с поличным подозреваемых по команде, продублированной по радиостанции и телефону. Через 20-30 минут после начала проведения обысков по нескольким адресам от подозреваемых прибыли посыльные с целью вывоза денег, ценностей и имущества, нажитого преступным путем. Эти лица были задержаны и указали места хранения искомого.

Иное положение складывается в тех случаях, когда не обеспечивается внезапность первоначальных следственных действий. Так, при расследовании хищения в системе Киевавтоматторга следователь и оперативные работники не обеспечили внезапность производства обыска у расхитителей и их родственников. Это позволило заинтересованным лицам надежно скрыть похищенное и нажитое преступным путем. Проведенные обыски не дали желаемого результата. Похищенное и ценности обнаружены не были.

Реализация фактора внезапности характеризуется своеобразной закономерностью, сущность которой состоит в том, что эффективность внезапности ограничена временем, необходимым для перестройки лицом своих действий и намерений, выбором средств и способов противодействия внезапности. После этого внезапность перестает действовать. Потеря времени следователем неизбежно ведет к выигрышу его подозреваемым или иным заинтересованным лицом. Это дает им возможность проанализировать сложившуюся ситуацию, выработать новую линию поведения и согласовать свои действия с соучастниками, родственниками и иными заинтересованными лицами. Именно поэтому несвоевременное производство следственного действия или использование тактического приема

(постановка вопроса, предъявление предмета, документа) часто ведет к утрате внезапности, осложняет процесс собирания доказательственной информации.

Применительно к данной ситуации А.Ф.Кони писал: «Чем внезапнее впечатление, вызывающее сильное душевное волнение, тем более оно овладевает вниманием и тем быстрее внутренние переживания заслоняют внешние обстоятельства... Опасность, возникшая неожиданно, вызывает невольное преувеличение размеров и форм, в которых она явилась» (281,167).

На последующих этапах расследования заинтересованные лица в определенной мере располагают информацией о действиях следователя и работников оперативных аппаратов. Это позволяет им прогнозировать возможные действия со стороны должностных лиц правоохранительных органов. Поэтому использование тактических приемов обеспечения внезапности (по времени) может быть достигнуто прежде всего за счет отсрочки исполнения либо повторного производства следственных действий.

Отсрочка исполнения следственного действия многими лицами воспринимается как «бездеятельность следователя, которая вызвана отсутствием либо соответствующей информации, либо необходимости и возможности в его проведении. В результате этого лицо успокаивается, начинает вести себя более свободно, утрачивает чувство бдительности. В ряде случаев, такие лица перепрятывают похищенное с целью приблизить место его нахождения к себе, пользуются похищенным лично или передают его знакомым, близким друзьям, пытаются реализовать вещи, которые ранее скрывали, и т.п. Таким образом, создаются благоприятные условия для результативного производства отсроченного следственного действия.

При отсрочке исполнения возможны два варианта действий следователя:

- а) выжидание определенного периода в надежде на то, что позреваемый совершит действия, позволяющие воспользоваться ими с целью получения доказательственной информации;
- б) целенаправленное формирование у подозреваемого убеж-

пения в том, что следователь не планирует определенных следственных действий (в связи с отсутствием подозрений, информации и т.д.).

Неожиданность при повторном производстве следственных действий связана с тем, что после их первичного проведения подозреваемый, рассчитывая на их завершенность, -также успокаивается, теряет чувство осторожности и совершает поступки, позволяющие получить изобличающие его доказательства (вступает в контакт с сообщниками, извлекает из тайников похищенное и т.д.). Так, по данным интервьюирования осужденных, в 88,2% случаев повторный обыск был результативным, что в основном они объяснили появлением предметов, ранее находившихся в другом месте. Поэтому проведенные через некоторое время повторные обыски могут оказаться более эффективными, так как преступники в какой-то мере успокаиваются после первичного обыска.

Повторно следственные действия при расследовании преступлений чаще всего производятся тогда, когда первоначальные не привели к желаемому результату в силу объективно сложившихся обстоятельств или субъективных моментов, то есть в какой-то мере в связи с упущениями и браком в работе. Однако наряду с этим повторное проведение следственных действий может обуславливаться и тактикой действий следователя, выступать в качестве тактического приема, рассчитанного на использование внезапности для получения объективной доказательственной информации.

Приемом достижения эффекта внезапности может служить создание видимости окончания следственного действия и продолжение его после того, как подозреваемый успокоится и расслабится.

Фактор места. Внезапность за счет выбора места производства следственного действия обеспечивается проведением следственных действий там, где их не предполагает и не ожидает подозреваемый. Чаще всего это характерно для задержания, обыска и отчасти допроса.

Следственные действия, когда это не диктуется обстоятельствами дела, в основном проводятся в помещении органа расследования. Место проведения действий поисково-розыскного характера

(осмотр места происшествия, обыск, задержание и т.д.) определяется местом совершения преступления и наиболее типичными местами сокрытия похищенного, нахождения преступника. Принимая меры к сокрытию преступления, лица, его совершившие, как правило, учитывают эти обстоятельства и стараются выбрать места, которые, по их мнению, не попадут в поле зрения следователя: разыскиваемый прячется у своих знакомых, преступник хранит похищенное по месту работы или в камере хранения и т.д. Установление подобных мест и проведение там соответствующих следственных действий не только обеспечивает их результативность, но и в связи с эффектом внезапности позволяет получить объективные показания подозреваемых, исключает возможное оказание сопротивления. Лицо, совершившее ряд тяжких преступлений, скрылось. Следователь, изучив личность преступника и его связи, пришел к выводу, что он может находиться у своего знакомого, вместе с которым проходил военную службу. После задержания подозреваемый показал, что у своего знакомого он чувствовал себя в полной безопасности, поскольку был уверен, что о нем ничего не известно органам внутренних дел. Поэтому появление по указанному адресу работников милиции было для него полной неожиданностью и он не смог оказать им сопротивления.

В данном случае для успешного задержания использовались естественно сложившиеся условия. Но на практике нередко приходится создавать такие условия искусственно.

Фактор места для достижения неожиданности может использоваться при производстве и других следственных действий. Так, по общему правилу, допрос производится в кабинете следователя, что ограничивает возможности применить внезапность, поскольку вызов повесткой или нарочным предоставляет лицу возможность обдумать причину вызова и определить линию своего поведения. Поэтому следователь, руководствуясь тактическими соображениями, проведение допроса может предусмотреть не в служебном кабинете, а в ином месте (месте работы, жилище и т.д.). Сам факт следственного действия и необычность места его проведения воздействуют на допрашиваемого, лишают его возможности оказать продуманное противодействие.

Фактор вида и характера осуществляемых мер. Обеспечение внезапности связано с проведением таких действий, которые неожиданны для соответствующего лица. При этом неожиданность достигается за счет неосведомленности подозреваемого об общих возможностях познания и исследования в процессе расследования либо о конкретной информации, которой располагает следователь для принятия необходимых мер.

К приемам реализации отмеченного относятся:

а) проведение следственного действия, неизвестного подозреваемому по его виду или содержанию;

б) разъяснение целей, характера и возможных результатов следственного действия;

в) использование неосведомленности подозреваемого о характере и объеме информации, которой располагает следствие;

г) привлечение к участию в проведении следственных действий специалистов и лиц, осведомленных об обстоятельствах расследуемого события;

д) изменение тактики проводимых следственных действий.

Неосведомленность противодействующего расследованию лица о виде и характере средств, которые могут быть применены для собирания доказательственной информации, либо о возможности применения известных ему приемов и методов в конкретной ситуации может использоваться в целях достижения эффекта неожиданности. Зная, как противостоять тем или иным приемам и методам расследования, указывает А.В.Ратинов, подследственный теряет, столкнувшись с неизвестными ему методами, неизвестными научно-техническими средствами (282,162). В подобных ситуациях подозреваемым могут быть предприняты меры защиты, способствующие его изобличению.

В одном из сел была изнасилована и убита школьница Н. В процессе расследования установили, что незадолго до исчезновения ее фотографировал у школы знакомый парень, на которого пало подозрение в совершении убийства. На допросе он признал факт фотографирования Н. и в подтверждение своей непричастности к убийству представил следователю фотопленку, объяснив, что после

съемки погибшей продолжал фотографировать других школьников. Проведенная по данным фотоматериалам судебно-астрономическая экспертиза установила, что между кадром, на котором запечатлена Н., и следующим был разрыв во времени в 2 часа 45 минут. Ознакомившись с заключением эксперта, подозреваемый сознался в совершенном преступлении и дал развернутые показания, что способствовало получению новых источников доказательственной информации, подтверждающих его виновность.

Иногда неожиданность может быть связана с самим результатом следственного действия, процедурой его осуществления и восприятия.

В отдельных случаях эффект внезапности может быть достигнут за счет разъяснения содержания планируемых следователем действий и возможного их результата. Уяснение подозреваемым возможности получения изобличающей его информации часто способствует тому, что он отказывается от противодействия расследованию.

Своеобразным приемом разъяснения содержания планируемых следственных действий считается метод словесной разведки при производстве обыска, когда в присутствии обыскиваемого обсуждают план поисковых действий и по его реакции определяют места наиболее вероятного сокрытия искомого.

Эффективным средством обеспечения внезапности является использование неосведомленности противодействующих расследованию лиц об объеме и характере информации, которой располагает следователь. Реализация такой информации оказывает сильное психологическое воздействие на соответствующее лицо, опровергая убежденность в отсутствии у следователя возможности доказать его причастность к совершению преступления.

Приемом создания ситуации неосведомленности может служить проведение обыска в отсутствие подозреваемого. Незнание последним результатов обыска влияет на построение позиции отрицания вины и позволяет разоблачить ее этими реальными результатами. По данным интервьюирования осужденных, использование при допросе данных обыска явилось для них неожиданным в 27% случаев.

Привлечение к участию в следственных действиях специалистов или лиц, хорошо осведомленных об обстоятельствах расследуемого события, также, как правило, оказывается неожиданным для противодействующих расследованию лиц и способствует установлению истины, поскольку их присутствие затрудняет сообщение ложных либо неточных данных, отстаивание занятой позиции, убеждает в бесплезности попыток введения следствия в заблуждение. Это подтверждается данными интервьюирования осужденных: в 17% случаев неожиданностью для них явился круг привлеченных к участию в следственных действиях лиц.

В качестве привлекаемых в указанных целях лиц могут выступать специалисты, уважаемые или авторитетные для подозреваемого лица. По факту обвала на одной из шахт, повлекшего человеческие жертвы, следователь провел допрос подозреваемого с участием специалиста - мастера Н., хорошо знающего шахтное дело. Подозреваемый, ранее уже допрошенный и давший ложные показания, войдя в кабинет следователя и увидев известного специалиста, понял бесплезность своих намерений и назвал настоящую причину обвала.

Вариантом преодоления противодействия расследованию может служить изменение тактики проведения следственного действия. Например, при допросе это заключается в перемене предмета разговора, отступлении от логической последовательности обсуждения эпизодов и фактов преступной деятельности, переходе от постановки вопросов к изложению картины совершенного преступления, использовании ранее непредъявлявшихся доказательств и т.д. Все это затрудняет переключение внимания подозреваемого, создает для него дефицит времени на обдумывание поступков следователя, анализ взаимосвязи и логики совершаемых действий, лишает возможности придерживаться избранного способа, линии противодействия расследованию. Результатом этого, как правило, являются улики поведения - проговорки, сообщение противоречивых данных и др. Цель следователя при использовании этого приема, как уже отмечалось, не просто попытка «поймать» противодействующее расследованию лицо на неточностях и оговорках, а создать обстановку, убеждающую его в бесплезности попыток

ввести следствие в заблуждение, и на этой основе получить доказательственную информацию по расследуемому факту.

С. подозревался в убийстве, но свою вину отрицал. Готовясь к очередному допросу, следователь подробно изучил биографические данные С. и установил, что он воевал, был хорошим стрелком. На допросе следователь, не касаясь обстоятельств убийства, сосредоточил внимание С. на фронтовом периоде жизни, успехах в стрельбе. Когда С. увлекся воспоминаниями, вышел из состояния настороженности и стал рассказывать о том, что он стрелял без промаха, следователь неожиданно спросил его: «Если Вы такой хороший стрелок, то зачем стреляли в В. два раза?» С. сразу же ответил: «Я думал, что промахнулся». Затем спохватился и замолчал, но, поняв, что отказываться от сказанного поздно, дал правдивые показания, которые помогли получить другую доказательственную информацию об обстоятельствах совершенного преступления (283,180).

Примером успешного и тактически грамотного использования имеющейся доказательственной информации, обеспечивающей достижение эффекта внезапности, может служить расследование одного уголовного дела о взяточничестве. Госторгинспектор М. отрицал факт получения взяток от торгового работника П. Детализируя обстоятельства, следователь установил, что одна из взяток была передана М. в его квартире во время беседы, проходившей в присутствии отца. Последний в разговоре рассказал, что он ранее работал продавцом в хлебном магазине. На допросах отец и сын отрицали не только получение взятки от П., но и встречу с ним. Проверкой пенсионного дела отца было установлено, что данных о работе его в торговле не имеется. Следующий допрос отца был проведен под видом проверки правильности и полноты сведений, содержащихся в пенсионном деле. М. не скрывал своей трудовой деятельности и указал, что несколько месяцев работал в хлебном магазине. После этого следователь огласил ему выдержку из показаний П. и предложил объяснить осведомленность последнего о работе в торговле. Постановка этого вопроса оказалась для свидетеля (отца) настолько неожиданной, что он не смог найти приемлемого объяснения показаниям П. и рассказал о встрече с ним в квартире сына.

Достичь эффекта неожиданности возможно как путем использования какого-либо одного из описанных факторов, так и на основе их комбинации (например, факторов времени и места, характера проводимого действия и круга привлекаемых лиц), позволяющей повысить гарантию результата (обеспечение внезапности). Необходимость комбинационного использования приемов внезапности возникает тогда, когда поставленную задачу нельзя решить проведением отдельных действий. Приемы, составляющие комбинацию, могут использоваться как последовательно, один за другим, так и одновременно.

Внезапность может быть достигнута путем применения комбинации приемов, состоящих в:

а) сочетании тактических приемов в рамках одного следственного действия (например, использование при допросе приемов отвлечения, неожиданной постановки вопросов, предъявления доказательств и т.д.);

б) одновременном производстве следственных действий в нескольких местах, по отношению к нескольким лицам (например, обысков у соучастников с целью упреждения сокрытия или уничтожения доказательственной информации) либо проведении их в определенной последовательности, не расщепленной во времени.

Внезапным может оказаться любой «старый», т.е. известный противодействующему лицу прием, если он применен умело, не шаблонно, творчески. Шаблон противоречит самой сути внезапности. Следственной практике известны многие примеры того, когда простое копирование успешно примененных приемов и способов не обеспечивало необходимую внезапность. Объясняется это тем, что преступники ловко приспосабливаются к стереотипным методам работы и нередко оказываются изобретательными в сокрытии своих преступных действий. Поэтому добиться внезапности можно при условии новаторского подхода к ним следователя, что требует от него высокого профессионального мастерства и глубокого знания мотивации поступков, возможностей и особенностей прогнозирования действий противоборствующей стороны, складывающихся при этом ситуаций, средств соответствующего реагирования и воздействия.

Неожиданным может быть и использование результатов ранее проведенных следственных действий, зафиксированных с применением технико-криминалистических средств. Так, воспроизведение во время допроса показаний ранее допрошенного лица, записанных на магнитную ленту, нередко оказывает на допрашиваемого большое психологическое воздействие, ибо звукозапись (как и видеозапись) несет в себе информацию не только о содержании зафиксированных с ее помощью показаний, но и о том, каким тоном, кем, в какой обстановке и в какой связи с предыдущим это сказано. Иными словами, здесь на допрашиваемого воздействует эмоциональная окраска услышанных показаний, подкрепляемых, если воспроизводится видеозапись, увиденным, что не может быть при иной форме предъявления доказательств. Кроме того, звукозапись, киносъемка и видеозапись могут выступать объективным регистратором допущенных проговорок, неуправляемых действий, свидетельствующих о преступной осведомленности лиц. Если подозреваемый проговорился, когда вопрос, заданный ему, был неожиданным для него, то это моментально фиксируется на магнитный носитель, и лицу трудно отрицать свою осведомленность, искать разумные объяснения сказанному.

Т., признавая свою вину в убийстве родного брата, труп которого был обнаружен с привязанной к нему бетонной глыбой в море, категорически отрицал участие в преступлении еще кого-либо. На допросе, сопровождавшемся магнитофонной записью, Т. спросили, где была найдена бетонная глыба, привязанная к трупу. Вопрос был неожиданным, и Т. машинально сказал: «Я не видел, где он ее нашел», чем выдал участие в убийстве еще одного человека. Поняв, что проговорился, Т. стал заявлять, что он не так сказал, но, прослушав фонограмму допроса, признался, что в сокрытии трупа ему помогал его товарищ (284,123).

В ряде случаев эффект внезапности может быть достигнут в результате использования благоприятных сопутствующих обстоятельств, которые могут возникнуть, например, когда в процессе производства следственного действия что-то оказывается необычным для участвующего в нем лица. Возникновение такой ситуации, не планировавшейся следователем, должно использоваться для решения стоящих перед ним задач.

В основе тактических приемов обеспечения внезапности лежит использование психических состояний противодействующих расследованию лиц. Следует различать индивидуальные психические особенности, присущие конкретному человеку, и состояния, вызываемые необычной обстановкой, действием различных факторов.

Нормальное состояние человека характеризуется тем, что лицо не предполагает и не ожидает какой-либо угрозы своему положению, интересам и на любое неожиданное для него явление, событие реагирует как бы изначально, в соответствии с особенностями своей психической структуры. Совершенно иные ситуации и реакции будут тогда, когда человек предполагает возможность наступления каких-либо событий, благоприятных либо неблагоприятных для него. Степень реакции в этих случаях зависит от очень многих факторов: значимости возможных последствий, полноты осведомленности об их характере, продолжительности, времени ожидания их наступления и т.д.

Психическое состояние лиц, совершивших преступление, обусловлено этим фактом и характеризуется в основном отношением к последствиям своего разоблачения - от безразличия до раскаяния. К числу психических состояний, характерных для противодействующих расследованию лиц и подлежащих учету при реализации приемов внезапности, относятся напряженность, успокоенность, отвлеченность, безразличие.

Особая роль при подготовке следственных действий и операций с использованием внезапности принадлежит изучению и учету условий, в которых будет осуществляться реализация этих действий: способ проникновения в помещение, порядок использования намеченных материалов и объектов, характер возможных негативных последствий, способы их локализации, запасные варианты действий при неожиданном повороте событий и т.д.

Необходимо помнить, что срыв намеченного, особенно по причинам организационной нечеткости, как правило, раскрывает планы следователя и устраняет возможность достижения внезапности в Дальнейшем.

При решении вопроса о внезапном проведении обыска в утренние часы работниками одного из райотделов города не были предусмотрены возможные осложнения обстановки и меры, направленные на их нейтрализацию. Когда они позвонили в квартиру, где предстояло производить обыск, хозяйка открыла дверь лишь после долгих и громких препирательств. На этой же лестничной клетке жила ее близкая подруга. Разбуженная громкими голосами, она поняла, что к соседке пришли с обыском работники милиции. Желая помочь подруге и помешать производству обыска, она позвонила дежурному по городу и сообщила, что в квартиру ее соседей ворвались вооруженные грабители. Прибывшая на место оперативная группа задержала работников милиции, проводивших обыск. Поскольку у дома не был выставлен наружный пост и участники обеих оперативных групп не знали друг друга, на выяснение вопроса, кто задержан, ушло определенное время, которым преступница воспользовалась для того, чтобы избавиться от улик.

Каждый мельчайший элемент организации фактора внезапности должен быть всесторонне продуман и оценен следователем. Так, следователь планирует обеспечить внезапность предъявления доказательств в ходе допроса. Как и каким образом они должны появиться? Достать из стола или сейфа либо прикрыть, расположив на столе? Пауза (если следователь не отвлечет внимание подозреваемого) в период извлечения объектов из стола или сейфа может послужить для допрашиваемого сигналом готовности, т.е. мобилизации, устраняющей или снижающей эффект неожиданности, нахождение предмета под прикрытием может, с одной стороны, быть сигналом мобилизации, с другой стороны, - фактором дестабилизации психического состояния. Поэтому следователь с учетом личности допрашиваемого, характера имеющейся в его распоряжении доказательственной информации должен заранее определить и решить, какой аспект для него наиболее важен и желателен, а следовательно, предусмотреть организацию и использование именно его.

Как уже отмечалось, в литературе отражены многочисленные споры о правомерности и допустимости использования фактора

внезапности, но практически нет методических рекомендаций о его применении в процессе раскрытия и расследования преступлений.

На вопрос о том, какие причины мешают использованию фактора внезапности, опрошенные следователи ответили следующим образом:

- а) применение противоречит нормам закона и морали - 1,8%;
- б) не обеспечивает решения задач следствия - 3,7%;
- в) отсутствуют соответствующие условия (силы, средства, время) - 28%;
- г) отсутствуют рекомендации по осуществлению приемов реализации внезапности - 66,5%.

Поскольку применение фактора внезапности - реальность следственной практики, следователь, во-первых, должен быть уверен в правомерности используемых им средств деятельности, во-вторых, готов во всеоружии к законному и тактически грамотному их использованию.

Высокий профессионализм и мастерство, требующиеся для творческого подхода к выбору и осуществлению тактических приемов реализации внезапности, обуславливают необходимость целевого обучения приемам достижения внезапности в системе юридических учебных заведений. Для этого необходимы не только включение данного вопроса в программы и планы учебных занятий, но и разработка методики отработки этих приемов на практических занятиях. Здесь недостаточно решения ситуационных заданий, когда требуется (может быть, путем перебора достаточного количества вариантов) найти ответ на поставленный вопрос. Тут требуется организация «тактической игры», когда нужно «переиграть своего противника» в условиях достаточно сложной ситуации. Например, перехитрить, заставив проговориться об известном. Учить таким приемам мы еще не научились в достаточной мере. Но именно они необходимы для того, чтобы сложные практические приемы типа внезапности становились реальным достижением будущих и настоящих следователей и оперативных работников.

3. Тактика повторного следствия

В процессе расследования преступлений следователю нередко приходится повторно выполнять работу, направленную на решение тех вопросов и задач, которые ранее не удалось разрешить или были решены неправильно. Объем, содержание и форма повторной работы могут быть самыми различными: проведение расследования по ранее приостановленному или прекращенному делу, повторное проведение следственного действия, использование новых средств для получения необходимой информации и т.д. Все это может иметь место по любым категориям дел и на любой стадии их расследования (как первоначального, так и после возобновления производства по делу, независимо от оснований возобновления).

Повторное выполнение следователем работы по уголовному делу характеризуется совокупностью особенностей организационного, психологического и тактического плана, которые следователь должен знать и учитывать для достижения желаемого результата. Сущность повторного выполнения работы определяется необходимостью анализа и учета ранее полученной информации, выявления допущенных ошибок и упущений, выбора новых средств, приемов и способов осуществления намеченных мер.

Эти особенности и обусловленная ими необходимость своеобразного образа действий в новых условиях (применительно к складывающимся ситуациям) позволяют, на наш взгляд, говорить о тактике повторного следствия как в масштабе повторного выполнения работы по делу в целом, так и в отношении отдельных следственных действий.

Мы допускаем, что термин «тактика повторного следствия» может вызвать возражения, что правильнее говорить о тактике повторного либо дополнительного расследования. Но тем не менее сочли необходимым и возможным оставить его по следующим основаниям.

Первое. Термин «расследование» характеризует определенный этап процессуальной деятельности органов уголовного судопроизводства, и в этих рамках речь идет не о тактике расследования, а о тактике следствия, т.е. о тактических приемах, используемых для

решения задач расследования. Нас же интересуют именно эти вопросы применительно к определенной ситуации - повторному выполнению работы в процессе расследования преступлений. Кроме того, термин «расследование» принято соотносить с работой по делу в целом, а мы считаем, что тактика повторного следствия должна охватывать не только особенности повторного выполнения работы по делу в целом (например, при расследовании возобновленного производством приостановленного уголовного дела), но и тактику повторного осуществления отдельных следственных действий, в том числе и в процессе первоначального расследования.

Второе. Термин «дополнительное расследование» также не отражает существа рассматриваемого вопроса как в силу уже отмеченных обстоятельств, так и по той причине, что дополнение ранее осуществленного по делу не означает обязательную ревизию предшествующего. Повторное же выполнение работы (именно повторение, так как первоначально было сделано неправильно или не был достигнут необходимый результат) характеризуется тем, что ее нужно выполнять иначе - используя, как правило, новые средства или новые тактические приемы. Эти особенности и должны, на наш взгляд, рассматриваться применительно к тактике повторного следствия.

Однако вопросам повторного следствия уделяют внимание в основном лишь в связи с исследованием особенностей расследования нераскрытых преступлений прошлых лет. Повторность следственных действий анализируется, как правило, в слишком узком аспекте (причины, возможности повторного проведения, определяемые природой и сущностью следственного действия). Вопросы же тактики повторного следствия в криминалистике недостаточно изучены и разработаны, что не может не отражаться на качестве и результатах работы по расследованию преступлений. Все это ставит задачу научной разработки проблем тактики повторного следствия, что позволит не только вооружить следователей знанием особенностей работы в указанных условиях, но и с учетом причин, определяющих необходимость повторного проведения работы, осуществлять конкретные и действенные меры их устранения или локализации.

Повторное выполнение работы имеет место в следующих основных случаях:

- а) при возобновлении производства по приостановленному уголовному делу;
- б) при возобновлении расследования в связи с отменой постановления о прекращении уголовного дела;
- в) при возвращении судом или прокурором уголовного дела для дополнительного расследования;
- г) при отмене приговора в порядке надзора и направлении дела на новое расследование;
- д) при повторном проведении следственных действий в процессе расследования.

Применительно к каждой из этих групп могут быть указаны подгруппы, основания выделения которых будет определять характер и особенности повторного следствия. В качестве таковых могут выступать основания приостановления или прекращения уголовных дел и соответственно основания их возобновления, причины и основания повторного проведения следственных действий и т.д.

Но все эти группы объединяет то, что при повторении работы необходимо учитывать результаты первоначально осуществленной, изыскивать возможности для восполнения пробелов и исправления допущенных ошибок, то есть использовать новые средства или тактические приемы в целях получения требуемой информации для установления объективной истины по делу.

Р.С.Белкин и А.И.Винберг совершенно правильно, на наш взгляд, подчеркивают, что одной из задач криминалистики является «определение (с помощью тактики) наиболее эффективных для данной ситуации приемов и средств обнаружения доказательств» (285,36).

Повторное проведение работы как в целом, так и в более частных вариантах, представляется нам разновидностью именно таких ситуаций. И, следовательно, необходимо исследовать причины и закономерности их возникновения, а также особенности тактики производства расследования в этих условиях.

По характеру проявления особенности тактики повторного следствия можно разграничить на три основные группы:

а) общие особенности тактики повторного следствия, обусловленные самим фактом повторного осуществления работы;

б) особенности тактики повторного следствия, определяемые причинами и основаниями повторного выполнения работы;

в) особенности тактики повторного производства следственных действий.

В соответствии с этим задача разработки тактики повторного следствия заключается в выявлении и формулировании таких особенностей и внесении на этой основе четких рекомендаций по наиболее эффективным приемам и методам проведения повторного следствия.

К первой группе, на наш взгляд, относятся те особенности, которые являются общими для всех случаев повторного выполнения работы по делу и характеризуют в целом условия ее осуществления, независимо от объема повторяемой работы, причин и оснований, обуславливающих необходимость повторения, категорий дел и т.п. В их числе следует отметить:

- наличие информации и определенных результатов по итогам первоначально выполненной работы;

- наличие и характер информации, полученной к моменту принятия решения о повторном выполнении работы;

- необходимость и особенности анализа и оценки всей имеющейся информации;

- психологическую характеристику отношения к самому факту повторного выполнения работы всех повторно участвующих лиц;

- выбор надлежащих средств и соответствующих тактических приемов (с учетом невозможности в ряде случаев повторного проведения отдельных действий или использования предыдущих приемов их осуществления);

- необходимость учета действия определенных факторов (например, фактора времени) и т.д.

Эти особенности, разумеется, существуют не только сами по себе, но проявляются и конкретизируются в особенностях двух других указанных групп.

Особенности второй группы обусловлены и связаны с причинами и основаниями повторного следствия, которые определяют как необходимость повторного выполнения работы, так и ее цели, содержание и объем. Например, будут различны цели и объем работы по делу, возвращенному для дополнительного расследования в целях выяснения или уточнения отдельных обстоятельств, и делу, возобновленному производством из числа нераскрытых преступлений прошлых лет.

Применительно к этой группе речь должна идти о таких вопросах, как объем и характер организационных мероприятий в зависимости от конкретной ситуации, особенностей планирования, возможностей отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в решении возникших задач и т.д. Так, при работе по уголовному делу, возвращенному для дополнительного расследования или в связи с отменой приговора в порядке надзора, исключительно важным и существенно влияющим на тактику следствия будет то обстоятельство, что следователю придется иметь дело с обвиняемыми, которым хорошо известны материалы первоначального расследования.

К третьей группе следует отнести особенности, характеризующие как общие условия и порядок повторного производства следственных действий, так и те, которые связаны с природой отдельных следственных действий.

Если повторение работы по делу, как правило, будет в значительной мере направлено на поиск новых средств и источников, то повторение следственного действия - это, прежде всего, выбор новых тактических приемов для достижения тех целей, которые ставятся при его производстве.

Применительно к следственным действиям повторность (в психолого-тактическом аспекте), на наш взгляд, должна рассматриваться распространительно. А именно: не только как повторение следственного действия для решения тех задач, которые стояли при

первоначальном проведении (например, повторный допрос), но и неоднократное производство какого-либо следственного действия по расследуемому делу с несколькими лицами или в отношении нескольких объектов (например, проверка и уточнение на месте показаний нескольких подозреваемых).

Возможность и необходимость такой постановки определяется тем, что в данных ситуациях имеется целый ряд обстоятельств, определяющих специфику тактики проведения следственных действий. Это и особенности организационного обеспечения производства следственных действий (например, вопрос о составе понятых), и необходимость уточнения и изменения тактических приемов производства следственного действия (например, при проведении очной ставки между свидетелем и несколькими подозреваемыми), и особенности психологического отношения к повторению следственного действия (так, участник следственного действия, уяснив цель его производства или осознав результаты, может изменить свою позицию, а лицо, осуществляющее следственное действие, может ослабить контроль, трансформировать ход и результаты однотипных операций, вплоть до фиксации в протоколе последующего следственного действия тех деталей и нюансов, которые имели место в момент производства предшествующего) и т.д.

Мы предвидим, что данный тезис может вызвать возражения, но считаем правомерной такую постановку вопроса, ибо тактика повторного следствия представляется нам не чем-то обособленным от криминалистической тактики вообще, а ее составной частью, дополнением и развитием. И на данном этапе, пока надлежащим образом не обобщен практический опыт и не выработаны соответствующие рекомендации, считаем необходимым и допустимым максимально четкое ограничение и распространительное толкование термина «тактика повторного следствия». В дальнейшем, очевидно, многие из положений, которые сейчас следует отнести к тактике повторного следствия, найдут свое достойное место в соответствующих темах раздела криминалистической тактики.

Одним из важнейших вопросов рассматриваемой темы является вопрос о причинах, обуславливающих необходимость повторного выполнения работы. В настоящее время при анализе причин не-

раскрытия отдельных преступлений отмечают обычно две группы:

а) объективные - обстоятельства, затрудняющие установление характера происшедшего события и виновных лиц (например, совершение преступления в безлюдном месте, отсутствие доступных имеющимся средствам выявления или уничтожение следов преступления и т.д.)!

б) субъективные - упущения и ошибки лиц, проводивших расследование, не позволившие установить истину по делу (например, недоброкачественный осмотр места происшествия, неполнота выживания версий и т.д.).

Для характеристики причин повторного выполнения работы в интересующем нас плане двух указанных групп недостаточно.

При повторении работы по делу в целом причиной может быть нарушение процессуальной формы, различие в оценке каких-либо фактов органом расследования и т.д.

Необходимость повторного производства следственного действия может диктоваться не только недостижением результата в силу объективных трудностей или упущений, но и тактическими соображениями.

В настоящее время, когда речь идет о повторном производстве следственных действий, как правило, говорят о том, что это крайне нежелательное явление, результат допущенных ошибок и пр.

Да, повторное производство следственных действий, связанное с недоброкачественным их осуществлением, не должно иметь места, ибо это не только брак в работе, но и весьма значительная трата средств (в масштабе государства), подрыв авторитета органов, ведущих борьбу с преступностью (286,46).

Но при этом мы не должны игнорировать то обстоятельство, что нередко следователь **не только может, но и** по тактическим соображениям **должен** (чтобы не допустить ошибку, которая затруднит или сделает невозможным установление истины) планировать повторение следственного действия. Например, когда следователь не располагает необходимой и достаточной информацией для избличения потенциального подозреваемого, но для уточнения его позиции и аргументов должен допросить данное лицо.

Кроме того, для правомерного повторения следственных действий есть и такие основания, как закономерности восприятия явлений и способности человека сохранить и передать об этом информацию в различные временные отрезки. (287,192-193).

В связи с этим можно и нужно, на наш взгляд, вести речь о том, что тактика повторного производства следственного действия должна определяться и формироваться уже в период подготовки и осуществления первоначального следственного действия.

Таким образом, выявление особенностей в организации и тактике повторного выполнения следственной работы стало, на наш взгляд, назревшей и настоятельной необходимостью. Для этого требуется глубокое и всестороннее изучение практики, осмысливание уже имеющегося опыта, который не получил надлежащего отражения в криминалистической литературе.

1. Криминалистическая характеристика преступлений

Состояние и условия борьбы с современной преступностью поставили перед криминалистикой ряд новых задач. Наиболее существенны они в области криминалистической методики, так как именно здесь отмечается основное отставание уровня научно-методических рекомендаций от насущных потребностей практики. Это, прежде всего, отсутствие методик расследования новых или значительно видоизменившихся преступлений. В связи с этим вновь встает вопрос о месте и роли отдельных теоретических концепций в формировании и совершенствовании криминалистической методики. В их числе криминалистическая классификация преступлений, теория прогнозирования, криминалистическая характеристика преступлений и т.д.

В истории отечественной криминалистики за последние сто лет можно отметить три периода, в которые преимущественное внимание уделялось последовательно вопросам криминалистической техники, затем криминалистической тактики и, наконец, криминалистической методики. Такое «отставание» методики объясняется, в частности, тем, что она является средоточием и реализацией положений предшествующих разделов криминалистики, и без их предварительного развития она не могла стать предметной, а ее рекомендации содержательно значимыми. Но когда началось расширенное исследование проблем криминалистической методики, вскоре обнаружилось, что направления и формы разработки частных методик расследования страдают определенными изъянами, а методические рекомендации несовершенством. Анализ причин этого показал, что отмеченное в значительной мере связано с тем, что криминалистический анализ преступлений, который осуществлялся с целью разработки рекомендаций по расследованию, обычно заменялся изложением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных аспектов характеристики от-

дельных видов преступлений. Методические рекомендации, разработанные на такой основе и без учета криминалистически значимых признаков преступлений, не отличались достаточной конкретностью и поэтому в определенной мере не соответствовали потребностям следственной практики. Для исправления этого положения родилась идея криминалистической характеристики преступлений (288,100).

Первыми к понятию криминалистической характеристики преступлений обратились А.Н.Колесниченко и Л.А.Сергеев (289;290). Большое внимание данной проблеме уделили Р.С.Белкин, А.Н.Васильев, И.А.Возгрин, В.К.Гавло, И.Ф.Герасимов, В.Е.Коновалова, В.А.Образцов, М.В.Салтевский, Н.П.Яблоков и многие другие. Однако до сих пор единства взглядов по понятию, содержанию и значению этой категории нет.

Криминалистическую характеристику преступлений обозначают как:

- а) информационную модель типичных **признаков** определенного вида (группы) преступлений (291,310;292,38);
- б) вероятностную **модель события** (293,688);
- в) систему **данных** (сведений) **о преступлении**, способствующих раскрытию и расследованию (294,366; 295,144);
- г) систему обобщенных фактических **данных, знание которых** необходимо для организации раскрытия и расследования преступлений (296,273);
- д) систему **особенностей** вида преступлений, имеющих значение для расследования (297,333);
- е) систему **описания** криминалистически значимых признаков преступлений с целью обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений (298,324) и т.п.

В той или иной степени во всех определениях криминалистической характеристики отмечаются:

- совокупность обобщенных данных о признаках определенного вида преступлений;
- установление и учет закономерных взаимосвязей между этими данными;

- предназначенность для использования в расследовании конкретных видов преступлений.

В связи с этим возникает вопрос: Разве раньше для обеспечения расследования преступлений не проводились обобщения практики? Разве в этих целях не использовались данные о способах совершения преступлений, их следах, характеристике личности преступника и т.п.? Учет элементов, относимых теперь к криминалистической характеристике преступлений, осуществлялся при разработке частных методик с момента их зарождения (299;36). Так в чем же тогда новизна предложенной категории? (300). На наш взгляд, во-первых, в том, что в систему данных о преступлении включаются лишь криминалистически значимые признаки (не любые, не одинаковые для всех видов преступлений, а только те, которые в рамках определенного вида (группы) могут способствовать раскрытию и расследованию преступлений этого вида), во-вторых, эти данные берутся и работают не сами по себе, а через выявленные их закономерные взаимосвязи - что (действия, орудия, следы и пр.), с чем связано, каким именно образом, что за чем следует, что и с помощью чего может быть выявлено и установлено и т.д. Практически это заключается в том, что при расследовании конкретного преступления сопоставление имеющихся о нем данных (что, где, когда, каким образом, при каких обстоятельствах и т.д.) с системой обобщенных сведений о ранее расследованных преступлениях этого вида позволяет выделить аналогичные по совпадающим криминалистически значимым признакам преступления и на этой основе определить - чем ранее характеризовались пока еще неизвестные в данном расследовании обстоятельства. Чаще всего не известно бывает - кто совершил преступление. И тогда на основе обобщенных данных о том, кто ранее совершал такие преступления подобным образом, имеется возможность установить достаточно конкретное направление поиска виновного. Разумеется, это не будет конкретика данных о личности преступника, но это будет характеристика определенной (узкой или широкой) группы людей (судимые, несовершеннолетние и т.д.), среди которых нужно искать подозреваемого. Это весьма наглядно иллюстрирует следующий пример. При расследовании убийства женщины, совершенного зверским способом

с последующим глумлением над телом жертвы, были установлены пять преступников, которые сразу же сознались в содеянном и пытались «ускорить» расследование. Это удивило следователя и он обратился к материалам обобщения практики расследования убийств Л.Г.Видонова (301), установив при этом, что подобным способом убийства совершают, как правило, дебилы или многократно судимые. Среди подозреваемых таких не было. Произвели детальное изучение их окружения. Дебилов в нем не установили, но было несколько неоднократно судимых. Один из них оказался шестым и наиболее активным соучастником - инициатором совершения убийства (302,18).

Наиболее предметно и точно отражающим сущность криминалистической характеристики преступлений нам представляется определение А.Н.Колесниченко и В.Е.Коноваловой - *как системы сведений о криминалистически значимых признаках преступлений одного вида, отражающих закономерные связи между ними и являющихся основой для расследования конкретных преступлений (303,7-9)*, а в концентрированном виде В.А.Журавля - *как информационной модели, в которой на статистическом уровне отражены корреляционные связи ее элементов (304,63)*.

С нашей точки зрения, криминалистическую характеристику преступлений можно определить как систему обобщенных данных о наиболее типичных признаках определенного вида (группы) преступлений, проявляющихся в способе и механизме деяния, обстановке его совершения, личности субъекта преступления, иных обстоятельствах, закономерная взаимосвязь которых служит основой научного и практического решения задач раскрытия и расследования преступлений.

С учетом отмеченного в криминалистической характеристике преступлений необходимо четко разграничивать:

- а) теоретическую концепцию, как основу формирования частных методик расследования преступлений;
- б) рабочий инструмент расследования, как систему собранных и обобщенных данных о криминалистически значимых признаках определенного вида (группы) преступлений.

Очевидно, именно это имеет в виду В.Я.Колдин, когда говорит о типовой криминалистической модели преступной деятельности, под которой понимает «информационную систему, построенную на основе обобщения представительного массива уголовных дел определенной категории» (41,67).

По теории криминалистической характеристики преступлений имеется множество литературы, но это лишь подходы и основа для разработки рабочего инструментария расследования. А вот в этом направлении пока практически ничего не сделано (319,8). Все говорят и пишут о том, какие возможности предоставляет криминалистическая характеристика для раскрытия и расследования преступлений. Однако никто предметно не занимается созданием таких систем данных о признаках конкретных видов преступлений, хотя сейчас компьютерная техника позволяет не только накапливать эти данные, но и отслеживать их закономерные взаимосвязи, являющиеся выражением практического смысла и назначения данной категории (305). Р.С.Белкин отмечает: «Криминалистическая характеристика как целое, как единый комплекс, имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимости между ее элементами, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях. Данные об этих зависимостях могут служить основанием для построения типичных версий по конкретным делам. В этом и только в этом, на наш взгляд, заключается практическое значение криминалистической характеристики» (76,316). Без этого - без данных, отражающих закономерные взаимосвязи признаков определенного вида преступлений - криминалистическая характеристика будет оставаться нереализованной теоретической концепцией криминалистики.

В связи с понятием и назначением криминалистической характеристики возникает вопрос: существует ли таковая применительно к единичному преступлению, что утверждают отдельные авторы? А.А.Фокина объясняет это следующим образом: «Правомерно ли говорить о криминалистической характеристике конкретного преступления? Безусловно, поскольку конкретное преступление - единица совокупности, именуемой видом (родом) преступлений... Криминалистическая характеристика рода (вида) прес-

тупления - лишь результат анализа множества единичных преступлений» (306,18). Как сумма обобщенных данных криминалистическая характеристика, разумеется, складывается из «входящих в нее единиц», но функционального назначения, которое должно быть присуще криминалистической характеристике, единичное иметь не может. Поэтому применительно к данным о единичном преступлении, по нашему мнению, правильней говорить о его описании.

Приближением к практической модели криминалистической характеристики преступлений является система данных Л.Г.Видонова, отражающая результаты обобщения большого массива расследованных уголовных дел об убийстве (307).

Практическую работоспособность данных Л.Г.Видонова можно (помимо уже приведенного примера) проиллюстрировать следующим. Расследование уголовного дела об убийстве зашло в тупик, когда следователю стало известно об этой работе. Ознакомившись с ней, он нашел соответствующую по основным признакам группу преступлений, аналогичных расследуемому. Данные указывали, что таким образом совершали преступления несовершеннолетние. С учетом этого основное внимание было уделено поиску подозреваемых среди несовершеннолетних. И в скором времени они были установлены, причем из числа несовершеннолетних, ранее проявившихся на причастность к совершению данного убийства. Дело в том, что первоначально при проверке множества групп и лиц, не была обеспечена достаточная тщательность проверки. Когда же направление поиска определилось, результат был быстро достигнут. Естественно, если бы следователь с самого начала работы по делу был вооружен такими исходными данными, т.е. практической частью криминалистической характеристики убийств, это преступление было бы раскрыто оперативно и быстро, а не через год с лишним.

Именно в отмеченном - в возможности раскрытия нового преступления с учетом обобщенных данных об аналогичных ранее расследованных - и состоит практическое инструментальное значение рассматриваемой категории.

В литературе встречается критика данных Л.Г.Видонова. Дейс-

твительно, его данные оставляют возможность для замечаний: ограниченность масштаба обобщения, региональная узость исследованного материала и т.д. Но, во-первых, это исследование пионерское, пробное, во-вторых, оно осуществлено в тот период, когда теоретические основы криминалистической характеристики еще не были сформулированы. Поэтому следует не критиковать эту первую попытку формирования базы данных криминалистической характеристики убийств, а развивать начатое с учетом необходимой корректировки как применительно к убийствам, так и в отношении всех иных видов преступлений.

Разумеется, обобщенные данные вида (группы) преступлений не могут выступать в качестве универсального стопроцентного средства раскрытия преступлений, поскольку они - отражение типичного, а каждое вновь совершенное преступление - это индивидуальность, которая в ряде случаев может не иметь аналогов в прошлом. Но все-таки типичного, повторяющегося значительно больше и именно благодаря этому существует сама криминалистическая методика. Поэтому данные криминалистической характеристики призваны и будут оказывать помощь в большинстве случаев расследования конкретных преступлений, когда наличествуют закономерности типичного.

Одним из наиболее дискуссионных в теории криминалистической характеристики преступлений является вопрос о количественном и качественном составе ее элементов, т.е. криминалистически значимых признаках, которые должны составлять ядро криминалистической характеристики.

Л.А.Сергеев, одним из первых исследовавший криминалистическую характеристику преступлений, выделил следующие ее элементы: особенности способов и следов преступления; обстановку совершения преступления; данные, характеризующие участников преступления; объект покушения (308,43). Другими авторами указывается от 4 до 10 и более элементов.

К четырем основным элементам криминалистической характеристики преступлений, встречающимся практически у всех авторов, исследующих эту проблему, относятся:

предмет преступного посягательства,
способ совершения преступления,
следовая картина происшествия,
характеристика преступника.

Кроме этого указывают еще самые различные элементы:
классификацию преступлений (А.Н.Колесниченко),
обстановку и обстоятельства совершения преступления
(Н.А.Селиванов, В.Г.Танасевич, Н.П.Яблоков),
следственные ситуации (А.Н.Васильев, С.И.Винокуров,
А.Г.Филиппов),
круг обстоятельств, подлежащих выяснению (Н.П.Яблоков),
распространенность и общественную опасность преступле-
ния (И.Ф.Герасимов, В.А.Ледащев),
мотивы совершения преступлений (И.А.Возгрин).

В связи с этим Р.С.Белкин пишет: «Следует ли включать в та-
кую характеристику все то, что предлагается? Не окажется ли в
этом случае, что криминалистическая характеристика подменяет
собой фактически ряд других структурных элементов частной кри-
миналистической методики?» (76,312).

Эти и другие элементы-признаки безусловно характеризуют
преступление и его совершение, но с позиции практического назна-
чения криминалистической характеристики они должны разграни-
чиваться на две группы:

а) признаки, составляющие всестороннюю характеристику оп-
ределенного вида преступлений, позволяющую отличать его осо-
бенности от иных видов преступлений,

б) признаки, способные и призванные выполнять функцию
обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

К элементам первой группы следует отнести классификацию
преступлений, их распространенность и общественную опасность,
круг обстоятельств, подлежащих выяснению, и им подобные, кото-
рые необходимы для общей видовой характеристики преступле-

ний, для ориентации в работе по расследованию, но не являются рабочим инструментом раскрытия и расследования преступлений.

С учетом отмеченного мы считаем, что к содержанию криминалистической характеристики преступлений, как практическому инструменту расследования, а не научной категории криминалистики, должны быть отнесены только те элементы, которые отличаются четкой поисково-розыскной направленностью. Поэтому мы согласны с теми авторами, которые относят к элементам общей криминалистической характеристики указанные четыре основных.

При этом следует отметить, что эти элементы не могут рассматриваться в качестве единой и неизменной системы для всех видов преступлений. Это наиболее типичный выбор криминалистически значимых признаков, призванных обеспечивать служебную функцию криминалистической характеристики. Но применительно к отдельным видам преступлений этот набор может видоизменяться - сокращаться и расширяться. Так, при убийстве, изнасиловании, клевете и т.п. не будет предмета посягательства в «чистом виде», а то, что связано с жертвой преступления (из значимого для раскрытия - пол, возраст, поведение и пр.) найдет отражение в данных о способе совершения преступления либо дополнительном элементе - характеристике личности потерпевшего, там, где это будет существенно необходимо. Для большинства преступлений против государства дополнительным элементом будет связь с деятельностью иностранных разведок и другими преступлениями (например, контрабанда - нарушение границы).

Следует также уточниться с содержанием отдельных элементов. Например, рядом авторов помимо способа совершения преступления в качестве элемента характеристики указывается способ сокрытия преступления. Это разночтение, на наш взгляд, проистекает из того, что одни авторы рассматривают способ совершения преступления как единство действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, другие исходят из определенной самостоятельности этих составляющих деятельности преступника. Встречаются высказывания, когда предмет посягательства подменяется объектом посягательства. Но для криминалистической характеристики это не равнозначные понятия. Например, при краже объект

посягательства - это право собственности, имущество, а предмет - конкретные вещи, ценности и т.п. Первое (объект) в розыском (установительном) плане практически не действует, а второе (предмет, данные о нем) конкретно способствует определению направлений для розыска преступника, ибо для каждой их категории будет характерна своя природа интереса к тем или иным предметам и вещам (так, несовершеннолетний при краже чаще всего может выбрать из имеющегося наличия не самое ценное, а яркое, необычное).

Поскольку функциональное назначение криминалистической характеристики преступлений - обеспечение раскрытия и расследования - не вызывает сомнений, а ее теоретические основы в целом разработаны, настала пора перейти к созданию ее практической части, так как криминалистическая характеристика станет рабочим инструментом расследования только тогда, когда предстанет в виде системного обобщения данных расследования значительного массива уголовных дел по каждой отдельной категории преступлений с установлением взаимосвязи всех криминалистически значимых признаков этих видов преступлений (305,13). Без этого все описания криминалистической характеристики преступлений будут восприниматься практиками как очередные «отвлеченные научные дискуссии» и углублять их нигилистическое отношение к науке.

2. Вневидовые методики расследования

В настоящее время основным подходом к формированию частных методик служит использование их видовых особенностей, обусловленных прежде всего объектом преступного посягательства /убийство, кража и т.п./. Однако этот традиционный подход не соответствует потребностям практики и не позволяет в должной мере исследовать особенности совершения и расследования отдельных групп преступлений, которые объединяет не уголовно-правовая характеристика вида преступления, а другие основания и признаки (309,4). В связи с этим сначала в рамках видовых частных методик начали выделять и исследовать особенности более узких групп преступлений, определяемые условиями их совершения, например, различные виды краж и убийств, специфика места их совершения и т.д. (310-313). А затем начали создаваться частные методики рас-

следования, отражающие не видовые, а иные особенности расследуемых групп преступлений. К числу таких методик, которые получили достаточно широкое отражение в криминалистической литературе, следует отнести методику расследования преступлений несовершеннолетних, методику расследования преступлений, совершенных иностранцами и против иностранцев, методику расследования преступлений прошлых лет (314-316). В основе этих методик лежат особенности, обусловленные спецификой личности субъекта преступления, проявления фактора времени и других обстоятельств, отражающих своеобразие совершения и расследования данных групп преступлений. Применительно к расследованию преступлений несовершеннолетних возрастные особенности их характера и поведения весьма специфически проявляются в их противоправной деятельности (мотивы и цели совершения преступлений, своеобразие подготовки и совершения, выбор и отношение к предметам посягательства, особенности следовой картины и т.д.), а также в поведении при проведении расследования (недооценка происходящего, ложное чувство товарищества, 317,27). При расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет основные специфические моменты связаны с особенностями организации работы по выявлению и устранению упущений в работе, допущенных на первоначальном этапе (поиск неиспользованных возможностей, применение при анализе взгляда «со стороны», учет действия фактора времени при подготовке и проведении следственных действий и пр.). Таким образом, в основе каждой вневидовой методики лежат особенности, которые выходят за рамки специфики конкретного вида преступления и позволяют выявлять и использовать в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений дополнительные факторы, которые определяются не видом преступления, а признаками, характерными для группы преступлений, и позволяют расширять возможности повышения эффективности расследования преступлений. Следует подчеркнуть, что эти особенности определяются прежде всего спецификой совершения преступлений. Поэтому мы не можем согласиться с отнесением к вневидовым методикам особенностей расследования преступлений по горячим следам (309,4), поскольку в данном случае речь идет не об особенностях со-

вершенных преступлений, а только об организации расследования преступлений, причем о том, что должно делаться в каждом случае расследования - безотлагательное и непрерывное использование полученной информации в целях раскрытия совершенного преступления - но на практике реализуется не всегда.

В криминалистической литературе высказываются мнения как о наличии и правомерности выделения вневидовых методик расследования преступлений (318,272; 309,4), так и о спорности такого построения частных методик. Так, например, отмечается: «Вряд ли целесообразно разрабатывать самостоятельные методики расследования преступлений не только по видовым признакам, а и по субъекту их совершения (несовершеннолетние, группа лиц, рецидивисты, лица, страдающие физическими и психическими недостатками). Независимо от субъекта посягательства видовая криминалистическая характеристика преступлений...не утрачивает своего значения для методики расследования и является основой ее построения. Поэтому разработка криминалистических характеристик не по видовым признакам преступлений, а в зависимости от субъекта их совершения заранее обречена на неудачу» (317,261).

Разумеется, нецелесообразно и нереально строить частные методики применительно к различным субъектам, когда речь идет лишь об отдельных особенностях их личности и действий, которые необходимо знать и учитывать в процессе расследования (например, при совершении преступлений лицами, страдающими физическими и психическими недостатками). Но когда особенности субъекта проявляются и специфически сказываются на основных составляющих совершения преступления, то есть определяют особенности совершения преступлений и возможности использования данных и признаков этого для оптимизации процесса расследования, разработка вневидовых методик расследования становится необходимой и целесообразной.

Кроме того, критерием для выделения вневидовых методик расследования преступлений может выступать не только субъект преступления, но и иные факторы. Например, уровень организации и профессиональности преступности (организованная преступность),

результаты предшествующей деятельности и влияние фактора времени (нераскрытые преступления прошлых лет), ведомственная специфика (преступления против государства и воинские преступления) и т.д. В данных случаях речь идет о группировке различных видов преступлений по характерным объединяющим их признакам, служащих ориентиром и средством успешной работы по их раскрытию и расследованию.

Еще один из аргументов против вневидовых методик строится на том основании, что практическое расследование, как правило, начинается в русле видовой методики, когда, например о совершении преступления специфическим субъектом ничего не известно. Разумеется это замечание верно, но дело в том, что наличие вневидовой методики позволит, во-первых, на более раннем этапе выявить признаки, которые укажут на действия такого субъекта или проявление иного специфического фактора, а, во-вторых, целенаправленно использовать методические рекомендации соответствующей методики.

Наиболее актуальна разработка вневидовой методики расследования в отношении организованной преступности. В подавляющем большинстве случаев расследование преступлений, совершенных этими структурами или по их заказу, начинается с единичного факта убийства, рэкета и т.п. И только в процессе кропотливой и грамотной работы по этому делу можно «нащупать» следы деятельности организованной преступности. А это станет возможно только в том случае, когда на основе обобщения опыта борьбы с организованной преступностью, будет создана вневидовая методика расследования совершаемых ею преступлений. Причем методика, которая будет отражать не только общие для совершения преступления параметры (способ, следовая картина и т.д.), но и данные в целом об организованной преступности, о характере преступной деятельности (ее структуре, формах организации, комплектовании «кадрами», системе разведки и контрразведки, тактике преступной деятельности, способах жизнеобеспечения и т.п.). Без создания такой методики результативная борьба с организованной преступностью обеспечена быть не может.

Отмеченное позволяет констатировать, что по своему содержа-

нию вневидовые методики расследования будут отличаться от видовых. Так они, например, не могут включать в себя криминалистическую характеристику преступления, поскольку объединяют в себе различные виды преступлений, а, с другой стороны, должны содержать такие элементы, которые либо вообще отсутствуют в видовых методиках, либо не играют в них определяющей роли.

Мы считаем, что разработка вневидовых методик расследования преступлений отражает насущные потребности практики и является одним из направлений дальнейшего развития криминалистической методики.

3. Понятие и значение следственных ситуаций

Расследование каждого преступления имеет свою специфику, что определяется обстоятельствами его совершения и конкретными условиями осуществления следственных действий. Обстановка, в которой протекает расследование, формируется под воздействием разнообразных объективных (место и время проведения расследования, механизм развития события, характер его отражения в окружающей среде и др.) и субъективных факторов (уровень профессиональной подготовки следователя, поведение причастных к расследованию лиц и т.д.).

Конкретная обстановка расследования, особенности которой обуславливаются совокупностью указанных факторов, именуется в криминалистике *следственной ситуацией*. Ее значение для планомерной и эффективной организации расследования и разработки его методики применительно к отдельным видам преступлений общепризнанно. Однако за основу для определения сущности и содержания следственной ситуации в одних случаях берется обстановка, в которой происходит расследование, а в других - совокупность данных об этой обстановке, определяющих возможности и пути проведения расследования (76,129-139). Указанные позиции следует рассматривать не как противоположность взглядов, а как отражение разных сторон анализируемого явления - объективного существования и результатов его познания. *Следственная ситуация - это объективная реальность, фактическая обстановка, а результат*

ее познания, данные о ней - отражение этой обстановки, используемое для ее уяснения и воздействия на нее в целях раскрытия преступлений.

Непосредственное воздействие на проведение расследования оказывает фактическая обстановка, т.е. *наличная конкретная следственная ситуация*. Планирование и осуществление деятельности по расследованию строятся в соответствии с уровнем познания и оценки данных, отражающих конкретную ситуацию расследования. Так, объем сведений о преступнике (как элемент ситуации), отразившихся в следовой обстановке места происшествия, - категория объективная, определяемая содержанием действий преступника, следовоспринимаемыми возможностями объектов обстановки места происшествия и т.п. Но непосредственное влияние данного элемента на содержание и характер мер по раскрытию преступления проявится лишь после и в зависимости от результатов проведенной работы по исследованию места происшествия, т.е. в соответствии с уровнем обнаруженных розыскных данных.

Слагаемые следственной ситуации весьма разнообразны: условия, в которых совершено преступление; наличие и характер имеющихся данных о событии; возможности и способы получения дополнительных сведений; организационные и материально-технические возможности (следователя, органа дознания) реализации необходимых для расследования преступления мер; наличие обстоятельств, способствующих либо затрудняющих установление истины по делу (поведение подозреваемого, помощь населения в розыске и изобличении преступника); профессиональная квалификация и психологическая настроенность лиц, участвующих в расследовании, на решение стоящих перед ними задач; возможность исправления ошибок, допущенных на предшествующем этапе расследования преступления, и т. д.

Практически невозможно даже применительно к отдельно взятой следственной ситуации выделить и учесть все факторы, влияющие на ее возникновение и разрешение. По своей природе и значению для формирования следственных ситуаций отмеченные условия могут быть разграничены на факторы: а) *информационного* (данные об обстоятельствах совершенного преступления, источни-

ках получения доказательств, осведомленность заинтересованных лиц о ходе расследования и т.п.); б) *процессуального и тактического* (возможности получения и использования доказательств, тактические особенности разрешения возникающих в процессе расследования задач); в) *психологического* (взаимоотношения следователя и лиц, имеющих отношение к расследуемому событию, особенности психологии этих лиц); г) *организационного и материально-технического характера* (наличие необходимых сил и средств, возможности их использования).

По объему и характеру элементов, составляющих следственную ситуацию, можно разграничить ее понятие в широком и узком смыслах. В *широком смысле* следственная ситуация представляет собой совокупность всех условий, оказывающих влияние и определяющих особенности расследования. Такая совокупность наиболее полно характеризует и отражает все, что влияет и может влиять на расследование преступления, а следовательно, позволяет наиболее исчерпывающе определить пути и средства целенаправленного воздействия на сложившуюся следственную ситуацию. Однако практически более значимым является понятие категории следственная ситуация в *узком смысле* - как характеристики данных, которыми располагает следствие на конкретном этапе расследования. В этом виде содержание следственной ситуации значительно конкретнее, определеннее и реальнее в плане установления мер, необходимых для раскрытия и расследования преступлений, т.е. превращения имеющейся следственной ситуации в результативный этап процесса расследования. При таком подходе понятие следственной ситуации наполняется собственно криминалистическим содержанием, так как отражает тактико-криминалистические предпосылки достижения истины по делу без включения положений, обеспечивающих организационную сторону проведения расследования. Объективная возможность раскрытия преступления (наличие следов) - первична, а факторы внешнего характера (например, загруженность следователя работой и др.), оказывающие влияние на своевременность, объем и уровень получения доказательств, - вторичны, поскольку, как правило, разрешаются и устраняются организационными мерами, а не криминалистическими средствами и методами.

Содержание следственной ситуации в узком смысле не сводится только к фактическим данным о расследуемом событии, которыми располагают на определенном этапе следователь или орган дознания. В него входят все данные, имеющие значение для планирования и проведения расследования: о возможных источниках получения дополнительных сведений, о предполагаемой линии поведения причастных к событию преступления лиц, об их осведомленности и планах следователя и т.п.

При анализе следственной ситуации следователь должен учитывать все факторы, обуславливающие ее возникновение, но исходными и определяющими всегда будут компоненты информационного характера, которые прежде всего определяют направленность и содержание последующей деятельности. Так, если: а) обстановка места происшествия свидетельствует о возможности преследования по горячим следам, б) данные о предполагаемом местонахождении похищенного требуют обыска в нескольких местах, в) задержание подозреваемого с поличным обуславливает необходимость его немедленного допроса и т.п., то во всех подобных случаях следователь с учетом условий реальной обстановки и *на основе* имеющихся данных *для их реализации* соответственно определит порядок своих действий: а) какие силы и каким образом использовать для организации преследования преступников по горячим следам, б) каким образом обеспечить одновременное производство обыска у нескольких подозреваемых, в) как перераспределить намечавшийся ранее план своих действий для безотлагательного производства допроса задержанного с поличным подозреваемого либо поручить это другому лицу. Таким образом, следственная ситуация отражает совокупность данных, определяющих *что и каким образом* должно быть осуществлено, а все сопутствующие условия характеризуют в основном возможности организации исполнения необходимых мер (конкретные исполнители, необходимые силы, средства и т.д.).

С учетом сказанного *следственная ситуация* может быть определена как *совокупность данных о событии преступления и обстоятельствах, характеризующих условия (обстановку) его расследования на конкретном этапе, обуславливающих выбор средств и методов установления истины по делу.*

Для разграничения видов следственных ситуаций используются многочисленные основания, их разносторонние характеристики: по степени сложности, наличию конфликтности, специфичности, комплексности, этапности, благоприятности и т.д.

Поскольку конкретное содержание следственных ситуаций служит базой определения направления расследования преступления и соответствующих этому мер, основания их классификации должны прежде всего отражать возможности разрешения стоящих перед следователем задач. С учетом этого можно выделить следующие виды следственных ситуаций: а) *благоприятные и неблагоприятные*, б) *конфликтные и бесконфликтные*, в) *типичные и специфичные*, г) *начальные, промежуточные, конечные*.

Основание классификации первого вида в наиболее общем плане характеризует складывающиеся следственные ситуации и дает возможность установить, какие условия (*благоприятные* или *неблагоприятные*) сложились на данном этапе расследования преступления. Если благоприятные, то основная задача следователя сводится к обеспечению реализации имеющихся возможностей. Так, при наличии подробных данных о приметах внешности преступника нужно срочно составить и использовать для его розыска композиционный портрет; при безотлагательном допросе подозреваемого, задержанного с поличным, необходимо использовать его психологическое состояние, обусловленное фактом задержания, и т.п.

Если условия расследования неблагоприятные, следователю необходимо определить и осуществить меры воздействия на ситуацию с целью ее изменения в благоприятную сторону. Например, при отсутствии или неполноте сведений о преступнике нужно продолжить поиск лиц, которые могут сообщить необходимые данные о нем; при допросе подозреваемого, задержанного значительное время спустя после совершения преступления, следует определить возможные варианты его поведения (в том числе уловки с целью избежания ответственности) и соответствующие этому тактические приемы использования имеющихся доказательств, способствующее преодолению отказа давать показания либо разоблачению лжи.

Одним из показателей благоприятности следственной ситуации является наличие необходимых фактических данных либо возмож-

ности их получения и использования в целях расследования преступлений. Неблагоприятная следственная ситуация, как правило, характеризуется отсутствием либо существенной неполнотой требуемых для раскрытия преступления данных, неопределенностью возможностей их получения, сложностью выбора и осуществления дополнительных мер по сбору и использованию доказательств.

По характеру и объему наличных данных неблагоприятные следственные ситуации могут быть разделены на подвиды: а) отсутствуют данные (следы и вещественные доказательства), необходимые для установления и розыска подозреваемого; б) имеются данные, позволяющие проверить причастность к совершению преступления, но недостаточные для розыска преступника (следы обуви, орудий взлома); в) есть сведения, способствующие установлению и розыску подозреваемых (приметы внешности, похищенного), использование которых не дало результата. Такое положение может складываться как на начальном, так и на последующих этапах расследования. Например, при приостановлении расследования в связи с неустановлением лица, совершившего преступление, возможен любой из указанных видов недостаточности доказательств, затрудняющий раскрытие преступления.

Благоприятность либо неблагоприятность следственной ситуации определяется также действием иных факторов: а) наличием возможностей (сил, средств и т.д.) для решения задач, обусловленных содержанием имеющихся данных; б) совпадением или противоположностью целей и интересов причастных к расследованию преступления лиц. Последнее служит основанием для выделения *бесконфликтных* и *конфликтных* следственных ситуаций.

Для бесконфликтной следственной ситуации характерно совпадение (или отсутствие принципиальных различий) интересов и целей участников расследования. Она имеет место при отсутствии противодействия установлению истины со стороны заинтересованных в исходе дела лиц.

Для конфликтной следственной ситуации, напротив, характерно столкновение противоположных интересов и стремлений. Однако конфликт следователя, например с обвиняемым, стремящимся уйти от ответственности, не может рассматриваться в качестве про-

тивоборства, при котором достижение цели раскрытия преступления и изобличения виновного возможно любыми средствами. Задача следователя - разрешить конфликтную ситуацию не только в интересах общества, но и в подлинных, а не мнимых интересах самого обвиняемого.

В процессе расследования преступлений постоянно происходит смена конфликтных ситуаций, поскольку после разрешения одного конфликта может возникнуть другой. Это требует от следователя умения действовать в усложненной обстановке, выявлять причины конфликтов, владеть тактикой подхода и необходимыми приемами преодоления противодействия и устранения конфликтов.

Конкретные следственные ситуации отличаются динамичностью, поскольку составляющие их элементы постоянно изменяются. Конкретное на определенный момент содержание каждой следственной ситуации обуславливает деятельность следователя по ее изменению, осуществление намеченных мер приводит к качественному ее изменению, за этим следует оценка вновь сложившейся ситуации и определенная деятельность по ее разрешению. И так до тех пор, пока не будут разрешены или исчерпаны возможности решения задач расследования преступлений. С учетом этого следственные ситуации могут быть разграничены на *начальные, промежуточные и конечные*.

В следственной ситуации необходимо различать ее объективное содержание (реальную совокупность составляющих элементов) и состояние (достигнутый уровень) знаний об этом содержании, его оценку. Первое развивается (изменяется) постоянно, второе получает свое конкретное выражение на определенном этапе, когда проанализированы накопленные данные об элементах, составляющих сложившуюся конкретную следственную ситуацию. В соответствии с этим следственная ситуация может быть определена (вычленена) на различных этапах расследования - начальном, промежуточном, конечном.

Начальные (исходные) следственные ситуации соответствуют первоначальному этапу расследования преступлений, т.е. этапу решения вопроса о возбуждении уголовного дела и осуществлении неотложных следственных действий и оперативно-розыскных меро-

рийтий. Причем начальная ситуация может быть вычленена в различные моменты данного этапа расследования, например, на момент получения сообщения о совершенном преступлении (до начала производства следственных действий), на этапе осуществления неотложных следственных действий, при оценке результатов их проведения.

Промежуточные следственные ситуации складываются в связи с обнаружением и фиксацией новых источников доказательств, позволяющих разрешать отдельные частные задачи расследования.

Конечные следственные ситуации характеризуют состояние и итоги проведенного расследования, т.е. показывают, чем закончились попытки разрешения всех задач, определявшихся складывающимися промежуточными ситуациями по данному уголовному делу: производство закончено составлением обвинительного заключения, приостановлено производством и т.д.

Конечные (на данный момент) следственные ситуации могут быть незавершенными, например в случае приостановления уголовного дела производством. Однако как только произойдут какие-либо изменения, т.е. будут обнаружены дополнительные источники сведений, возникает новая ситуация и вместо конечной образуется промежуточная следственная ситуация, побуждающая к новым действиям, служащая основанием для планирования дальнейшего расследования.

Следственные ситуации, отражающие общие для расследования положения, представляют собой *тактическую категорию*, поскольку определяют характер и направленность приемов разрешения стоящих перед следствием задач, тактику конкретных следственных действий. Вместе с тем типичные следственные ситуации выступают базой построения частных методик расследования преступлений, поскольку типизация здесь предполагает наличие перечня соответствующих типичных следственных версий, оптимальный набор следственных действий и порядок их производства.

Оценка конкретной следственной ситуации является основой для принятия тактических решений, определяющих содержание и направленность мер по ее разрешению, т.е. обеспечению вытекающих из следственной ситуации задач расследования преступлений.

4. Способ совершения преступления

Способ совершения преступлений - это выражение и отражение образа действий преступника при совершении им противоправных действий. Поэтому он всегда был и остается определяющим ядром деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. На этапе неизвестности виновного способ совершения преступления (через образованные следы и их характерные особенности) позволяет решать задачи установления преступника, а при наличии подозреваемого - определять содержание и степень противоправности осуществленных действий (320,17,23).

Способ совершения преступлений является межотраслевым понятием ряда юридических наук, каждая из которых изучает его в соответствии со своим функциональным назначением. Содержательное наполнение понятия «способ совершения преступления» в различных отраслях весьма различно: в уголовном процессе оно трактуется шире, чем в уголовном праве, а в криминалистике шире, чем в уголовном процессе. Так, процессуалисты понимают под способом совершения преступления комплекс совершенных в определенной последовательности действий, обуславливающих наступление преступного результата. Криминалисты расширяют понятие способа на стадии подготовки и сокрытия преступления, включая в него место, время, средства, особенности личности и т.д. (32,253-254). Для криминалистики главное в способе не достигнутый **результат**, а процесс достижения цели, **механизм** ее достижения. Способ совершения преступлений рассматривается в криминалистике как источник информации о закономерностях возникновения доказательств, необходимой для разработки средств и методов раскрытия и расследования преступлений (322).

Способу совершения преступлений в криминалистике всегда уделялось большое внимание, поскольку он выступает «ключом» к раскрытию преступлений, отражает характерные особенности действовавшего лица, является определяющим звеном в разработке частных методик и в ряде случаев «разграничителем» отдельных видов преступлений (грабеж, кража, хищение), выступает основным элементом криминалистической характеристики преступления (308,43), рождаясь в новом качестве, ставит перед криминалис-

тикой новые задачи и т.д. В одном из первых отечественных учебников криминалистики указывалось: «Данные, получающиеся в результате выявления и классификации применявшихся и могущих применяться приемов и способов совершения и сокрытия преступлений, служат материалом для разработки наиболее совершенных методов обнаружения и исследования доказательств, необходимых для раскрытия преступлений» (324,13). Однако до 60-х годов способу совершения преступлений в основном уделялось внимание как элементу уголовной регистрации. Одними из первых к выяснению содержания способа обратились А.Н. Колесниченко и А.Н.Савченко, указавшие, что «способ совершения преступления - это все то, что характеризует действия преступника при подготовке (приискание места, предмета посягательства, приготовление орудий и средств, необходимых для осуществления преступной цели, и др.), совершении преступления и сокрытии его следов» (325,62). Г.Г.Зуйков всесторонне исследовал детерминированность и повторяемость способа совершения преступлений. «Абсолютная повторяемость способов совершения преступления,- указывал он, - во всех их признаках полностью исключена. Способы совершения преступлений повторяются, если сохраняется действие определенных факторов, их детерминирующих..., а так как детерминирующие факторы изменяются и в количественном, и в качественном отношениях, то в нем неизбежно изменяются и способы совершения преступлений, сохраняя, однако, некоторую совокупность повторяющихся признаков» (326,50). Однако углубленному изучению природы способа совершения преступлений, их классификации долгое время не уделялось должного внимания, поскольку отрицалось наличие профессиональной преступности.

В настоящее время в связи с качественным изменением преступности и условий, в которых осуществляется и развивается преступная деятельность, значение, место и роль способа совершения преступлений требуют нового осмысления и дальнейшей разработки данной криминалистической категории. Прежде всего требует уточнения само понятие и содержание способа совершения преступлений.

Наряду с термином «способ совершения преступления» в кри-

миналистике встречаются «способ совершения и сокрытия преступления» (327,41), «способ подготовки, совершения и сокрытия преступления» (328,78). С учетом этого способы совершения преступлений подразделяют на **полно** и **неполноструктурные** (327,50). В криминалистическом аспекте действия по подготовке к совершению преступления включаются в способ тогда, когда, во-первых, они, естественно, наличествуют, а, во-вторых, оставляют конкретные следы, характеризующие образ действий преступника и позволяющие разграничивать различные способы. А действия по сокрытию преступления относятся к способу совершения преступления в том случае, если они охватываются умыслом и планом действий преступника на момент совершения преступления.

С позиции криминалистического анализа способов совершения преступлений в целях выявления преступников и раскрытия преступлений наиболее важно полноструктурное содержание способа, тем более в настоящее время, когда криминальную «погоду» творят организованная и профессиональная преступность, для которых подготовка к совершению преступлений есть элемент их жизнедеятельности, а сокрытие преступной деятельности представляет **систему** обеспечения этой жизнедеятельности. В этих условиях говорить, что способ совершения преступления - это время, место, средства и образ действий по достижению преступной цели неправильно и недостаточно. Но, по нашему мнению, способ совершения преступления не следует смешивать с механизмом преступления, что сейчас встречается (329,46). Несомненно имеется необходимость расширения и конкретизации составляющих способа совершения преступления, но в него следует включать (в криминалистическом плане) только то, что служит целям установления преступников и раскрытия преступлений. Совершенно прав Р.С.Белкин, который подчеркивает, что способ совершения - лишь одно из звеньев механизма преступления (14,103).

Раньше обычно способ совершения преступления связывался с особенностями действий отдельного лица или определенной группы. Теперь, когда свою преступную деятельность осуществляет преступное сообщество, по единому плану и замыслу может одновременно действовать несколько «боевых» групп этой организации,

совершая аналогичные преступления. При этом будут проявляться как признаки, характеризующие замыслом единого руководства, так и обусловленные своеобразием «почерка» каждой отдельной группы исполнителей. Следовательно, необходимо обеспечить теоретическую разработку того, как в этих случаях находить единство (общность) «почерка» данной преступной **организации** при различии «частностей».

Одним из средств защиты преступной организации от разоблачения при «выходе» правоохранительных органов на одно из ее звеньев является совершение нового преступления другой группой с копированием признаков способа задержанной группы, чтобы создать видимость того, что задержаны не те, а «настоящие» продолжают действовать.

В деятельности одного и того же профессионала, например киллера, отмечается разнообразие средств (пистолет, винтовка, взрывное устройство, яд и т.п.) и условий (место, время, способ вступления в контакт с жертвой и т.д.) исполнения «заказов». Снова встает вопрос: как при этом разнообразии «вычислять действие одной и той же руки»? Формальный ответ - уровень профессионализма исполнения. Разумеется, не просто - низкий, средний, высокий, а в части специфичности подхода к выбору условий реализации замысла, приспособления и преодоления объективных препятствий, профессионально-технического уровня решения задач при достижении цели, влияния мер собственной безопасности на выбор способа действий и т.д. Отличие действий одного и того же лица или преступной группы при совершении аналогичных преступлений может определяться характером «заказа» (при «разборках», заказных убийствах и пр.): «устранить» жертву любым (безразлично каким) способом, «убрать» определенным предложенным образом. В первом случае индивидуальность образа действий лица проявится, как правило, в максимальной степени, во втором - будет скорректирована поставленным условием.

Совершенствование способов совершения преступлений характерно не только для профессионалов, но и для большинства преступников, многократно совершающих преступления. Но иногда это имеет место и у «любителей». Так, по особенностям своей прес-

тупной деятельности «взрыватели» подразделяются на три основных категории: а) «случайных», для которых организация и осуществление взрыва, как правило, эпизод, б) «любителей», для которых занятие подобным своего рода хобби, и в) профессионалов. В «деятельности» любителей отмечается постепенный переход от простейших по конструкции и используемым материалам взрывных устройств до разработок достаточно высокого уровня (например, начинает с размещения взрывных устройств в посылках, потом переходит к бандеролям и затем к письмам, 330,16).

Следовательно, необходим более тонкий уровень анализа для выявления и сопоставления микропризнаков того, что может характеризовать конкретный «почерк» и выделять стержневую основу данного способа действий преступника.

Конкретный способ совершения преступления - это отражение особенностей его «творца», что и обусловило использование способа для выявления и регистрации исполнителей. В ряде случаев признаки способа действий позволяют выделять достаточно конкретные поисковые признаки личности. Так, по следам вскрытия сейфа специалисты определили не только разновидность использовавшегося газосварочного оборудования, но и то, что применявший его является левшой, что существенно ограничило круг поиска и подтвердилось в дальнейшем.

Профессионализм, как уже отмечалось, проявляется не только через свой уровень, но и нередко имеет достаточно четкие качественные характеристики, которые должны использоваться в установлении и розыске преступников. Например, при расследовании криминальных взрывов можно и нужно не только разграничивать действия «дилетанта» и профессионала, но и детализировать истоки профессионализма, обусловленные базовой подготовкой. Так, профессионал мог приобрести свои знания и навыки в условиях армейской службы (сапер, взрывник), в различных подразделениях спецназа, в промышленной сфере (геологоразведка, угледобыча и т.п.). И эти умения и навыки будут весьма различны по своему характеру, поскольку при каждом варианте подготовки ставились и решались специфические задачи и особые методы их достижения. Поэтому при расследовании криминальных взрывов необходимо

при консультации со специалистами и назначении экспертиз ставить вопрос не только об уровне профессионализма, характеризующем подготовку и осуществление взрыва, но и содержании базовой подготовки преступника.

Отмеченное нами - лишь частица того, что характеризует способ совершения преступлений в современных условиях и свидетельствует о необходимости дальнейшей углубленной разработки данной криминалистической категории.

5. Противодействие расследованию

Противодействие расследованию - в стремлении избежать ответственности за содеянное - всегда сопутствовало совершению преступлений. За период существования преступности оно развилось от элементарных шагов (осуществить злодеяние, когда никто не видит, замаскировать свою внешность и т.п.) до **системы** изоциренного и открытого противодействия деятельности государственных органов по борьбе с преступностью (331;332;333).

Современное противодействие расследованию изменилось не только качественно (новые формы, средства и методы его осуществления), но и масштабно, особенно в рамках деятельности организованной преступности. Поэтому если ранее можно было считать, что мастерства и средств, находившихся в арсенале следователей и оперативных работников, в целом достаточно для выявления и преодоления хитростей и уловок преступников, то теперь этого явно мало, потому что им противостоит не просто более профессиональный и оснащенный современными техническими возможностями преступник, а армада сил и средств сплоченной и организованной преступности, которая отваживается на борьбу с государством.

С учетом этого для разработки и реализации действенных мер преодоления противодействия расследованию необходимо всестороннее и глубокое изучение современного феномена противодействия, как составного элемента противостояния преступности и общества. В этом познании должны четко выделяться и разделяться две составные части: то, что может разоблачаться и преодолеваться на уровне деятельности правоохранительных органов, и то, что

может быть преодолено лишь возможностями государства и общества в целом. Без этого разграничения (и, соответственно, реализации обеих групп мер) преступность будет чувствовать себя комфортно.

Изучение «механизмов» противодействия расследованию не может в настоящее время ограничиваться исследованием способов сокрытия и фальсификации следов преступления, лжесвидетельства, отказа от показаний и т.п., поскольку главной чертой современного противодействия выступают самые различные формы оказания **давления** (воздействия) **на всех** лиц, от поведения и показаний которых зависит возможность установления истины по расследуемым делам (потерпевшего, свидетеля, следователя, эксперта и т.д.). Поэтому материалы уголовного дела не дают и не могут дать полноценной картины того, **как и с помощью чего** осуществлялось противодействие. Но это не означает отрицания значения данного источника, просто речь должна идти о новых подходах к изучению самих материалов уголовных дел и «выведению следствий» из статистических обобщений. Например, исследование «картины движения» уголовных дел различных категорий: процент отказа в возбуждении; объем, сроки и основания прекращения; процент поступления дел в суд; количество возвращаемых на дополнительное расследование; характер и размер назначенных мер наказания и т.д. Особенно наглядно это проявляется при анализе преступлений, которые совершаются организованными преступными сообществами (334,7).

О том, что свидетеля встретил на улице какой-то человек и посоветовал ему «не напрягать свою память», станет известно только в том случае, если он сам расскажет об этом; о том, что следователю позвонили домой и «поинтересовались» тем, как себя чувствует его ребенок, будет известно лишь, если он сообщит это своему начальству или поделится с коллегами. О многих иных проявлениях «телефонного права», «депутатских запросов», «неожиданных» переключений на другие дела и т.п. следов в материалах уголовных Дел, как правило, не останется или, как в последнем случае («изъятие» дела), они найдут отражение без раскрытия действительных причин, но в целом следы остаются и нужно лишь обращаться к со-

ответствующим источникам. В связи с этим особое значение приобретает опрос самых различных категорий лиц: участников уголовного процесса, их родственников и знакомых, руководителей следователей и оперативных работников, судей, осужденных и т.д.

Информация, получаемая из самых разнообразных источников, по целям и временным параметрам может быть разграничена на две основные группы:

а) данные, которые необходимы для расследования конкретного дела,

б) данные, необходимые для анализа характера противодействия и разработки способов и средств преодоления противодействия расследованию

Получение данных первой группы, несмотря на ее конкретность и предметность, представляется более сложным из-за нежелания обладателей этой информации официально делиться ею и неполнотой или вообще неотражением в документальных источниках. Об общем характере данных, свидетельствующих о противодействии (вторая группа), информацию, как правило, получить гораздо легче, поскольку она не предоставляет возможностей ее прямого использования, что прежде всего волнует тех, кто ею располагает.

По направленности, характеру и способам осуществления противодействие расследованию распадается на два основных варианта:

а) выполняемое в процессе подготовки и совершения преступлений, основная задача которого заключается в исключении или существенном ограничении следовой информации, которая может попасть в руки правосудия (уничтожение следов, «неоставление» свидетелей совершения преступления, меры направления следствия по ложному пути),

б) осуществляемое в процессе расследования совершенных преступлений (воздействие на самых различных лиц и по самым разнообразным каналам).

Нами был опрошен 1361 человек, которые выделили в качестве главных видов противодействия расследованию: а) воздействие на участников уголовного судопроизводства (подкуп, угрозы, шантаж и т.д.) - нач. РОВД (62,5%), следователи прокуратуры (60,3%), сту-

денты (66,8%) и граждане (47,7%), б) непосредственное давление на следователя - следователи МВД (47,3%) и оперуполномоченные (45%). Сами встречались с активным противодействием расследованию 82% нач. РОВД, 76,5% оперуполномоченных, 75,4% следователей прокуратуры, 54,6% следователей МВД и 50,4% граждан. Основной формой противодействия все опрошенные считают психологическое воздействие, а из конкретных форм, с которыми они встречались, по распространенности отметили: а) опять-таки воздействие на участников уголовного судопроизводства - нач. РОВД и граждане, б) лжесвидетельствование - следователи и оперуполномоченные. А по оказанию *непосредственного* воздействия на участников опроса получены следующие данные: нач. РОВД - 65,4%, следователи МВД - 34,2%, следователи прокуратуры - 41,5%, оперуполномоченные - 57%, граждане - 16,5%. Интересным представляется ответ следователей, вроде бы противоречащий логике и возможностям противодействия, что требует выяснения - все ли виды противодействия они при этом учитывали или традиционные «мелочи» (вроде мер по сокрытию следов преступления) не принимали во внимание.

Первенство среди мер, средств и методов преодоления противодействия следователи и оперуполномоченные ответили убеждению в бесплодности таких попыток. Это, на наш взгляд, свидетельствует об определенной неготовности и неоснащенности наших практических работников для нейтрализации противодействия современной преступности, поскольку смешными будут попытки убедить депутата или представителей преступного авторитета, что им не следует вмешиваться в расследование. Тут нужны меры более высокого уровня и большей жесткости, способной обеспечить их эффективность.

Воздействие на практических работников может быть как непосредственным (прямым, открытым), так и опосредствованным (скрытым, замаскированным). Нам представляется, что применительно к разным категориям лиц используются различные соотношения указанных вариантов воздействия, а именно: против потерпевших, свидетелей - больше открытого, против следователей и Других работников правоохранительной сферы - больше скрытых

мер и форм противодействия. К основным признакам опосредованного противодействия следователи отнесли безосновательное изъятие уголовного дела из производства, а оперуполномоченные - перевод на другой участок работы.

Коррупционированность работников правоохранительной сферы ни для кого не является секретом. В связи с этим были поставлены соответствующие вопросы в отношении поведения коллег опрашиваемых:

а) встречались ли со случаями оказания неправомерной помощи подозреваемым (обвиняемым):

- да: нач. РОВД - 59%, следователи - 27,6 и 26,4%, оперуполномоченные - 45,5%,

- не ответили на поставленный вопрос: нач. РОВД - 26,4%, следователи МВД - 25,4%, оперуполномоченные - 2,5%,

б) отмечали факты прямого противодействия раскрытию и расследованию преступлений:

- да: нач. РОВД - 36,2%, следователи - 8,8 и 5,6%, оперуполномоченные - 25%,

- не ответили: нач. **РОВД** - 45,8%, следователи - 37,4 и 20,8%, оперуполномоченные - 12%,

в) известны ли факты прямого сотрудничества с преступными формированиями:

- да: нач. РОВД - 33,3%, следователи - 7 и 3,7%, оперуполномоченные - 21,6%,

- не ответили: нач. РОВД - 45,1%, следователи - 37,7 и 22,7%, оперуполномоченные - 12,3%,

г) известны ли случаи срыва мероприятий, намечаемых против преступных групп:

- да: нач. **РОВД** - 70,7%, следователи - 37,3 и 41,5%, оперуполномоченные - 70,5%),

д) было ли это связано с привлечением к мероприятиям других служб и органов:

- да: нач. **РОВД** - 75,3%, следователи - 83,5 и 86,4%, оперуполномоченные - 60,8%.

11% нач. РОВД, 14% оперуполномоченных, 10,3% следователей МВД и 9,4% следователей прокуратуры ответили, что им приходилось менять место службы (должность, направление деятельности, ведомство) в связи с противодействием их профессиональной деятельности. Место различных причин в этом следующее:

а) воздействие со стороны преступных элементов: нач. РОВД - 0,5%), следователи - 22,2 и 20%>, оперуполномоченные - 15,7%>,

б) отношение и действия начальства: нач. РОВД - 8,7%, следователи - 55,5 и 60%, оперуполномоченные - 66%,

в) воздействие со стороны представителей иных государственных и общественных структур: нач. РОВД - 1,7%, следователи - 33,3 и 20%, оперуполномоченные - 18,4%. Существенное различие в показателях нач. РОВД и их подчиненных по данному вопросу требуют дополнительного выяснения, поскольку поверхностное объяснение - следователи и оперуполномоченные ближе к «перед нему краю» противодействия - вряд ли раскрывает всю совокупность причин этого, так как следователи и оперуполномоченные ближе к «нижнему эшелону воздействия», а руководители РОВД в большей мере испытывают воздействие «верхнего эшелона».

Следует отметить, что основным источником своей осведомленности о формах и методах противодействия и способах его нейтрализации все практические работники указывают личный опыт, а также опыт коллег по службе, что свидетельствует об отсутствии соответствующих теоретических разработок и рекомендаций по преодолению противодействия расследованию.

На просьбу отметить одно главное направление в решении проблем борьбы с противодействием раскрытию и расследованию преступлений из перечня предложенных нач. РОВД отдали предпочтение социально-экономическому (изменение условий и характера борьбы с преступностью в целом), следователи и оперуполномоченные - материально-техническому (надлежащее обеспечение деятельности), а студенты и население - законодательному (усиление ответственности за противодействие расследованию, кстати, все опрошенные охарактеризовали имеющиеся правовые средства борьбы с противодействием как явно недостаточные).

Категории опрашиваемых для получения данных, характеризующих преступную деятельность, весьма разнообразны. По их отношению к преступной деятельности можно вычлнить следующие основные группы: участники преступной деятельности, их родственники и близкие, потерпевшие и свидетели, их родственники и знакомые, население, сотрудники правоохранительных органов, научные работники и т.д.

Кажется особым отношением к преступности и преступникам, а также к работникам правоохранительной сферы. Помимо отмеченных групп имеются такие, которые находятся на грани разных групп, объединяя в себе их различные характеристики. Одной из таких групп является категория осужденных работников правоохранительных органов, которые знают преступность как бы с двух сторон: и снаружи, и изнутри. Ценность их информационных возможностей определяется тем, что они, во-первых, достаточно осведомлены в правовом, криминалистическом и оперативно-розыском отношении, во-вторых, познавали преступную деятельность, участвуя в борьбе с ней, в-третьих, сами совершили преступление и почувствовали на себе действие правового механизма борьбы с преступностью и его «возможные прелести».

По данным нашего опроса (461 бывший работник правоохранительных органов, отбывавший наказание) 47,5% совершенных преступлений были связаны с их правоохранительной деятельностью, при этом 38,4% анкетированных признали свое осуждение законным и обоснованным.

Оценка деятельности государства о борьбе с преступностью дана ими такая:

- а) положительно - 2,4%,
- б) удовлетворительно - 12,6%,
- в) неудовлетворительно - 39,7%,
- г) крайне негативно - 45,3%.

В рейтинговой последовательности причины основных недостатков в деятельности по борьбе с преступностью располагаются следующим образом:

- а) коррумпированность государственных структур - 96,5%,

б) незаинтересованность работников правоохранительных органов в результатах своего труда - 93,9%,

в) повышение уровня профессионализма и организованности преступности - 89,6%,

г) низкий уровень материально-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов - 86,8%,

д) отношение государства и общества к авторитету и достоинству работников этих органов - 85%,

е) низкий уровень профессионализма работников правоохранительных органов - 56,6%,

ж) отсутствие целенаправленности в деятельности государственных органов по борьбе с преступностью - 47,9%.

Следует отметить, что их «призовая тройка» - практически совпадает с данными опроса начальников РОВД и начальников ОУР и БЭП.

Около 70% осужденных в своей предыдущей деятельности встречались с активным противодействием расследованию, такой же показатель получен при опросе действующих практических работников, а вот при вопросе оказывалось ли воздействие непосредственно на опрашиваемого расхождение слишком значительно (72% против 40-50%). В числе трех наиболее распространенных форм встречавшегося непосредственного воздействия и осужденные, и продолжающие служить отметили одни и те же: попытка подкупа, клевета и угрозы. Среди категорий лиц, со стороны которых оказывалось противодействие (воздействие), на первом месте указаны преступники, их родственники и сообщники, а на втором - непосредственное начальство и руководство органов внутренних дел (с конкретизацией - угроза увольнения за невыполнение противозаконных указаний, 5 чел.).

На просьбу поделиться своими соображениями и предложениями по затронутым в анкете вопросам респонденты высказали ряд принципиальных замечаний.

1. Многие отмечают бездействие власти и закона (69 чел.), указывают, что судят в основном низшие слои общества, а высшие

эшелоны вместе с преступными авторитетами уходят от ответственности (37ч.). В связи с этим подчеркивается необходимость изменения законодательства на основе анализа его пробелов и недоработок (65ч.).

2. Констатируется, что правоохранительные органы, особенно работники низового звена, подвергаются мощному давлению (а не просто воздействию) со стороны своего и вышестоящего начальства, чиновников, других ведомств, средств массовой информации и т.д. (72ч.). Приводятся даже примеры осуждения «по заказу» (4 ч.).

3. Отмечаются исключительная распространенность коррупции и отсутствие какой-либо борьбы с ней (39ч.), случаи двурушничества, тесного союза с криминальными авторитетами, предоставление им «крыши» (51ч.).

4. Указывают на непрофессионализм правительства (53ч.).

5. Считают исключительно низким уровень правовой осведомленности и общей культуры населения (20ч.).

6. Подчеркивают неудовлетворительность материально-технического обеспечения правоохранительных органов (60ч.), низкий уровень заработной платы, побуждающий к взяточничеству и поборам (69ч.), неуделение внимания престижу правоохранительных органов и их сотрудников (18ч.), следствием чего является низкий качественный состав кадров правоохранительных органов (23ч.), снижение уровня профессионализма (37ч.), ухудшение морально-психологического климата в коллективах (19ч.), возрастание профессиональной деформации (10ч.).

7. Отмечают актуальную необходимость приведения методов деятельности правоохранительных органов в соответствие с современными условиями и задачами борьбы с преступностью (16ч.), отказа от борьбы за формальные «показатели», которая вредит делу и приобщает практиков к погоне за цифрами отчетов, а не зовет к борьбе с настоящей преступностью (79чел.).

Эти замечания и предложения осужденных в достаточно полной мере перекликаются с аналогичными высказываниями действующих практиков, что свидетельствует о том, что они не ушли полностью в свои проблемы, связанные с их нынешним положением, и

еще продолжают жить интересами общества и правоохранительных органов. Поэтому объективность их суждений (особенно с учетом того, что это своеобразные ответы на «открытые вопросы»), по нашему мнению, достаточно высока и, следовательно, эти данные должны использоваться при изучении преступной деятельности для разработки более эффективных мер борьбы с преступностью, в том числе ее противодействию этой борьбе.

6. Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью

Необходимость взаимодействия правоохранительных органов и СМИ определяется тем, что оно выступает средством оптимизации деятельности каждой из этих структур: для СМИ это - возможность совершенствования информирования общественности по вопросам борьбы с преступностью (в том числе обеспечение необходимой открытости деятельности правоохранительных органов) и формирования правосознания населения, а для правоохранительных органов это - способ получения помощи от населения в решении своих задач и средство расширения источников информации, необходимой для осуществления своих функций (335,13). Столетие тому назад Г.Гросс по этому поводу писал: «Тесная связь между судебным следователем и повседневную печатью заключается в общности их задач. Первый ведет борьбу с преступлением и тем, что с ним неразрывно связано, что порождает его. И ежедневная печать по преимуществу преследует те же цели» (336,345).

Взаимодействие правоохранительных органов со СМИ позволяет им в процессе своей деятельности более эффективно и рационально использовать собственные интеллектуальные и материальные ресурсы; оптимизировать решение следственных и оперативно-розыскных задач; повышать результативность процессуальных, розыскных, правовоспитательных и профилактических мероприятий; формировать адекватное общественное мнение о работе правоохранительных органов.

Вопросам взаимодействия правоохранительных органов со СМИ уделялось достаточное внимание в 70-80гг. прошлого века

(337-339), в настоящее время вновь пробудился интерес к этой проблеме (340,10). Сотрудничество правоохранительных органов и СМИ обозначают различными терминами: «взаимодействия», «использование помощи СМИ», «использование СМИ», «участие СМИ» и т.д. За каждым из этих терминов стоят разные по содержанию и объему аспекты такого сотрудничества: «взаимодействие» - это взаимовыгодное сотрудничество, «использование СМИ» - это в основном извлечение выгоды без взаимоотдачи, «участие» - не конкретизирует формы сотрудничества и т.д. На наш взгляд, для определения взаимоотношений СМИ и правоохранительных органов более всего подходит термин «взаимодействие», как характеризующий совместную деятельность при взаимозаинтересованности в ее результатах, но для субъекта этих отношений - правоохранительных органов - определяющим является «использование возможностей СМИ».

Взаимодействие представляет собой согласование деятельности по целям, когда каждым участником выполняется то, что именно им может быть выполнено наиболее профессионально, т.е. направлено на рациональность и качество осуществляемых мероприятий. Под взаимодействием правоохранительных органов и СМИ понимают «постоянные, объективно существующие между ними взаимосвязи, обусловленные общими целями, которые достигаются в процессе взаимовлияния и взаимного использования возможностей указанных систем для достижения как общих, так и собственных целей» (339,11-12). Данное взаимодействие рассматривается как потенциальная возможность самосовершенствования и саморазвития правоохранительной системы. Оно позволяет: а) экономить силы и средства при организации работы по раскрытию и расследованию преступлений, б) обеспечивать широту и оперативность информационного воздействия на население, в) осуществлять поиск преступников на практически не ограниченной территории, г) создавать обстановку, благоприятствующую деятельности правоохранительных органов и т.д. Для этого взаимодействия, как отмечает Ю.В.Наумкин, характерно не только сотрудничество ради достижения общих целей, но и «борьба», возникающая в процессе решения конкретных локальных задач, например, различие в оценках

отдельных фактов и результатов деятельности; при желании журналистов получить информацию, которую правоохранители считают невозможным сообщить; в случаях служения отдельных СМИ «своим хозяевам» и т.д. (339,12).

Необходимость взаимодействия правоохранительных органов со СМИ определяется не только тем, что они получают возможность более эффективного решения своих задач, но и избежать необъективного и ошибочного освещения журналистами тех или иных вопросов и событий. Последнее может иметь место как при недостаточности информирования СМИ, так и в силу непрофессионализма отдельных журналистов и прямого выполнения заказов криминальных структур (341,55; 342,135). Примером недостаточности информирования и следствием желания восполнить этот пробел может служить случай, когда в связи с отказом в информации журналист провел собственный анализ ситуации по заказному убийству и написал: «Поскольку на месте убийства следы преступника не обнаружены, теперь важно поскорее найти машину, на которой скрылся убийца (если он ее не уничтожил), чтобы там попытаться обнаружить уличающие его следы». В результате получилась своего рода практическая рекомендация-напоминание преступникам - не забудьте уничтожить следы!

К основным направлениям взаимодействия правоохранительных органов со СМИ относят:

- формирование общественного мнения по вопросам борьбы с преступностью,
- углубление правовой осведомленности населения,
- информирование о деятельности правоохранительных органов,
- обеспечение раскрытия и расследования преступлений,
- профилактику правонарушений (339,12).

Содержание и формы реализации каждого из этих направлений взаимодействия существенно изменились в результате изменения социальнопсихологического климата в обществе, оценки жизненных ценностей, отношения к происходящему и т.п. Так, ес-

ли раньше имелись большие основания и возможности взывать к чувству гражданского долга, общественной солидарности, то теперь эти факторы практически не действуют и необходимо апеллировать к желанию защитить свою безопасность, свою собственность, получить вознаграждение за оказание помощи правоохранительным органам и т.д.

К взаимодействию со СМИ по вопросам обеспечения раскрытия и расследования преступлений относится:

- информирование населения о совершенных преступлениях;
- предотвращение и опровержение слухов и дезинформации;
- получение информации об обстоятельствах расследуемых преступлений;
- использование помощи граждан в розыске преступников;
- сообщение в профилактических целях о приемах и способах действий преступников;
- дезинформация преступников в отношении планов и возможностей действий правоохранительных органов;
- внесение разлада и неуверенности в криминальную среду с целью разложения преступных групп;
- создание благоприятных условий для решения иных следственных и оперативных задач.

Данный перечень, разумеется, не является полным, но применительно к нему мы постараемся отметить особенности информационного, организационного, психологического, тактического и прочих аспектов использования помощи СМИ в борьбе с преступностью в современных условиях.

Информирование населения о совершенных преступлениях, о состоянии преступности в целом и мерах борьбы с ней является, с одной стороны, реализацией права граждан на информацию о том, что происходит в обществе (в том числе на то, чтобы знать, как и на что тратятся деньги налогоплательщиков, - к чему мы еще не приучили наших граждан), с другой стороны, это - необходимость для создания условий деятельности правоохранительных органов, обеспечение благоприятного климата для взаимодействия с населе-

нием и СМИ, чтобы они чувствовали, что о них вспоминают не только тогда, когда нужна совершенно конкретная помощь, а в их взаимопонимании и помощи нуждаются всегда.

При информировании населения по правовым вопросам необходимо помнить, что правовая информация «не бывает нейтральной: она либо полезна, либо вредна, ... поэтому каждому случаю обнаружения правового материала должно предшествовать ясное осознание преследуемой публикацией цели» (343,29). С учетом этого сопоставление ценности полученных при достижении поставленной цели результатов с возможными отрицательными последствиями публикаций должно определять решение вопроса о целесообразности в данном конкретном случае обращения к средствам массовой информации. Любая публикация (обращение) может вызывать интерес, непонимание, недоумение, раздражение и т.п. Поэтому при подготовке информации необходимо помнить не только о ставящихся нами целях, но и о том, какие реакции это может повлечь со стороны населения. Причем негативные последствия могут выражаться не только в невосприятии поданной информации, но и в прямо противоположной реакции на нее: намеревались предотвратить или опровергнуть слухи - из-за некачественности подачи материала укрепили в их достоверности; пытались обеспечить осуждение конкретных действий и поступков - добились обратного и т.д.

При взаимодействии со СМИ необходимо учитывать не только отмеченные возможности наступления негативных последствий, но и особенности деятельности и специфику решаемых задач различными правоохранительными органами. Так, «сенсационные» разоблачения отдельных депутатов и чиновников - коррупционеров без последующего завершения публикуемых фактов информацией о вынесении обвинительных приговоров порождают убежденность в безнаказанности этих лиц (344,25). Профилактические цели опубликования материалов в СМИ не могут решаться единичными публикациями, тут нужны системность и последовательность, учет психологии восприятия аудитории. Например, действенность информирования о преступлениях в налоговой сфере будет определять не сенсационность материалов (масштаб укрытия, «важность»

персоны и т.п.), а конкретность того, что *именно мы* в результате этого (непоступления в бюджет) потеряли - сколько врачей или учителей не получают зарплату, чего лишатся дети, находящиеся в детских домах, и т.д. Применительно к деятельности налоговой службы следует учитывать и такие моменты, как отношение к различным категориям налогоплательщиков налогов. Интересны в этом плане данные ответов на вопрос: Как Вы относитесь к руководителям предприятий, которые уклоняются от уплаты налогов?

Варианты ответов	Население	Предприниматели	Непредприниматели
С одобрением	3	11	2
С пониманием	19	35	15
С осуждением	52	29	58
Безразлично	18	18	17
Затрудняюсь ответить	8	7	9

и на вопрос: Как Вы относитесь к рядовым гражданам, которые уклоняются от уплаты налогов?

Варианты ответов	Население	Предприниматели	Непредприниматели
С одобрением	5	11	4
С пониманием	37	59	34
С осуждением	34	13	38
Безразлично	14	14	14
Затрудняюсь ответить	9	3	11

Как видно, среди всех групп резко возросло число «понимающих» и сократилась численность «осуждающих», т.е. достаточно четко проявляется различие в оценке позиций и действий начальства, подчиненных и своих. Один из опрошенных - врач, не исклю-

чающий возможности заняться бизнесом в области медицины, свое отрицательное отношение к неплательщикам налогов объяснил тем, что он - бюджетник и с этих налогов живет, и продолжил: «Если бы я работал в фирме, я бы наверняка рассуждал по другому», а если бы занимался бизнесом, то «играл бы по действующим правилам, то есть вел двойную бухгалтерю и уходил от налогов» (345,237-255). Подача информации без учета отмеченных особенностей в большинстве случаев ничего кроме вреда принести не может.

Весьма актуальным и сложным при информировании населения является вопрос о том, **что нужно** и **что нельзя** делать достоянием гласности. Не случайно отмечается, что пресса и телевидение немало сделали для криминализации общественного сознания и просвещения потенциальных и действующих преступников (346,17-42). «Одним из наиболее опасных симптомов криминализации общества, - указывает В.С.Овчинский, - является **процесс легализации преступности**», когда с помощью СМИ «происходит диффузное проникновение элементов преступности в нормальный социальный организм, когда законопослушному гражданину становится трудно отделить противоправное от преступного, преступное от социально одобряемого, специфически криминальное от повседневно бытового, - так тесно переплелись и взаимодействуют между собой эти явления в реальной и изображаемой СМИ виртуальной действительности, куда зазываются следующие поколения» (347,24). Более того, СМИ нередко «открыто пропагандируют жестокость, порнографию, совершение преступлений, проводят мысль о массовом нарушении закона... как наиболее эффективном и не столь уж порицаемом средстве приобретения материальных благ, успеха в жизни» (373,301).

Никогда не следует забывать, что публикуемая информация станет известной не только нашим адресатам, но и тем, против кого мы намерены действовать с помощью СМИ. Это, прежде всего, касается объема и содержания информации по конкретно расследуемым делам, данных о средствах и методах борьбы с преступностью, сведений о способах совершения преступлений. В недалеком прошлом большинство учебно-методической литературы о крими-

налистике выпускалось с ограничительными грифами (вплоть до «сов.секретно»), чтобы «преступники не могли расширять свои познания». Однако эти грифы не могли служить надежной защитой, а скорее выступали «ограничителями» для ознакомления с литературой тех, кому она адресовалась. Делать вид, что «наши секреты» - это только «наши секреты», явная глупость, ибо даже применительно к методам агентурной работы не следует забывать, кто в основном является агентами. Особенно наглядно это сейчас, когда теоретической разработкой тактических приемов и методов противодействия правоохранительным органам занимаются не только анонимные специалисты (из числа тех, кто перешел на другую сторону «баррикад»), но и не скрывающие своего авторства (348). Следовательно, основным и непреложным секретом должно быть: **кто, где, когда, против кого и каким образом** будет действовать, а для остальных действий и обстоятельств должна применяться избирательная мера закрытости: чего больше принесет сообщение - пользы или **вреда** и какого именно. «Столь излюбленный прием секретничанья, - указывал Г.Гросс, - и смешон и часто прямо вреден. Самый правильный путь, это - постараться выяснить себе, какие последствия может иметь оглашение следственных данных. Если, по крайнему разумению, нельзя предвидеть каких-либо дурных последствий такого оглашения, то можно печатать без всякого опасения» (336,349).

Еще в библейские времена в талмуде было записано: «Мне известны все способы надувательства при отмеривании и взвешивании... Однако я поступил бы скверно, если бы описал эти надувательства, ибо возможно, что обманщики еще не знают некоторых из них и используют их опубликование во вред человеку; с другой стороны, нехорошо и молчать, ибо люди, не знающие их, будут таким образом, лишены возможности остерегаться обмана».

В профилактических целях в принципе целесообразно информировать население о способах и методах действий преступников, чтобы сократить возможность их становления жертвами таких преступлений, но, очевидно, не о всех способах. По телевидению был показан сюжет о том, как врач скорой помощи через журнал регистрации вызовов и по справкам о флюорографии (к которым в

поликлиниках имеется свободный доступ) выбирал «подходящих» больных, навещал их и под видом необходимого укола вводил снотворное, после чего совершал кражу имеющихся в квартире вещей. Когда у него закончились снотворные и он перешел на слабые, некоторые из больных начали просыпаться до оставления им квартиры и тогда он стал убивать их. В этом сюжете, по нашему мнению, отрицательное - возможное использование данного ранее не встречавшегося способа другими лицами - значительно превышает пользу профилактического предупреждения, по крайней мере в том виде, как был подан этот материал. Здесь даже был подчеркнут такой момент, как снятие возможного недоумения по поводу прихода неизвестного врача, упоминанием о вызове скорой или прохождением флюорографии.

Для дифференциации возможного к опубликованию и недопустимого четких критериев в литературе не приводится. Ранее, например, сведения взрывотехнического характера (о конструкции взрывных устройств, которые можно изготовить самостоятельно, рецептах самодельных взрывчатых веществ и т.р.) ограничивались цензурой, а в настоящее время подобные данные публикуются практически без ограничений. В 1995 г. издана книга У.Пауэлла «Поваренная книга для анархиста», названия частей которой говорят о том, что это настоящее руководство для террористов: «Как изготовить нитроглицерин», «Самодельная ручная граната», «Книжная мина-сюрприз» (349). Американцы отмечают рост числа случаев использования преступниками самодельных взрывных устройств, созданных по «рецептам», помещенным в Интернете (350,26).

Все это свидетельствует о необходимости ограничения распространения подобной информации. Г.Гросс писал: «Я представляю себе этот порядок вещей не иначе, как в законодательном порядке или же по ... соответствующему соглашению с представителями... печати, в силу которого судебный следователь будет снабжать репортеров всеми нужными сведениями, причем они обязаны печатать только сообщение судебного следователя, а этот последний - оглашать все, что признает нужным» (336,347-348). Однако действующее законодательство (в том числе Закон

Украины «О государственной тайне») не предусматривает этого. Закрепленные в Конституции свобода слова и печати не могут быть бесконтрольными без вреда для граждан, особенно в условиях расширения проявлений терроризма. Поэтому несмотря на все сложности, законодатель должен решить проблему ограничения распространения информации, которая может быть использована в преступных целях и серьезно угрожать жизни общества (351,21-22). По данным нашего опроса населения 63,5% респондентов (из 2189 чел.) на вопрос допустимо ли освещение в СМИ способов совершения преступлений и методов борьбы с преступностью ответили отрицательно.

В Резолюции №428 (1970) Консультативной ассамблеи Совета Европы «Относительно Декларации о средствах массовой информации и правах человека» сказано: официальные власти «обязаны *в разумных пределах* (выделено нами - авт.) предоставлять информацию по вопросам, представляющим интерес для общественности», без конкретизации этих «пределов». А в подразделе «Меры по обеспечению ответственности печати и других средств массовой информации» предлагают лишь принять кодекс профессиональной этики журналистов с отражением таких вопросов как «распространение точных и *сбалансированных* (выделено нами - авт.) сообщений, исправление неправильной информации, проведение четкого различия между распространяемой информацией и комментариями, недопущение распространения клеветнических утверждений, уважение права на личную жизнь, а также уважение права на справедливое судебное разбирательство».

С информированием населения по правовым вопросам тесно связано предупреждение и опровержение слухов, которые могут появляться как в силу отсутствия или неполноты удовлетворения общественного интереса (резонансные преступления и т.п.), так и в результате целенаправленных действий заинтересованных лиц и организаций (342,123; 352,50-51). Последнее получило в настоящее время значительное распространение благодаря тому, что у криминалитета имеются практически неограниченные возможности покупать (или создавать свои) СМИ либо оплачивать заказные публикации. 60% опрошенных нами следователей прокуратуры указа-

ли, что встречались с фактами противодействия со стороны СМИ в форме дискредитации, фальсификации и т.п.

Действия правоохранительной системы должны быть упреждающими применительно к обеим ситуациям. В отношении первой ситуации речь идет о том, что необходимо четко чувствовать и **отслеживать** потребность граждан в информации по конкретным фактам (делам) и по общим вопросам правоохранительной деятельности. Так, например, «выжидательная» позиция при совершении серии однотипных преступлений (даже при полной убежденности практиков, что они совершаются разными лицами) в большинстве случаев может стать основой для рождения слухов о появлении «маньяка». «Если по поводу «нашумевшего» события (преступления) не дается опровержения, либо объективной оценки официальными источниками (органом внутренних дел, редакцией), воспринимаемая все новыми лицами стихийная информация понимается ими как достоверная...Поэтому всякое промедление с информированием населения об истинном положении дел.. может лишь усугубить положение» (343,32-33). В связи с этим весьма актуально заявление: «Мы обязаны чувствовать моральную ответственность не только за то, что мы сказали, но и за то, чего не сказали, хотя обязаны были сказать» (353,17).

Выявление «купленных» средств и журналистов должно осуществляться на основе детального анализа направленности их публикаций; путем приглашения на пресс-конференции, где сообщается точная и конкретная информация в сфере их «интересов»; путем направления им конкретных информационных материалов и т.п. При неизменности направленности их публикаций (несмотря на представляемую информацию), на наш взгляд, можно и необходимо публиковать данные о таком игнорировании и извращении полученных данных (по принципу: мы видим и знаем) и даже практиковать отказ в аккредитации таким изданиям и журналистам с прямым указанием причины отказа (170,8; 354,89). Разумеется, подобный вывод о «специфической» позиции не может делаться на основе одной публикации, выступления. Но пора переходить к активной борьбе с преступностью и ее ставленниками в сфере массовых коммуникаций: «использованию СМИ криминальными структура-

ми должна быть противопоставлена целенаправленная аналитическая работа правоохранительных органов... с материалами прессы» (342,135).

В связи с существованием целевой дезинформации со стороны СМИ и их хозяев (так называемой «информационной поддержки», (355,15-16) встает вопрос о возможности использования данного средства правоохранительными органами в борьбе с преступностью.

К целям использования дезинформации через СМИ в процессе раскрытия и расследования преступлений относят:

- воздействие для отказа от совершения новых преступлений,
- побуждение противостоящего субъекта к совершению избыточных его действий,
- исключение возможности правильной оценки состояния и обстановки расследования подозреваемыми и противодействующими криминальными группами (342,128).

В числе действий и последствий, которые планируются по результатам опубликования целевых материалов, отмечаются - внесение разлада и неуверенности в криминальную среду, в конкретные преступные группировки с целью их разложения (создание «тревожной» ситуации, компрометация лидеров и т.д.), т.е. опять-таки речь идет об активности и наступательности публикаций, а не только об их информативности (356,74; 357,66).

В связи с побуждением интересующих правоохранителей лиц к определенным действиям с помощью дезинформации, передаваемой через СМИ, возникает принципиальный вопрос - допустимо ли это без раскрытия подлинной цели журналисту или редакции? Представляется, как правило, нет, если речь идет о конкретных редакциях и журналистах, с которыми мы намерены взаимодействовать, а не просто использовать их. В тех случаях, когда, например, в газете помещается платное объявление - «ловушка», когда «ошибка» в корреспонденции может быть «объяснена» неточностью, когда опубликование дезинформации не может повлечь никаких неприятностей и претензий к передавшим их учреждениям и лицам, указанная акция может быть осуществлена без расшифровки

ее действительной цели. В этих случаях, как отмечают А.Ю.Головин и Е.С.Дубоносов, целесообразно использовать частичную дезинформацию - включение в текст (передачу) к реально имевшим место фактам, явлениям несоответствующих действительности обстоятельств, которая затрудняет как обнаружить это, так и разобраться на каком этапе подготовки материала искажен его смысл (342,128).

Наиболее часто обращение к СМИ связано с необходимостью получения помощи в раскрытии и расследовании совершенных преступлений: выявление свидетелей и потерпевших, получение данных об обстоятельствах совершенного преступления, установление и розыск преступника, обнаружение похищенного и следов преступления. Обращение за помощью к населению может вызывать ответную реакцию: от горячего желания помочь до полного безразличия и даже крайне негативную («Сами ни на что не способны»). Поэтому содержание и главное - форма обращения - должны быть ориентированы на конкретного адресата и соответствующую его реакцию, т.е. человек должен почувствовать, что обращаются именно к нему, что у него в этом деле есть своя заинтересованность (в том числе, как уже отмечалось, и в виде материального вознаграждения). Без четкого ориентирования на конкретную категорию адресатов (беспокоящихся за безопасность своих близких, ассоциирующих себя с возможностью подобной угрозы, заинтересованных в пресечении конкретного зла и т.д.) рассчитывать на действенность и эффективность обращения крайне проблематично.

Необходимо знать и использовать такие «хитрости» журналистики как, например, «завлечение», когда заголовки газет, начальные фразы передач направлены, прежде всего, на привлечение внимания читателей и зрителей, т.е. построении материала по принципу «перевернутой пирамиды» - подачи всех данных в порядке убывания их важности и интереса. При этом следует помнить, что сообщения и публикации по правоохранительной тематике традиционно пользуются у аудитории вниманием. Это обстоятельство нередко используется против правоохранительных органов. Далекая от объективности критика этих органов превращается из фактора, призванного совершенствовать деятельность, в фактор, превраща-

ющий среду функционирования правоохранительных органов в неблагоприятную, затрудняющую борьбу с преступностью. Журналисты, учитывая интересы широкой публики, которая желает, чтобы ее не только информировали, но и развлекали, часто стремятся преподнести что-то новое, неожиданное, оригинальное. При этом достоверность отходит на второй план (358,31).

При выборе СМИ для решения конкретных задач необходимо учитывать не только их возможности по охвату получателей информации, но и то, что радио и телевидение могут оперативно сообщить о том или ином событии, газеты прокомментировать его, журналы - теоретически обосновать (342,119).

Встает вопрос, кто должен готовить и выдавать информацию СМИ. Встречаются не совсем правильные, на наш взгляд, рекомендации следователям «уклоняться от контактов со СМИ», передоверяя это представителям Центра общественных связей (179,146). Если речь идет об общем информировании прессы (даже по факту конкретного преступления), как правило, целесообразно, чтобы это осуществляли представители по связям с общественностью, поскольку у них больше опыта такого общения, шире осведомленность о «фоне», на котором подается информация о частном факте, да и они не обременены теми проблемами, которые предстоит решать следователю. Но если требуется получить конкретную помощь на основе даваемой информации, то по крайней мере готовить такую информацию должен тот, кто будет заниматься раскрытием и расследованием данного преступления, ибо он, как правило, лучше всех представляет от кого и какая именно помощь нужна и как это сделать, чтобы получить ожидаемый результат. Следует приветствовать появление в России типового положения об отделе (отделении, группе) информации и общественных связей МВД (Приказ №231 МВД России от 16.04.1997г.).

В сфере борьбы с преступностью приобретает значение такое явление как журналистское расследование. Все чаще отдельные журналисты занимаются самостоятельным исследованием фактов и поведения лиц, которые могут носить криминальный характер, о результате они могут выявить преступные проявления (340,60). Правильно отмечается, что «журналиста, который постоянно пи-

шет о каких-то однотипных проблемах, вполне можно рассматривать как эксперта в той или иной области» (359,777).

Как относиться к такой деятельности и полученным материалам? В зарубежной практике возможности журналистов в сборе информации используются достаточно широко. Например, в США материалы СМИ рассматриваются сотрудниками полиции как надежный легальный источник информации. Более того, сотрудникам полиции рекомендуется осуществлять регулярный «обмен» информацией с корреспондентами, заслуживающими доверия полицейской разведки (342,126).

Журналисты, специализирующиеся на правовой проблематике, нередко могут провести достаточно качественное непроцессуальное расследование и выявить факты, требующие уголовно-правового реагирования, но их «расследования» могут носить популистский, поверхностный и явно непрофессиональный характер. С процессуальной точки зрения тут нет никакой проблемы, поскольку подобные материалы не будут иметь никакого доказательственного значения и могут рассматриваться лишь в качестве повода и основания к возбуждению уголовного дела, т.е. соответствующей процессуальной проверки полученных данных. Но с информационно-организационной стороны тут есть ряд вопросов. Во-первых, эти материалы могут отражать объективную картину исследованного и служить существенным подспорьем в раскрытии и расследовании преступлений, во-вторых, они могут быть следствием «заказа», непрофессионального подхода к сбору информации и ее оценки. Поэтому их использование правоохранными органами в борьбе с преступностью в принципе допустимо, но требует обязательной оценки - не стоит ли за данным «расследованием» какая-либо корыстная или низменная цель. В связи с этим следует приветствовать появление учебного пособия «Журналистское расследование», авторы которого раскрывают понятие этого метода (а не жанра) журналистики и пытаются вооружить его знанием журналистов, чтобы отграничить профессиональное журналистское расследование от «поделок» и простой погони за сенсациями (360).

Многими авторами, исследующими рассматриваемую проблему, подчеркивается, что сотрудники правоохранительных

органов, как правило, не обладают необходимыми знаниями и умениями полезного и творческого взаимодействия со СМИ (341,56; 352,52). Это касается всех сторон организации и осуществления взаимодействия: как найти и выбрать соответствующие органы СМИ (журналистов) для постоянного взаимодействия или осуществления разовой акции; какими должны быть формы и способы взаимодействия; что может и что не должно публиковаться; особенности подготовки и представления информации в зависимости от цели ее обнародования и т.д. Одним из путей решения этих проблем является создание и использование пресс-служб правоохранительных органов. Но в целом искусством общения со СМИ и полноценного использования их возможностей должны владеть все следователи и оперативные работники, чтобы успешно решать стоящие перед ними задачи. Но пока анализ практики использования СМИ свидетельствует, что нередко подготовленные работниками правоохранительных органов материалы, предназначенные для привлечения населения к участию в раскрытии и расследовании преступлений, не соответствуют поставленным целям из-за неправильной их ориентации, неправильного выбора обращения, ненадлежащей формы и т.д. (342,119-120).

И, следовательно, нужно специально исследовать организационные, психологические и тактические аспекты взаимодействия правоохранительных органов со СМИ и разрабатывать конкретные рекомендации для реализации этих знаний и умений в практической деятельности, поскольку СМИ являются важным информационным резервом правоохранительной деятельности.

7. Проблемы защиты участников уголовного судопроизводства

Борьба с преступностью в современных условиях требует совершенно нового подхода к средствам и способам собирания информации для раскрытия и расследования преступлений. Сейчас все чаще приходится сталкиваться с тем, что не только свидетели, но нередко и потерпевшие не желают сообщать известные им данные о преступлении. Тут и просто «нежелание связываться с правоохра-

нительными органами», и заинтересованность (в том числе в результате подкупа), а главное - боязнь, как потенциальная, так и реальная (следствие уже оказанного воздействия). Поэтому особое значение приобретают вопросы обеспечения безопасности лиц, которые могут способствовать разоблачению преступников. Об актуальности этого свидетельствуют, в частности, данные опроса работников правоохранительных органов, которые указали, что по каждому второму уголовному делу имело место воздействие на потерпевших и свидетелей (361,13).

Категории лиц, нуждающиеся в защите в сфере уголовного судопроизводства, составляют две основные группы:

а) работники правоохранительных органов (следователи, дознаватели, оперативные работники и т.д.);

б) потерпевшие, свидетели, подозреваемые, обвиняемые и лица, которые могут способствовать изобличению преступной деятельности, прежде всего - преступных групп и сообществ, а также родственники и близкие этих двух категорий.

О важности защиты судей, следователей и других работников правоохранительных органов свидетельствует мировой опыт борьбы с организованной преступностью. В нашей практике имели место случаи, когда встречались трудности при назначении состава суда для рассмотрения уголовных дел об особо тяжких преступлениях. Уже возникла проблема анонимного производства экспертиз в связи с необходимостью избежать угроз и шантажа применительно к такой вроде бы нейтральной фигуре уголовного процесса как эксперт (362,26-27).

Особую актуальность представляет защита второй группы лиц, поскольку влиянием и воздействием на них преступники и иные заинтересованные лица осуществляют основное противодействие расследованию.

На вопрос о том, достаточны ли и надежны меры защиты потерпевших и свидетелей опрошенные нами граждане (5470 чел. из Украины, России, Беларуси и Молдовы) ответили:

а) да, достаточны	-4,1%
б) надежны не в полной мере	- 49,8%
в) вообще не надежны	- 46,1%

В связи с этим на вопрос о том, сообщат ли они в правоохранительные органы по собственной инициативе, если им станет известно о совершенном преступлении, 46,2% опрошенных ответили отрицательно (363,36).

Основная разница между направленностью воздействия на эти группы лиц состоит в том, что, применительно к первой цель в том, чтобы не дать что-либо сделать, а ко второй - не допустить поступление информации либо исказить ее. В первом случае, например, запуганного или подкупленного судью можно заменить, а свидетеля или тем более потерпевшего, как правило, заменить нельзя. Не противопоставляя значения и важности (особенно жизни) лиц первой и второй групп, необходимо отметить значительную массовость посягательств и воздействия на участников процесса из второй группы. Следует заметить, что государство, которое не может (или не желает) обеспечить защиту потерпевших, свидетелей и других лиц второй группы - неразумное либо не располагающее необходимыми для этого средствами, а государство, которое не гарантирует безопасности лиц первой группы - просто бессильное государство.

К второй группе законодатель относит практически всех участников уголовного процесса - от потерпевших и свидетелей до гражданского истца и ответчика и их представителей, а также членов семей и близких родственников этих лиц (364,ст.51).

К основным направлениям и мерам защиты относятся:

а) правовые, включающие две подгруппы:

- уголовно-правовые (установление ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и имущество защищаемых лиц);
- уголовно-процессуальные (совершенствование процедуры получения данных, обеспечивающих безопасность лиц, представляющих информацию);

б) социально-экономические (предоставление возможности изменить биографические данные, сменить место жительства и работы, обеспечение семьи в случае гибели защищаемого лица и т.д.);

в) физические (предоставление охраны, техническая защита жилых и служебных помещений и т.п.).

Социально-экономические и физические меры защиты, во-первых, недостаточно надежны (охранять всегда и везде невозможно, а «исчезнуть, раствориться» в масштабах нашей страны весьма сложно, особенно с учетом возможностей организованной преступности), во-вторых, государство в настоящее время не располагает необходимыми для этого средствами обеспечения надежности и эффективности данных мер защиты. Так, закон Украины «О государственной защите работников суда и правоохранительных органов» (1994г.) в ст. 10 определяет: «...может быть наложен временный или постоянный запрет на выдачу сведений о месте жительства защищаемых лиц и иных сведений о них адресными бюро, паспортными службами, АТС и другими официальными информационно-справочными службами».

В идеале это хорошая мера, но в современных условиях, когда «деньги решают все», опасность «утечки» информации весьма велика. Проиллюстрируем это одним примером. В обращении появились фальшивые деньги. Сотрудники ЭКУ МВД подготовили секретную информацию для распознавания этих денег, в которой отметили имеющиеся признаки-недостатки. Через непродолжительное время фальшивомонетки продолжили изготовление этой серии денег, устранив практически все недостатки, которые были отмечены в секретном документе, т.е. мы не можем обеспечить защиты тайны даже в своем «доме».

В ст. 12 этого же закона говорится: «Решение вопросов переселения в другое место жительства, предоставление жилой площади, материальной помощи... - обеспечивается в порядке, определенном Кабинетом Министров Украины». Какие возможности есть у нашего государства для реализации этих мер в настоящее время? Практически никаких. Так, даже более простое в осуществлении защиты средство в виде обеспечения личной охраны не реализуется либо при этом от защищаемого требуют оплаты «охранных услуг». Так, Детям убитого депутата Е.Щербаня предложили охрану по 5 ты-

сяч гривен за одного охранника в месяц. В связи с этим один из них заявил: «Если мы нужны государству - как свидетели - живыми и для этого требуется охрана, то дайте же ее на предусмотренных законом условиях!»

В США «Закон об усилении безопасности свидетеля» (1984) устанавливает те же меры защиты, которые предусмотрены нашим законодательством, а в плане материальной помощи даже шире, например, обеспечение перевозки мебели и крупного имущества на новое место жительства, выплата денег для удовлетворения основных жизненных нужд и т.д. Но их реальность обеспечивается соответствующим финансированием. Кроме того, в 39 штатах приняты правовые акты по выдаче компенсаций лицам, дающим свидетельские показания и нуждающимся в защите (365,52-53).

В числе мер защиты предлагается вынесение официального предостережения лицу, от которого исходит угроза насилия или других запрещенных законом деяний (366,131; 367,158-159). Предложение правильное и такую меру предусмотреть необходимо, но ее действенность в современных условиях весьма сомнительна.

В США в 1982 году существенно повышена уголовная ответственность за оказание тайного воздействия на жертв и свидетелей преступлений - штраф до 250000 долларов или тюремное заключение на срок до 10 лет, либо оба наказания вместе (368,98).

Отмеченное свидетельствует о нереальности многих из отмеченных мер защиты, предусмотренных нашим законодательством, и необходимости поиска тех, которые могут гарантировать надлежащую защиту.

В настоящее время наиболее реальной и перспективной представляется система уголовно-процессуальных мер защиты. К ним следует отнести:

1. Изъятие из материалов уголовного дела сведений о допрашиваемом лице, допрос под псевдонимом. Мера в принципе необходимая, но при ее реализации (на этапе допроса, изъятия данных,

обеспечения их тайного хранения и т.д.) свести к минимуму количество осведомленных лиц (2-3 лица - не более) весьма сложно, а, следовательно, трудно обеспечить сохранность в тайне этих данных.

2. Представление на допросе (как на следствии, так и в суде) данных, сообщенных лицом, защита которого обеспечивается, тем, кто получил от него эти данные. Например, допрос оперативного работника о данных, которые ему стали известны из донесений или сообщений негласных сотрудников или граждан, как это предлагается в Модельном Уголовно-процессуальном кодексе.

В судах США допускается допрос не самого свидетеля, а должностного лица полиции или следователя, которым от защищаемого лица в ходе служебной деятельности стали известны обстоятельства преступления (369,128). В ФРГ в качестве меры безопасности допустим допрос «по судебному поручению» агента полиции «специально уполномоченным судьей-докладчиком» с последующим оглашением содержания протокола допроса в суде (363,37).

В практике борьбы с организованной преступностью имеет место не только анонимность допрашиваемого, но и допрашивающего. Так, в Колумбии ведение процессов по делам организованной преступности осуществлялось «судьей без лица». При этом подсудимый отвечал перед телекамерой на вопросы судьи, который никому не был известен, кроме назначавшего этих судей президента страны (370,8-13).

Однако, сокрытие источника информации вызывает возражения, поскольку это противоречит принципам уголовного судопроизводства, в частности, непосредственности, состязательности и равноправия сторон (371,139). В ФРГ эта проблема решена за счет ограничения возможности использования данной меры лишь «при защите особо охраняемых интересов (жизнь и здоровье свидетеля)».

3. Допрос лица в закрытом судебном заседании. Эта мера рекомендуется для случаев, когда имеются данные об оказании воздействия со стороны лиц, заинтересованных в неправомерном исходе рассмотрения дела (368,99). Данную меру следует отнести к условиям, призванным обеспечить надлежащую работу суда, но мерой защиты лица ее вряд ли можно признать, ибо после завершения судебного заседания свидетель оказывается в зоне досягаемости заинтересованных лиц.

4. Проведение следственных действий без контакта лица, нуждающегося в защите, с подозреваемым, обвиняемым и другими лицами, расшифровка перед которыми нежелательна. Вопрос об этом уже давно обсуждается на страницах юридических изданий. В первую очередь речь идет о предъявлении для опознания, очной ставке (372,50-51).

В зарубежных странах, например в США, давно проводится опознание без прямого контакта опознающего и опознаваемого, для чего используются комнаты, разделенные стеклом одностороннего обзора. Представляется, что данный опыт может быть взят нами на вооружение.

Применительно к очной ставке вопросы обеспечения безопасности могут решаться двумя основными путями:

а) организацией очной ставки с использованием технических средств, когда допрашиваемые не видят друг друга;

б) за счет замены прямого общения предложением прослушать магнитную запись показаний другого лица и дать по этому поводу свои объяснения (можно использовать и протокол показаний защищаемого лица, но «звучащая речь» воспринимается более конкретно и эмоционально).

При использовании технических средств (аудио-видеозаписи) возможны две ситуации. Первая, при которой обеспечивать анонимность участника очной ставки не требуется, необходимо лишь исключить «давление», которое легко реализовать заинтересованному лицу при непосредственном общении. Вторая - анонимность

необходима. В этом случае для обеспечения сохранности тайны участника следственного действия рекомендуются технические средства защиты - «закрытие изображения», изменение звучания голоса и т.д. В принципе это использовать можно, но при этом необходимо иметь в виду, что помимо голоса и лица имеется возможность узнать защищаемого по мельчайшим деталям - внешности, поведения, одежды. Следовательно, маскировка (сокрытие) при этом должна быть полной, исключающей возможность узнавания по каким-либо мелким признакам. Кроме того, содержание данных и способ их подачи также могут служить ориентиром для определения того, кто мог располагать этой информацией, для кого характерна такая манера формулирования и подачи материала.

Из этого, в целях защиты способствующих расследованию лиц, вытекает задача обеспечения тактических приемов использования конкретных данных. И, следовательно, необходима разработка таких приемов. В основу этого могут быть положены наработки тактических приемов использования оперативно-розыскной информации в расследовании преступлений. Иными словами, можно и необходимо вести речь о тактических аспектах защиты при использовании информации, полученной от лиц, нуждающихся в обеспечении безопасности.

Таким образом, для обеспечения реальной безопасности лиц, способствующих борьбе с преступностью, в уголовно-процессуальном законодательстве должен быть решен ряд принципиальных вопросов по процедуре получения и использования доказательственной информации, которая поступает от нуждающихся в защите лиц. Это уже отмеченные проблемы анонимного допроса, предоставление данных, полученных от другого лица и т.п.

При этом следует учитывать, что обеспечение защиты прав и интересов человека и рационализация расследования преступлений всегда находится в противоречии: любое усиление гарантий прав

личности усложняет процедуру расследования и наоборот. Поэтому необходимо искать их правильное соотношение («золотую середину»), а не скакать из крайности в крайность. При этом не следует забывать, что любое усложнение процедуры расследования, обеспечивая повышение гарантий прав личности по конкретным вопросам, в конечном итоге скажется на полноте защиты прав личности по другим аспектам. Поэтому, при создании условий для осуществления судопроизводства должно быть обеспечено разумное соотношение учета интересов и прав всех участвующих в этом лиц и сторон.

Библиографические ссылки.

1. Криминалистика. - М., 1935
2. Шавер Б.М., Винберг А.И. Криминалистика. - М., 1940
3. Митричев С.П. Задачи советской криминалистики как науки//Советская криминалистика на службе следствия. - М., 1951
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. Общая теория криминалистики. - М., 1997
5. Зотов В.Л. Современная криминалистическая техника. - М., 1973
6. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. - М., 1984
7. Стринжа В.К., Бахин В.П., Карпов Н.С. Проблемы полноты использования научно-технических возможностей в расследовании//Криминалистика и судебная экспертиза. К., 1988. Вып.38
8. Манне Г. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания //Труды профессоров и преподавателей Иркутского гос.Ун-та. Отдел 1. Иркутск, 1921. Вып.2
9. Якимов И.Н. Криминалистика. - М., 1925
10. Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики//Соц.законность, 1938, №6
- П. Краснобаев Ю.И. Понятие предмета советской криминалистики (история и современное состояние проблемы). Авто реф. дис.канд.юрид.наук.-М., 1976
12. Пантелеев И.Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики. -М., 1980
13. Бахин В.П. Следственная практика: проблемы изучения и совершенствования.- Киев, 1991
14. Бахин В.П., Батюк О.В. Задачи криминалистики в условиях формирования рыночной экономики //Актуальные проблемы расследования и предупреждения преступлений в условиях перехода к рыночной экономике. - Барнаул, 1993

личности усложняет процедуру расследования и наоборот. Поэтому необходимо искать их правильное соотношение («золотую середину»), а не скакать из крайности в крайность. При этом не следует забывать, что любое усложнение процедуры расследования, обеспечивая повышение гарантий прав личности по конкретным вопросам, в конечном итоге скажется на полноте защиты прав личности по другим аспектам. Поэтому, при создании условий для осуществления судопроизводства должно быть обеспечено разумное соотношение учета интересов и прав всех участвующих в этом лиц и сторон.

Библиографические ссылки.

1. Криминалистика. - М., 1935
2. Шавер Б.М., Винберг А.И. Криминалистика. - М., 1940
3. Митричев С.П. Задачи советской криминалистики как науки//Советская криминалистика на службе следствия. - М., 1951
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т.1. Общая теория криминалистики. - М., 1997
5. Зотов В.Л. Современная криминалистическая техника. - М., 1973
6. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. - М., 1984
7. Стринжа В.К., Бахин В.П., Карпов Н.С. Проблемы полноты использования научно-технических возможностей в расследовании//Криминалистика и судебная экспертиза. К., 1988. Вып.38
8. Манне Г. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания //Труды профессоров и преподавателей Иркутского гос.Ун-та. Отдел 1. Иркутск, 1921. Вып.2
9. Якимов И.Н. Криминалистика. - М., 1925
10. Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики//Соц.законность, 1938, №6
11. Краснобаев Ю.И. Понятие предмета советской криминалистики (история и современное состояние проблемы). Автореф. Дис.канд.юрид.наук.-М., 1976
12. Пантелеев И.Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики. -М., 1980
13. Бахин В.П. Следственная практика: проблемы изучения и совершенствования.- Киев, 1991
- *4. Бахин В.П., Батюк О.В. Задачи криминалистики в условиях формирования рыночной экономики //Актуальные проблемы расследования и предупреждения преступлений в условиях перехода к рыночной экономике. - Барнаул, 1993

15. Чулюкин Л.Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань, 1984
16. Криминалистика. 4.1.- М., 1950
17. Криміналістика. Криміналістична тактика і методика розслідування злочинів. - Харків, 1998
18. Белкин Р.С. О природе криминалистической науки//Труды академии МВД РФ. - М., 1996
19. Белкин Р.С. Курс криминалистики. - М., 2001
20. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М, 2001
21. Проблемы криминалистического распознавания. - М., Иркутск, 1999
22. Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. -Минск, 2000
23. Колдин В.Я. Служебная роль криминалистики //Криминалистика. XXI век. Материалы научно-практической конференции 26-28 февраля 2001г. Т.1. - М., 2001
24. Статкус В.Ф. Новые условия требуют новых решений //Уголовный процесс и криминалистика на рубеже веков. -М., 2000
25. Седова Т.А. Новый УПК и задачи криминалистики как науки о приемах собирания допустимых доказательств //Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. - Краснодар, 2002
26. Корухов Ю.Г. Значение творческого наследия Р.С.Белкина в развитии отечественной криминалистики //Роль и значение деятельности профессора Р.С.Белкина в становлении и развитии современной криминалистики.- М., 2002
27. Коломацкий В.Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений //Криминалистика. Т. 1. История, общая и частные теории. - М., 1995
28. Ефремов И.А. Некоторые вопросы криминалистического обеспечения доказывания по уголовным делам об организованной преступной деятельности //Инф.бюллетень №13. Академия управления МВД России.-М.. 2001

29. Тер-Акопов А.А. Уголовная политика Российской Федерации. -М., 1999
30. Зеленецкий В.С. Возбуждение уголовного дела. - Харьков, 1998
31. К вопросу о борьбе с организованной преступностью в США// Проблемы преступности в капиталистических странах. Информационный бюллетень - М., 1987 №6
32. Скоромников К.С. Существующая система учета преступлений и раскрытия их нуждается в кардинальной реформе //Гос-во и право, 2000, №1
33. Минкин П.Ф. Метод наблюдения в исследовании организованной преступности //Организованная преступность - угроза культуре и державности России. - Санкт-Петербург, 1998
34. Базаров Р.А. Преступность сегодня: краткий криминологический анализ//Российский следователь, 1999, №3
35. Каминский М.К. Взаимодействие, отражение, информация // Теория криминалистической идентификации и дидактические вопросы специальной подготовки сотрудников аппаратов БХСС. - Горький, 1982
36. Дулов А.В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами.-Минск, 1985
37. Колдин В.Я. Предмет, методология и система криминалистики //Криминалистика социалистических стран. - М., 1986
38. Дулов А.В. Задачи, функции и предмет криминалистики //Криминалистика. - Мн., 1996
39. Возгрин И.А. Криминалистическая тактика: понятие и предмет исследования //Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России.-СПб,1999,№1
40. Зелінський А.Ф., Коржанській М.Й. Корислива злочинна діяльність. - К., 1998
41. Колдин В.Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования//Сов.гос-во и право, 1987,№2

42. Тищенко В.В. Кримналістическі аспекти изучения преступной деятельности //Проблемы государства и права Украины. Тематический сборник научных трудов. - Киев, 1992
43. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. - Горький, 1974
44. Кривошей П.К. Понятие «преступная деятельность» //Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. Межвузовский сборник научных трудов. -Киев, 1986
45. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1.-М., 1994
46. Клочков В.В., Образцов В.А. Преступление как объект криминалистического познания //Вопросы борьбы с преступностью. Вып.42.- М., 1985
47. Гасенко В.І., Сафронов С.О. До питання про предмет криміналістики//Вісник Університету внутрішніх справ. Вип.9, 1999
48. Караев Т.Э. Повторность преступлений. -М., 1983
49. Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. -Харьков, 1986
50. Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. -М., 1982
51. Зелинский А.Ф. Криминология.-Харьков, 2000
52. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления. Автореф.дисс...д-ра юрид.наук.- М.,1997
53. Кустов А.М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления. - М.,1997
54. Деятельность: теории, методология, проблемы. - М.,1990
55. Данышин І., Лисодєд О. До питання про поняття злочинної діяльності//Вісник Академії правових наук України. №3 (14). -Харків, 1998

56. Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессий //Правоведение, №4. - Санкт-Петербург, 1998
57. Чуваева А.А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение. (Цель и деятельность).- Л., 1979
58. Швырев В.С. Деятельность как философская категория //Вопросы философии, 1985, №2
59. Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. - М.,1978
60. Иванов В.П. Человеческая деятельность - познание- искусство. -Киев, 1977
61. Каган М.С. Опыт системного анализа человеческой деятельности/Шаучные доклады высшей школы. Философские науки, 1970,№5
62. Белкин Р.С. Криминалистический аспект понятия преступной деятельности//Криминалистика. Учебник. Т. 1. История, общая и частные теории -М., 1995
63. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение //Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1,вып. 1, 1993
64. Айдинян Р., Глинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность //Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. - М.,1997
65. Гаевский И., Смелое В. США - тайная война против инакомыслящих. - М., 1978
66. Бачинин В.А. Философия права и преступления. - Харьков, 1999
67. Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч., т.23
68. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки.- М., 1978
69. Кветной М.С. Человеческая деятельность: сущность,структура, типы (социологический аспект). - Саратов, 1974
- '0. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность.-М., 1975

71. Лекторский В.А. Статус деятельности как объяснительный принцип // Вопросы философии, 1985, №2
72. Бедный Г.З. Психологические основы анализа и проектирования трудовых процессов. - Киев - Одесса, 1987
73. Кондратьев Я.Ю., Камлик М.І., Сущенко В.Д. Соціально-кримінологічна характеристика "п'ятої влади" // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика), №2 - Київ, 2000
74. Стояновский М.В., Трухачев В.В. Классификация способов сокрытия преступной деятельности // Криминалистические средства и методы исследования преступлений. Вып. 10. - Воронеж, 1999
75. Коваленко О.И., Филонов В.П. Курс лекций по криминологии и профилактике преступлений. - Донецк, 1995
76. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т.3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. - М., 1997
77. Криводід О.І. Протидія слідству при розслідуванні злочинів, вчинених організованими злочинними групами // Актуальні проблеми науки в дослідженнях молодих учених. 36. наукових праць. Вип., 3, 4. - Харків, 1997
78. Schelling T.C. Economic Analysis and Organized Crime // U.S. The President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice. Task Force Report: Organized Crime. Annotations and Consultants Paper. Washington, 1967
79. Воронович Б.А., Плетников Ю.К. Категория деятельности в историческом материализме. - М., 1975
80. Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Essays in the Economics of Crime and Punishment / Ed by G.S. Becker, W.L. Landes. N.Y., 1974
81. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. - Красноярск, 1988
82. Лунеев В.В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Гос-во и право, 1988, №5
83. Жбанков И.И. Философские принципы в научном познании. - Минск, 1974

84. Демин В.Н. Принципы материалистической диалектики в научном познании. - М., 1979
85. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1 - М., 1968
86. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. - М., 1971
87. Михеенко М.М. Понятие и система принципов советского уголовного процесса // Проблемы правоведения. Вып.42. - **К., 1981**
88. Нор В.Т. Нравственное содержание принципов советского уголовного процесса // Вестник Львовского ун-та. Вып.22. - Львов, 1983
89. Коновалова В.Е. Нравственные начала судопроизводства // Соц. законность, 1984, №5
90. Кузьмичев В.С. Система принципов следственной тактики // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып.46. - Киев, 1987
91. Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия. - Санкт-Петербург, 1997
92. Коновалова В.Е. Криминалистическая тактика: принципы и функции // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып.22. - К., 1981
93. Гуров А.И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. - М., 1990
94. Нинна Р. Мафия против закона. - М., 1988
95. Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений. - Минск, 1983
96. Томин В.Т. Насущные проблемы предварительного расследования на современном этапе // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы по делам о тяжких преступлениях. Караганда, 1985
- "7. Садченко А.А. Изучение потребностей следственной практики как условие ее совершенствования. Дис.канд.юрид.наук. - Киев, 1989

98. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М.,1987
99. Киквидзе Д.А. Потребности. Поведение. Воспитание ~ М.,1968
100. Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л.,1983
101. Смирнова С.Н. Потребности как экономическая категория //Потребности, интересы и стимулы в хозяйственном механизме социалистического общества. Л.,1983
102. Кудрявцев В.Н. Юридические исследования - на уровень современных задач //Сов. государство и право. 1987. №7
103. Номоконов В.А. Новый УПК для вчерашней преступности? //Реагирование на преступность: концепции, закон, практика.- М.,2002
104. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства.- М.,1991
105. Лисиченко В.К., Стринжа В.К., Сегай М.Я. Проблемы криминалистики и судебной экспертизы в свете решений XXVII съезда КПСС //Криминалистика и судебная экспертиза. - Вып.34.- Киев,1987
106. Пашкевич П.Ф. Проблемы процессуального обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства //Вопросы борьбы с преступностью. - Вып.14. - М.,1971
107. Бахин В., Когамов М., Карпов Н. Допрос на предварительном следствии. Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы.- Алматы,1999
108. Томин В.Т. Научная организация труда следователя и процессуальная норма //Проблемы организации управления и труда в органах внутренних дел. - Омск, 1969
109. Васильев А.Н Тактика отдельных следственных действий. - М., 1981
- ПО. Коновалова В.Е. Организационные и психологические основы деятельности следователя. - Киев,1973

- Щ. Томин В.Т., Баулин Э.Д. К вопросу о производстве следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела //За дальнейшее укрепление социалистической законности. - Омск, 1967
112. Порубов Н.И. Научная организация труда следователя.- Минск, 1970
113. Кримінально-процесуальний кодекс України. Проект. - Київ, 1995
114. Науково-практичний коментар кримінально-процесуального кодексу України.- Київ, 1997
115. Басков В.И. Отрывки из записок прокурора .-М.,1995
116. Нагнойный Я.П. О возможности назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела //Кримналістика и судебная экспертиза. Вып.4. - Киев, 1967
117. Лисиченко В.К. Концептуальні напрямки і етапи розвитку кримінально-процесуального законодавства/Шауковий вісник української академії внутрішніх справ, №1,1997
118. Савицкий В.М. Очерки теории прокурорского надзора .- М.,1975
- 11-9. Рыбачук Е.В. Методы предварительной проверки //Дальневосточные криминалистические чтения. Вып.2.- Владивосток, 1997
120. Зайцева Е.А. Совершенствование правового института судебной экспертизы в стадии расследования. Автореф.дис.канд. юрид.наук. - Волгоград, 1994
121. Ставицкая А., Щербина Т. Протоколировать или... расследовать?//Юстиция,1996, №1
122. Надгорный Г.М., Стринжа В.К.,Сегай М.Я. Недоліки законодавства про використання спеціальних знань у кримінальному і цивільному процесі пов'язані з порушенням вимог законодавчої техніки //Концепція розвитку законодавства України. - Київ, 1996
123. Сперанский Н.Н. Проекты и записки . -М.,1961

124. Филимонов О.В. Социально-правовой контроль - направление борьбы с коррупцией //Коррупция в России: состояние и проблемы. -М.,1996
125. Азаров В.А. Борьба с организованной преступностью: российский опыт законодательства и прогнозы XXI столетия //Полиция в XXI веке: прогнозы, модели, деятельность. - Омск 2000
126. Кавалиреис А.К. Об одном аспекте интеграции криминалистической и оперативно-розыскной деятельности //Роль и значение деятельности профессора Р.С.Белкина в становлении и развитии современной криминалистики.-М., 2002
127. Акутаев Р.М. Некоторые аспекты борьбы с искусственно-латентной преступностью //Гос-во и право, 1999, №3
128. Михеєнко М.М., Шибіко В.П., Дубинський А.Я. Науково-практичний коментар кримінально-процесуального кодексу України.-К., 1995
129. Шейфер С.А. Борьба с преступностью и процессуальный нигилизм//Актуальные проблемы расследования и предупреждения преступлений в условиях перехода к рыночной экономике.- Барнаул, 1993
130. Урсу Н.И. Принцип состязательности в судопроизводстве Молдавии//Прокурорская и следственная практика,1997, №1
131. Савонюк Р.Е. О месте органов досудебного следствия Украины: история, опыт и проблемы реформирования //Вісник Університету внутрішніх справ, 1999, №7
132. Халиков А. Дополнительное расследование - «За» и «Против» //Законность, 1999, №11
133. Юркова Г. Чи відповідає інститут додаткового розслідування Конституції України? //Право України,2000, №1
134. Омельченко Г. Щодо інституту справи на додаткове розслідування у кримінально-процесуальному законодавстві України //Право України,2000, №4
135. Закорецький О.В. Деякі аспекти повернення справ на додаткове розслідування //Слідча практика України. Вип..2.- К.,2000

136. Организованная преступность - 2 /под ред. А.И.Долговой, С.В.Дьякова.-М.,1993
137. Волынский В.А. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования преступлений: право и права, традиции и современность//Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью. Информационный бюллетень Академии управления МВО России. №13.- М., 2001
138. Защитник по уголовному делу. - М.,1998
139. Розовський Б.Г. Оцінка латентної економічної злочинності в регіоні за побічними факторами //Проблеми боротьби з організованою злочинністю в регіоні (на матеріалах Харківської та Полтавської областей).- Харків, 1999
140. Махов В.Н., Пешков М.А. «Состязательность» моделей уголовного процесса США //Гос-во и право, 1999, №12
141. Колесник В. Сомнительные новеллы УК РФ //Законность, 1999, №3
142. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии.-М.,1994
143. Reynolds M. The Economics of Criminal Activity //The Economics of Crime N.Y. etc., 1980
144. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. - М.,1985
145. Жуковский В.М. О тайне телефонных переговоров на предварительном следствии //Укрепление законности предварительного расследования в условиях перестройки. Сборник научных трудов. - Волгоград, 1990
146. Рябова А. Борьба с преступностью требует ограничения прав граждан?//Юстиция, 1996. №4
147. Чечетин А.Е. О проблеме обеспечения прав граждан на неприкосновенность частной жизни в оперативно-розыскной деятельности //Российский следователь, 1999, №3
148. Упоров И.В. О расширении полномочий правоохранительных органов в борьбе с преступностью в России //Российский следователь, 1999, №4

149. Михайлов В.И. Правомерный вред и некоторые вопросы нормативного регулирования оперативно-розыскных мероприятий //Изучение организованной преступности: российско-американский диалог.- М., 1997
150. Вандышев А., Овчинский В. Стратегия профилактики// Сов.юстиция,1991, №1
151. Коржанський М.Й. Нариси уголовного права.- Київ, 1999
152. Волынский В.А., Попов И.А. Предварительное расследование в аспекте нового УПК РФ: проблемы, пути их решения //Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе.- Краснодар,2002
153. Бойков А.Д. Концептуальные проблемы проекта нового Уголовно-процессуального кодекса России //Прокурорская и следственная практика. -М., 1997, №2
154. Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии //Правоведение, №4.- СПб, 1998
155. Быховский И.Е., Глазырин Ф.В., Питерцев С.К. Допустимость тактических приемов при допросе.- Волгоград, 1989
156. Блант У. Жертвы и судопроизводство в Америке //Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Вып.11.-Мн., 1996
157. Rubin P.H. Economics of Crime //The Economics of Crime. N.Y.,1980
158. Губанов А.В. Полиция зарубежных стран. Организационно-правовые основы, стратегия и тактика деятельности.- М.,1999
159. Two Models of the Criminal Process. Herbert L. Packer.113 U.PA.L.KEV.1 (1964)
160. Griffith J. Ideology in Criminal Procedure of a Third. "Model" of the Criminal Process /The Vale Law Journal. Vol.79 (1970)
161. Матеріали ООН по укріпленню законності і упроченню системи уголовного правосудия//Інформаційний бюлетень, №11,2001. Періодичне видання Міжвідомчого науково-дослідного центру з проблем боротьби з організованою злочинністю

162. Цахерт Г.Л. Организованная преступность: структуры, угрожающий потенциал, проблемы подавления //Вопросы борьбы с преступностью за рубежом, 1991, №16
163. Диканова Т.А., Осипов В.Е. Борьба с таможенными преступлениями и отмыванием «грязных» денег. - М., 2000
164. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью. - М., 2000
165. Разинкин В.С. Профессиональная преступность //Криминология: учебник /под ред. А.И.Долговой. - М.,2000
166. Хайдуков Н.П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. - Саратов, 1984
167. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности//Виктимология и профилактика правонарушений.- Иркутск, 1979
168. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. - М., 1996
169. К вопросу о борьбе с организованной преступностью в США //Проблемы преступности в капиталистических странах. Информ.бюллетень.- М., 1978. №6
170. Стратегія і тактика боротьби з організованою злочинністю та корупцією/Міжвідомчий науково-дослідний центр з проблем з організованою злочинністю при Координаційному комітеті по боротьбі з корупцією і організованою злочинністю при Президентіві України. Вип.3.-Київ,1998
171. Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России.- Санкт-Петербург, 1997
172. Навроцький В. Провокація хабара як можливий спосіб боротьби з корупцією //Вісник Академії правових наук України,; 4(15).-Харків, 1998
173. Сегай М.Я. Методология судебной идентификации.- Киев, 1970

- 17 Бахин В.П. Допрос. Лекция. - Киев, 1999
4. Белкин Р.С. Нравственные начала деятельности следователя органов внутренних дел. Лекция. - М.,1999
- 17
5. Бахин В.П., Билинчук П.Д., Кузьмичев В.С. Криминалистические приемы и средства разрешения следственных ситуаций -Киев, 1991
176. Бахин В.П. Полицейский допрос (советы допрашивающему).-Алматы,1997
- 17 Бахин В.П., Билинчук П.Д., Кузьмичев В.С., Филиппова М.А. Тактические приемы раскрытия преступлений.- К., 1991
7. Гузь В.І. Організація та тактика діяльності підрозділів внутрішньої безпеки по протидії розвідницьким заходам злочинних формувань//Актуальні проблеми сучасної науки в дослідженнях молодих учених. 36.наукових праць. Вип.3,4. -Харків,1997
- 17
8. Карнеева Л.М. Проблемы соотношения теории криминалистики и уголовно-процессуальной науки со следственной практикой/Актуальные проблемы советской криминалистики. - М.,1980
- 17
9. Коновалова В.Е. Правовая психология. - Харьков, 1997
- Ефремов И.А. Некоторые вопросы криминалистического обеспечения доказывания по уголовным делам об организованной преступной деятельности//Информационный бюллетень №13 по материалам Криминалистических чтений «Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью». - М.,2001
- 180.
- 18
1. Самыгин Л.Д. О сущности и содержании следственной такти-ки//Вестник Моск.ун-та. Серия «Право». -М.,1989. Вып. №1
- 18
2. Кирсанов З.И. Система общей теории криминалистики. Научно-методическое пособие. - М.,1992
- Винберг А.И.,Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). - Волгоград, 1979
- 18
- Опришко В.Ф. Основні положення проекту концепції розвитку законодавства України до 2005 року//Концепція розвитку законодавства України. - Київ, 1996
- 3.
- 18
- 4.
- 18
- 5.
- 186.
- 248

187. Киевские ведомости, 3 апреля 1996г.
188. Храмович М.А. Научный эксперимент, его место и роль в познании. - Минск, 1972
189. Абдуллаев Н.Д., Муравьев Ю.В. Роль конкретно-социологических методов исследования в совершенствовании советского правотворчества//Вестник Ленинградского ун-та, №17, серия экономики, философии, права. Вып.3, 1964
190. Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. - М., 1979
191. Чугунов В.Е., Чувилев А.А. О некоторых направлениях при применения социологических методов в советской процессуальной науке //Проблемы социологии права. Вып.1. - Вильнюс, 1970
192. Приказ МВД Украины №745 от 25.11.92г. «О неотложных мерах по совершенствованию структуры и организации деятельности органов предварительного следствия в системе МВД Украины»
193. Ключков В. Следователю нужен помощник //Законность, 1966, №4
194. Каминская В.И. Теория советского уголовно-процессуального закона. Дис. докт. юрид. наук. - М., 1967
195. Работ Б.С. Проблемы эксперимента в социальном исследовании//Инф. бюллетень №48. - М., 1970
196. Белкин Р.С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. - М., 1964
197. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. - Л., 1976
198. Гончаренко В.И. Вопросы использования средств криминалистической техники в уголовном судопроизводстве //Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 19. - Киев, 1979
199. Бахин В.П. Законодательство союзных республик как база правового эксперимента//Актуальные проблемы теории и практики борьбы с тяжкими преступлениями. - Караганда, 1973

200. Шибіко В.П. Про межі раціоналізації кримінального процесу України//Концепція розвитку законодавства України.- Київ, 1996
201. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. Теоретические аспекты, практическое применение. - М.,1996
202. Большая советская энциклопедия. 3-е изд., М., 1976
203. Вайнгартъ А. Уголовная тактика. Руководство къ разслѣдованію преступлений. - Овручь, 1910
204. Васильев А.Н. Следственная тактика. - М.,1976
205. Коновалова В.Е. Теоретические основы следственной тактики. Автореф.дисс.докт.юрид.наук. - Харьков, 1966
206. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. - М.,1970
207. Баев О.Я. Тактика следственных действий. - Воронеж, 1992
208. Криминалистика. Учебник /под ред. Н.П.Яблокова. - М.,1995
209. Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики. - Волгоград, 1993
210. Баев О.Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. - Воронеж, 1977
211. Баев О.Я. Криминалистическая тактика: понятие и система //Актуальные вопросы правоведения (информационные материалы). - Екатеринбург, 1992
212. Коновалова В.Е., Шепитько В.Ю. Обыск: тактика и психология. -Х., 1997
213. Криминалистика. Учебник /под ред. И.Ф.Пантелеева и Н.А.Селиванова.-М., 1988
214. Криминалистика. Учебник /под ред. Т.А.Седовой и А.А.Эскархопуло.- Санкт-Петербург, 1995
215. Криминалистика. Учебник /под ред. Р.С.Белкина. - М., 1986
216. Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности). - Волгоград, 1984

217. Закатов А.А. Психологические особенности тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетних.- Волгоград, 1979
218. Криминалистика. Учебное пособие/под ред. А.В. Дулова. -Мн.,1996
219. Специализированный курс криминалистики. Учебник/под ред. М.В.Салтевского. - Киев, 1987
220. Шепитько В.Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. - Харьков, 1995
221. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. - М.,1997
222. Сафин Н.Ш. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого в советском уголовном судопроизводстве (процессуальный и криминалистический аспекты проблемы. - Казань, 1990
223. Леви А.А., Пичкалева Г.И. Селиванов Н.А. Получение и проверка показаний следователем. - М.,1987
224. Карнеева Л.М. Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. - Волгоград, 1976
225. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. - М.,1972
226. Криминалистика. Расследование преступлений в сфере экономики. Учебник. - Нижний Новгород, 1995
227. Баев О.Я., Баев М.О. Защита от обвинения в уголовном процессе.-Воронеж, 1995
228. Криминалистика. Учебник /под ред. Н.П.Яблокова. - М.,1997
229. Домбровский Р.Г. Совершенствование понятийного аппарата криминалистики//Борьба с преступностью на современном этапе.-Рига, 1980
230. Богинский В.Е. Система тактических приемов допроса подозреваемого. Автореф. дисс. канд.юрид.наук. - Харьков, 1980
231. Комарков В.С. Тактика допроса. - Харьков, 1975
232. Комиссаров В.И. Теоретические проблемы следственной тактики. -Саратов, 1987

233. Колесниченко А.Н., Коновалова В.Е. Актуальные проблемы тактики и методики расследования преступлений //Проблемы социалистической законности. Вып.3. - Харьков, 1978
234. Бахін В.П., Лиса Т.В. Систематизація криміналістичних рекомендацій як засоб удосконалення слідчої діяльності/Вісник Київського університету. Юридичні науки. Вмп.29 -Київ, 1988
235. Колмаков В.П. О методах, приемах и средствах в советской криминалистике //Правоведение. - 1965. - №5
236. Белкин Р.С. Общая теория криминалистики в условиях научно-технической революции //Сов.гос-во и право. - 1970. - №5
237. Бердичевский Ф.Ю. О предмете и понятийном аппарате криминалистики (в порядке обсуждения) //Вопросы борьбы с преступностью. Вып.24. - М.,1976
238. Абраменкова В.С. Практика и ее роль в формировании тактических приемов //Роль аппаратов уголовного розыска и следствия в борьбе с преступностью //Труды ОБШМ МВД СССР. - Вып.24. - Омск, 1977
239. Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. - Минск, 1978
240. Криминалистика. Учебник. -Л., 1975
241. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - М.,1956.- Т.3
242. Словарь синонимов. - М.,1975
243. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. - М.,1973
244. Таблица описания анатомических признаков отдельных частей лица//Криминалистика. Учебник. - М., 1971
245. Фуфыгин Б.В. О роли криминалистических рекомендаций в расследовании преступлений //Повышение эффективности деятельности органов прокуратуры, суда и юстиции по борьбе с преступностью в свете решений XXV съезда КПСС. -М., 1977

246. Фуфыгин Б.В. Процессуальные правила доказывания и криминалистические рекомендации в стадии расследования: Дис....канд.юрид.наук. -М., 1980
247. Величкин С.А. Тактический прием, его природа и свойства //Проблемы уголовного процесса и криминалистики. - М.,1976
248. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. - Иркутск, 1978
249. Бахин В.П., Пятницин К.Е. О понятии криминалистической рекомендации//Проблемы борьбы с преступностью. - Омск, 1978
250. Бахин В.П., Жалинский А.Э. Рекомендации как средство внедрения достижений науки в практику борьбы с преступностью //Использование норм права в борьбе с преступностью: Труды **ОВШМ МВД СССР**. - Омск, 1972. - Вып. 12
251. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Общая теория советской криминалистики. - М., 1977. - Т.1
252. Левакова Э.Н., Сидоренко Е.Н. Система информации о научных рекомендациях по криминологии //Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1978. - Вып.28
253. Фуфыгин Б.В. Соотношение процессуальных правил доказывания и криминалистических рекомендаций //Проблемы борьбы с преступностью. Материалы VI конференции аспирантов и соискателей. - М.,1976
254. Ратинов А.Р. Тактический прием. Допустимость и оптимальность//Тактические приемы допроса и пределы их использования.-М., 1980
255. Якушин СЮ. Тактические приемы при расследовании преступлений.- Казань, 1983
256. Селиванов Н. Критерии допустимости применения тактических приемов при расследовании //Законность, 1994 №4
257. Лукашевич В.Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий. - Киев, 1989
258. Быховский И.Е. Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий. Дис...д-ра юрид .наук. - М.,1975

259. Лукьянчиков Е.Д., Кузьмичев В.С. Тактические основы расследования преступлений. - Киев, 1989
260. Lupинская П.А. Основания и порядок принятия решений о не допустимости доказательств //Юстиция, 1994, №11
261. Шнейкерт Г. Тайна преступника и пути к ее раскрытию (к учению о судебных доказательствах). - М., 1925
262. Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: научная автобиография. - М.,1982
263. Злобин Г.А., Яни С.А. Проблемы полиграфа/Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИ-ИСЗ МЮ СССР.- М, 1976. Т.6
264. Проблемы судебной этики. - М.,1974
265. Пантелеев И.Ф. Некоторые вопросы психологии расследования преступлений //Труды ВЮЗИ. - М.,1973. Вып.29
266. Белкин Р. С. Фактор внезапности, его учет и использование при расследовании преступлений. - М.,1995
267. Гуляев П.И., Быховский И.Е. Исследование эмоционального состояния человека в процессе производства следственного действия//Криминалистика и судебная экспертиза.- Киев, 1972. Вып.9
268. Комиссаров В. Использование полиграфа в борьбе с преступностью//Законность, 1995, №11
269. Образцов В.А. Основы криминалистики. - М.,1996
270. Прукс П. Уголовный процесс: научная «детекция лжи». - Тарту, 1992
271. Розенблит С. Инквизиционные методы допроса подозреваемых в США//Соц.законность, 1954 №4
272. Богданов В., Клемешев П. Следствию помог экстрасенс //Соц.законность, 1991, №8
273. Кабанов П. О псевдонаучных методах раскрытия преступлений//Законность, 1997, №1
274. Васильев В.Я. Юридическая психология.- Л., 1974

275. Пантелеев И.Ф. Ошибочные рекомендации в теории уголовного процесса и криминалистики //Соц.законность,1977,№5
276. Резван А.П. Некоторые тенденции развития криминалистической тактики в новых условиях уголовного судопроизводства //Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе.- Краснодар,2002
277. Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами.- М.,1966
278. Белкин Р.С., Винберг А.И. История советской криминалистики. Этап возникновения и становления науки (1917-1930 годы).-М.,1982
279. Кони А.Ф. Собр. соч., Т.4- М, 1967
280. Ожегов СИ. Словарь русского языка.- М., 1960
281. Кони А.Ф. Избр. произв., Т.1.- М., 1959
282. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей.- М., 1967
283. Ямпольский А. Роль психологической оценки поведения подозреваемого и обвиняемого в тактике их допроса //Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. - Вильнюс, 1969
284. Шматченко В.Н. Использование помощи общественности в раскрытии преступлений //Криминалистика и судебная экспертиза. -Киев, 1972 Вып.9
285. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы.- М., 1973
286. Томан В.Т. Привлечение трудящихся к расследованию преступлений.-Омск, 1972
287. Водолазский Б.Ф. Психология и совершенствование тактики следствия //Проблемы криминалистической тактики.- Омск, 1973
288. Басалаев А.Н., Гуняев В.А. Криминалистическая характеристика преступлений (общее понятие и практическое значение) //Методика расследования преступлений.- М., 1976
289. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений. Автореф. дисс... д-ра юрид.наук. - Харьков, 1967

290. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершенных при производстве строительных работ. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. - М., 1966
291. Салтевский М.В. Криминалистическая характеристика: структура, элементы//Специализированный курс криминалистики. - Киев, 1987
292. Образцов В.А. Учение о криминалистической характеристике преступлений//Криминалистика /под ред. В.А.Образцова. - М., 1995
293. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Понятие криминалистической методики//Криминалистика. Учебник /под ред. Р.С.Белкина. - М., 1999
294. Пантелеев И.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений//Криминалистика. Учебник /под ред. И.Ф.Пантелеева, Н.А.Селиванова. - М., 1984
295. Матусовський Г.А. Криміналістична характеристика злочинів //Криміналістика. Підручник /за ред. В.Ю.Шепитька. - Харків, 1998
296. Возгрин И.А. Криминалистическая характеристика преступлений//Криминалистика. Учебник /под ред. Т.А.Седовой, А.А.Эксархопуло.- СПб, 1995
297. Филиппов А.Г. Общие положения методики расследования отдельных видов и групп преступлений//Криминалистика. Учебник/под ред. А.Г.Филиппова и А.Ф.Волынского. - М., 1998
298. Яблоков Н.П. Понятие криминалистической характеристики преступлений//Криминалистика/под ред. Н.П.Яблокова, В.Я.Колдина. -М., 1990
299. Громов В.И. Методика расследования преступлений. Руководство для органов милиции и уголовного розыска. - М., 1929
300. Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В. Модное увлечение или новое слово в науке? //Соц.законность, 1987, №9
301. Бидонов Л.Г. Система типовых версий о лицах, совершивших убийство.- Горький, 1977

302. Следственная практика. Вып.142. - М.,1983
303. Колесниченко А.Н., Коновалова В.Е. Криминалистическая характеристика преступлений. - Харьков, 1985
304. Журавель В.А. О структуре частной криминалистической методике //Криминалистика и судебная экспертиза. Вып.47. - Киев, 1995
305. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории //Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право, №2 - М.,2000
306. Фокина А.А. Роль криминалистической характеристики преступлений в укреплении связи науки криминалистики и практики расследования//Криминалистика и судебная экспертиза. Вып.41.-Киев, 1990
307. Бидонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. -Горький,1978
308. Сергеев Л.А. Сущность и значение криминалистической характеристики преступлений //Руководство для следователей. - М., 1971
309. Лавров В.П., Сидоров В.Е. Расследование преступлений по горячим следам. - М.,1989
310. Бурнашев Н.А. Расследование краж, совершаемых в условиях крупного города. - М.,1983
311. Князев В.А., Мозговой П.П. Методика расследования и раскрытия хищений грузов на железнодорожном транспорте. - Горький, 1977
312. Медведев СИ. Расследование убийств и причинения телесных повреждений в ИТУ. - Рязань, 1987
313. Степанов А.А. Расследование убийств, совершенных на железных дорогах. - М.,1987
314. Каневский Л.Л. Проблемы методики расследования преступлений несовершеннолетних. - Уфа, 1976
315. Лавров В.П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет. - М.,1972

316. Фирсов Г.Е. Раскрытие убийств прошлых лет. - К.,1976
317. Лукьянчиков Е.Д. Особенности расследования преступлений несовершеннолетних. - К., 1990
318. Вогрин И.А. Общие положения криминалистической методики//Криминалистика. Том 1. История,общая и частные теории. -М., 1995
319. Коновалов СИ. Теоретико-методологические основы криминалистики: современное состояние и проблемы развития. Автореф.дис.докт.юрид. наук.- Волгоград, 2001
320. Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступлений. Автореф.дисс...д-ра юрид.наук. - М.,1970
321. Кругликов Л.Л. Соотношение уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминалистического значения способа совершения преступлений //Сборник аспирантских работ. Вып. 13.- Свердловск, 1971
322. Чурпіта В.В., Сервецький І.В. Криміналістичні закономірності усталеності способу вчинення злочину. - Київ,2000
323. Тертишник В.М. Гарантії істини та захисту прав і свобод людини в кримінальному процесі.- Дніпропетровськ, 2002
324. Голунский С.А., Шавер Б.М. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. -М.,1939
325. Колесниченко А.Н., Савченко А.Н. К вопросу о понятии способа совершения преступления в криминалистике //Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. -Душанбе, 1962
326. Зуйков Г. Г. «Модус операнди», кибернетика, поиск //Кибернетика и право. - М.,1970
327. Зуйков Г. Г. Основы криминалистического учения о способе совершения и сокрытия преступлений //Криминалистика. Учебник /под ред. Р.С.Белкина, В.П. Лаврова, И.М.Лузгина. Т.1.-М., 1987
328. Каминский М.К. Криминалистическое учение о механизме преступления, способах его подготовки, совершения и сокрытия //Криминалистика. Учебник. Т. 1.История, общая и частные теории. - М.,1995

329. Образцов В.А. Учение о криминалистической характеристике преступлений//Криминалистика. Учебник /под ред. В.А.Образцова.- М., 1995
330. Бахин В.П., Михайлов М.А. Особенности расследования криминальных взрывов. Лекция.- Симферополь, 1999
331. Вакутин Ю.А. Способы маскировки преступного поведения.- Омск, 1987
332. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию.- Свердловск, 1992
333. Трухачев В.В. Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию. Дис. докт. юрид. наук.- Воронеж, 2001
334. Сафонов В.Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ.- Санкт-Петербург, 2000
335. Томин В.Т. Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью.- Горький, 1976
336. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, как система криминалистики. С-Петербург, 1908
337. Кулагин Н.И. Использование органами следствия средств массовой информации.- Волгоград, 1971
338. Кержнер М.Ю. Участие учреждений массовой информации в осуществлении профилактики правонарушений.- Ташкент, 1982
339. Наумкин Ю.В. Взаимодействие правоохранительных органов и учреждений массовой информации в обеспечении социалистического правопорядка. Автореф. дис. докт. юрид. наук. М., 1988
340. Колодкин Л.М. Журналистское расследование и предварительное следствие/Юрганизация общественных связей органов внутренних дел: Материалы научно-практич. конференции.- М., 1997
341. Воронцова Л.Ф. Актуальные проблемы правового регулирования взаимодействия ОВД со средствами массовой информа-

ции //Информатизация правоохранительных систем. 10-я международная научная конференция.22-23 мая 2001г. Сборник трудов.- М.,2001

342. Головин А.Ю., Дубонос Е.С. Этапы и особенности использования средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений //Известия Тульского государственного университета. Серия: современные проблемы законодательства, юридических наук и правоохранительной деятельности. Вып.4. - Тула,2001
343. Томин В.Т., Горшенков Г.Н. Использование средств массовой информации в профилактике преступлений. - М.,1981
344. Аувяэрт Л.И., Бельчиков Я.М. О некоторых отрицательных моментах правовой социализации средствами массовой информации и пропаганды //Преподавание юридической психологии и ее практическое применение. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научно-практической конференции 17-19 сентября 1986 г. - Тарту-Кяэрику.Часть 1
345. Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. - М.,2000
346. Ключкова А.В., Пристанская О.В. Информационные предпосылки криминализации общественного сознания//Вестник Московского ун-та. Сер.П. Право, 1999, №2
347. Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. - М.,2001
348. Кудин А.В. Как выжить в тюрьме.- Тула,2000
349. Пауэлл У. Поваренная книга анархиста.- М.,1995
350. Arson and explosives incident report 1995/Washington,1997
351. Бахин В.П., Михайлов М.А. Криминальные взрывы. Понятие, характеристика, анализ, технология расследования.-Алматы,2001
352. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации //Научно-технический прогресс и преступность.Научно-аналитический обзор.- М.,1990

353. Вильчек В. «Плохие» и «хорошие» новости // Журналист, 1973, №5
354. Кобець В.В. Деякі напрямки оперативного супроводження судового розслідування злочинів // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ, 1999, №2
355. Дугинец А.С., Макиенко А.В. Организованная преступность как социальный феномен России // Российский следователь, 1999, №1
356. Овчинский А.С. Противодействие организованной преступности в информационно-психологической сфере // Известия методологического центра профессионального образования и координации научных исследований. - М., 1997
357. Ныриков С.А. Тенденции в проявлениях терроризма в России // 10 лет борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом. Материалы научно-практической конференции. - М., 2000 Об информационно-психологическом воздействии на преступников в Интернете пишут А.С.Овчинский и В.С.Овчинский
358. Тропкин С.А., Турилов В.В. Детерминанты взаимодействия российской милиции (полиции) с населением в борьбе с преступностью в современных условиях. Рукопись научной работы. - Н.Новгород, 2001
359. Доронин А.И. Разведывательное и контрразведывательное обеспечение финансово-хозяйственной деятельности предприятий. - Тула, 2000
360. Журналистское расследование. История метода и современная практика. - СПб-М., 2001
361. Минеева Г.П. Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего. Автореф. дис. канд. юрид. наук. - М., 1993
362. Кузьмичев В.С., Шульга М.П. Об участии в уголовно-процессуальной деятельности экспертов, желающих остаться неизвестными. // Актуальные проблемы судебной экспертизы и криминалистики. - Киев, 1993
363. Брусницын Л. Обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей. // Законность, 1997, №1

364. Закон Украины об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве//Ведомости Верховного Совета Украины, 1994, №11.
365. Щерба С, Зайцев О., Защита свидетеля в США//Юстиция, 1994, №8
366. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ. Рекомендательный законодательный акт. Приложение к «Информационному бюллетеню», 1996, №10.
367. Когамов М.Ч. Актуальные проблемы совершенствования расследования преступлений в Республике Казахстан. Дис. докт. юрид. наук, 1997, Алматы.
368. Вечерний Э.П., Губанов В.В., Савченко СМ. К вопросу о правовой защите участников уголовного процесса и иных лиц. //Проблемы борьбы с организованной преступностью.- М., 1990
369. Тертышник В.М. Проблемы теории и практики доказывания на досудебных стадиях современного уголовного процесса.- Сумы, 1995
370. Колумбия: Между мафией и герильей. //Эхо планеты, 1991, №37
371. Вандер М.Б., Благина Е.В. Защита доказательств при расследовании преступлений//Вопросы совершенствования прокурорско-следственной деятельности. Сборник статей. Вып.8, Санкт-Петербург, 1996
372. Комиссаров В. Свидетель и потерпевший в уголовном судопроизводстве//Юстиция, 1994, №8.
373. Материалы аналитической записки о динамике организованной преступности, терроризма и борьбе с ними в России //Реагирование на преступность: концепции, закон, практика.- М., 2002

Основные публикации автора

а) Монографии, пособия

1. Расследование угона автотранспортных средств. - Омск, 1969.
2. Особенности расследования хищений при почтовых пересылках. - Омск, 1973.
3. Библиографический указатель диссертаций по криминалистике. - М., 1989.
4. Опыт практики - ключ к раскрытию и расследованию преступлений. Сборник рекомендаций. - Свердловск, 1990.
5. Тактика использования внезапности в раскрытии преступлений. - Киев, 1990.
6. Следственная практика: проблемы изучения и совершенствования. - Киев, 1991.
7. Криминалистические приемы и средства разрешения следственных ситуаций. - Киев, 1991.
8. Практика расследования преступлений. Сборник ситуаций. - Санкт-Петербург, 1991.
9. Тактические приемы раскрытия преступлений. - Киев, 1991.
10. Потреби слідчої практики. - Київ, 1993.
11. Як розкриваються злочини (Криміналістики у питаннях та відповідях) - Київ, 1996.
12. Тактика допиту. - Київ, 1997.
13. Как раскрываются преступления. - СПб., 1997.
14. Полицейский допрос (советы допрашивающему). - Алматы, 1997.
15. Допрос на предварительном следствии. Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы. - Алматы, 1999.
16. Анализ криминальных взрывов. - Симферополь, 1999.
17. Методика расследования заказных убийств. - Алматы, 2000.
18. Кримінальний вибух. - Київ, 2001.
19. Криминальные взрывы. - Алматы, 2001.
20. Преступная деятельность: понятие, характеристика, принципы, изучение. - Киев, 2001.
21. Концепція криміналістичної підготовки. - Киев, 2001.
22. Некоторые аспекты изучения практика борьбы с преступностью. - Киев, 2002

б) главы учебников, лекции

- 1 • Криминалистика и критерий практики // Криминалистика. Т.Г/под редакцией Р.С. Белкина и И.М. Лузгина. - М., 1978.
2. Деятельность следователя по предупреждению преступлений // Криминалистика. Т.П./под ред. Р.С. Белкина и И.М. Лузгина. - М., 1980.
- 3- Понятие, средства и принципы криминалистической тактики // Специализированный курс криминалистики/под ред. М.В Салтевского - Киев, 1987.

4. Следственная ситуация и тактическое решение (Там же).
5. Сущность и структура методики расследования отдельных видов преступлений (Там же).
6. Основы методики расследования преступления против личности (Там же).
7. Понятие и виды следственных ситуаций // Советская криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений/под ред. В.К.Лисиченко. -Киев, 1988.
8. Тактическое решение и тактическая ситуация (Там же).
9. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (Там же).
10. Следственная ситуация и тактическое решение, их оценке и использовании в раскрытии и расследовании преступлений // Криминалистика.Т.П./под ред. Р.С. Белкина, В.П.Лаврова, И.М.Лузгина. - М., 1988.
11. Тактика проверки и уточнения показаний на месте (Там же).
12. Предмет криминалистики. - Киев, 1999.
13. Преступная деятельность как объект криминалистического изучения. - Киев, 1999.
14. Понятие, сущность и содержание криминалистической тактики. - Симферополь, 1999.
15. Криминалистическая методика. - Киев, 1999.
16. Особенности расследования заказных убийств. - Киев, 1999.
17. Особенности расследования криминальных взрывов. - Симферополь,
18. Криминалистика. Курс лекций. Часть I. - Ирпень, 2002.

в) статьи

1. О факторах, определяющих нормативы сил и средств подразделений милиции//Проблемы организации управления и труда внутренних дел. - Омск, 1969.
2. О мерах, осуществляемых следователем, по приостановленному уголовному делу. Научные труды ОВШМ. - Вып.б. - Омск, 1970.
3. Объективная обоснованность правовых норм основа укрепления социалистической законности //Сибирские юридические записки. Вып.2. - Иркутск - Омск, 1971.
4. Изучение эффективности деятельности по приостановленным делам // Использование норм права в борьбе с преступностью. Труды ОВШМ. Вып. 12. - Омск, 1972.
5. Рекомендации как средство внедрения достижений науки в практику борьбы с преступностью (Там же).
6. Эффективность тактических рекомендаций // Проблемы криминалистической тактики. Труды ОВШМ. Вып. 16. - Омск, 1973.
7. О тактике предупреждения преступлений следователем // Сибирские юридические записки. Вып.3. - Иркутск - Омск, 1973.
8. О тактике повторного следствия // Сибирские юридические записки. Вып.4. -Иркутск - Омск, 1974.

9. О понятии передового опыта в сфере деятельности правоохранительных органов // Роль аппаратов уголовного розыска и следователя в борьбе с преступностью. Труды ОБШМ. Вып. 18. - Омск, 1975.
10. Понятие и сущность раскрытия преступлений по горячим следам // Вопросы повышения эффективности деятельности аппаратов уголовного розыска - Омск, 1984.
11. Наукометрические исследования проблем судебной экспертизы // Общетеоретические, правовые и организационные основы, судебной экспертизы. - М., 1987.
12. Проблемы полноты использования научно-технических возможностей в расследовании // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып.38. - Киев, 1989.
13. Потребности следственной практики // Вестник Киевского университета. Юридические науки. - Киев, 1990.
14. Цели изучения следственной практики // Криминалистика и судебная экспертиза Вып.40. - Киев, 1990.
15. Совершенствование криминалистической подготовки юристов // Пути и методы совершенствования преподавания специализированных курсов криминалистики. - Киев, 1990.
16. Задачи криминалистики в современных условиях // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики на современном этапе. - Одесса, 1993.
17. Понятие и сущность криминалистической рекомендации // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып.46. - Киев, 1993.
18. Функції експертних закладів і підвищення якості слідства // Забезпечення законності в діяльності органів внутрішніх справ України. - Київ, 1993.
19. Проблемы повышения научно-технического потенциала следствия // Вестник Днепропетровского ун-та. Правоведение. Вып. 1. - Днепропетровск, 1994.
20. О необходимости новых форм и методов борьбы с преступностью // Вестник Днепропетровского ун-та. Правоведение. Вып.2. - Днепропетровск, 1995.
21. Проблеми науково-методичного забезпечення слідчої діяльності // Теоретичні та практичні проблеми використання можливостей криміналістичної судової експертизи у розкритті і розслідуванні злочинів. - Київ, 1996.
22. Вивчення злочинної діяльності з метою удосконалення криміналістичних прийомів і засобів // Актуальні питання розслідування злочинів у сучасних умовах: тактика, методика, інформаційне забезпечення. - Київ, 1996.
23. Приемы и средства борьбы с преступностью: соотношение потребностей и возможностей // Актуальные проблемы организации расследования преступлений. - Одесса, 1996.
24. Совершенствование законодательного обеспечения жизнедеятельности общества // Вестник Днепропетровского ун-та. Правоведение. Вып. 3. - Днепропетровск. 1996.

25. Понятие и сущность криминалистической тактики // Современные проблемы криминалистики. Труды Академии управления МВД РФ. - М., 1998.
26. Тактика слідчої діяльності: поняття, сутність, зміст // Науковий вісник української академії, №2. - Київ, 1998.
27. «Контркриминалистика» или новые задачи криминалистики // Актуальные проблемы держави та права. Вип.5. - Одеса, 1998.
28. Проблемы защиты участников уголовного судопроизводства // Закон и жизнь, №1. - Кишинэу, 1999.
29. Криминалистическая характеристика преступлений: теоретическая концепция или практический инструмент расследования? // Збірник наукових праць, №9, част.2. - Хмельницький, 1999.
30. Невидові методики розслідування як напрямок розвитку криміналістичної методики // Вісник Запорізького юридичного інституту, №21. - Запоріжжя, 1999.
31. Принципы преступной деятельности // Известия Тульского гос. ун-та. Серия: Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности. Вып.4. - Тула, 2001.
32. Что можно и нужно использовать в борьбе с современной преступностью // Уголовный процесс и криминалистика на рубеже веков. - М., 2000.
33. Dezinformacija, piemahisana un provokacija noziegumu atklasanā un izmeklesanā lidzēku un metožu sistēma // Admanistzativa un kzinālnāla justīcija, №1. - Rīga, 2001.
34. Возможность использования провокации (побуждения к действиям) как средства выявления и изобличения преступников // Научные труды Академии финансовой полиции. Вып.2. - Алматы, 2001.
35. Противодействие расследованию: мнение практиков и населения // Вісник Луганського інституту внутрішніх справ. Вип.3. - Луганськ, 2001.
36. Допрос как источник получения доказательственной информации // 25 лет Орловскому юридическому институту МВД России - Орел, 2001.
37. Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью // Вісник Луганської академії внутрішніх справ. Вип.2. - Луганськ, 2002.
38. Взгляд на проблемы борьбы с преступностью с «той стороны» // Гуманитарный вестник. Вып.1. - Алмата, 2002.
39. Диалектика соотношения прав личности и методов борьбы с преступностью // Сургутские юридические чтения. - Томск, 2002.
40. Обман: тактическое средство или недопустимый прием? // Южно-уральские криминалистические чтения. Вып. 10. - Уфа, 2002.
41. Криминалистика для криминалистов или для практики? // Роль и значение деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики. - М., 2002.
42. В каком направлении будет развиваться криминалистика? // Научные труды академии финансовой полиции. Вып. 3. - Алматы, 2002.